

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ISSN 0321—3803 Февраль, 1990 г.

СГМ

Искусство рыдающих
красок

Юношеская любовь

К новому облику
социализма

Инженеры «made in
West Germany»

Принцип Велюханова
«Продается молодой
специалист, недорого...»
Молдавский вариант

ГРАФИКА АЛЕКСАНДРА АРХУТИКА

ЗРИ В КОРЕНЬ!

ФОТОРЕПОРТАЖ

Приятное с полезным

Сентябрь — горячая пора в студенческой жизни, славящаяся картофельными эпопеями. И хотя студенты — народ бывалый, но многие трудности, с ко-

ими им приходится сталкиваться на сельхозработах, можно перенести, только обладая юмором и юношеским азартом. Элементарные условия, сносное

жилье, нормальная пища, поддающаяся перевариванию, небольшой отдых — вот те маленькие человеческие «радости», которые в любом случае ребятам необходимы. Жаль только, что даже об этом порой студентам приходится мечтать, утешает лишь одно — кому-то все же везет. Впрочем, «везет», наверное, не совсем точное слово, чудес на свете не бывает, но их можно подготовить.

Именно об этом пойдет речь в нашем фоторепортаже.

200 студентов (первый и второй курс) механического факультета Киевского технологического института пищевой промышленности работали на уборке картофеля в совхозе «Жуковский» Згуровского района Киевской области. Именно администрация института, комсомольская организация создали для них небольшое «чудо», и жизнь ребят на сельхозработах протекала в нормальных условиях. Но это еще не все... Полноценный отдых всем нужен, и об этом тоже позаботились. Как? Да очень просто.

Есть на механическом факультете агитбригада — коллектив с большой творческой биографией. За плечами участников немало интересных и

надолго запомнившихся выступлений. Это и концерты в Чернобыле перед участниками ликвидации аварии на атомной станции, и выступление в Шепетовке — родине Николая Островского во время празднования 70-летнего юбилея комсомола. В репертуаре коллектива лучшие музыкальные произведения украинского фольклора, народные танцы.

И вот однажды солнечным утром автобус с агитбригадой выехал в совхоз «Жуковский». И был небольшой, но желанный праздник, с песнями, шутками.

А вечером — концерт. Звучали веселые и лирические, чарующие своей музыкальностью, мелодичностью украинские пес-

ни, зажигающие бесшабашностью и задором танцы — все лучшие образцы народного творчества представили на суд зрителей участники агитбригады.

Ну и, конечно, не обошлось без ужина с гитарой, дискотеки, для которой специально была привезена аппаратура.

Как видите, при желании всегда можно что-то придумать и соединить приятное с полезным. Нет никаких сомнений, что ребята надолго запомнят те осенние дни.

Было бы несправедливо не сказать о еще одном человеке, внесшим свою лепту в удачно прошедшую сельскохозяйственную работу. Директор —

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1990, № 2, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Георгий Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Ярослав Мухоморов
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятин, Илья Толстой,
Вячеслав Шостаковский,
Михаил Щипанов

Главный художник
А. Архутин
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Нодендритовская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71

Сдано в набор 24.11.89. Подп. в печ. 04.01.90. А02713. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1 180 000 экз. (500 001—1 180 000 экз.). Заказ 367. Цена 30 коп.

Однa Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103300, Москва, Суздальская ул., д. 21.

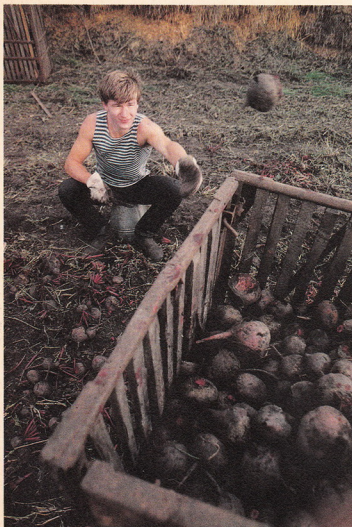
© «Студенческий меридиан», 1990 г.

Александр Горбатьюк, лишь второй год возглавляет совхоз. Недавний выпускник не понаслышке знает типичные проблемы осенней страды. Видимо, поэтому между студентами и директором сложились самые добрые, неофициальные отношения, а как следствие и нормальные условия для жизни и работы.

Гульнара Давлетшина

РЕПИКА

«Ст. М.» жульничает?

«Уважаемый главный редактор!

Мною был послан подробный и правильный ответ на загадку июньского номера и предложен вопрос для очередной викторины, который опубликован в сентябрьском номере.

Какой вы мне дадите совет? Уподобиться жульничеству вашего журнала и дать к своему же вопросу подробный ответ?!

Я по наивности доверил, пусть маленькое, но свое «открытие» вашему журналу (о чем теперь горько сожалею), хотя год вынашивал мысль послать вопрос в программу «Что? Где? Когда?».

Сегодня, когда накоплено столько обмана и бесчестия, нужно быть особенно щепетильными к вопросам журналистской чести и совести!

Жду обязательно ответа от редакции журнала «Ст. М.». Студент 4-го курса НИИГАиКа Яворский Виталий Анатольевич».

Это письмо нас «задело» — не красиво, конечно, вышло. Человек предложил оригинальную идею — мы ею воспользовались — и в буквальном смысле: ни ответа, ни привета! Ни имени автора вопроса не указали и поблагодарить его даже не соизволили.

Совпадение? Странно, что и говорить: и нам, и Виталию Анатольевичу одновременно пришла одна и та же мысль — из тысяч картин предложить именно эту. Чего в жизни только не бывает!..

Но, оказывается, в данном случае не было никакого совпадения.

Был действительно правильный и достаточно подробный ответ на очередную загадку «Ст. М.». В число победителей В. Яворский не попал — нашлись работы более достойные. Но в его письме не шла речь о Доре, и нового вопроса, соответственно, не было.

Так зачем же это обвинение?! Потехи ради? Да ведь не смешно — когда обвиняют в жульничестве и поучают на предмет «журналистской чести и совести».

Принцип Велюханова

Сейчас уже совершенно ясно, что никакими санкциями, никакими даже самыми драконовскими мерами, направленными на повышение качества подготовки специалиста, нельзя заставить студента учиться лучше. Методика принудительного обучения исчерпала себя.

И сегодня высшей школе нужны такие условия, при которых учеба для студента стала бы не тягостной борьбой за знания, а радостным и, главное, творческим процессом познания.

Все это, мне кажется, можно воплотить в жизнь, если создать вуз, основанный на следующих принципах.

1. Полная свобода студента в организации учебного процесса. Он сам выбирает — какие, в какой последовательности и как изучать преподаваемые дисциплины. Исключая составление общетехнические, общественные и гуманитарные дисциплины. По всем этим дисциплинам он должен освоить несколько курсов по выбору. По каждому из них лекции читают не менее двух преподавателей. Студент может ходить на лекции к любому из них или учиться самостоятельно. Если студент не знает, какая литература нужна для самостоятельной подготовки, если возникнут какие-то вопросы по курсу, то он может обратиться за консультацией к любому преподавателю.

В свою очередь, чтобы привлечь студентов того или иного вуза, представители различных предприятий и НИИ, заинтересованные в новых кадрах, проводят лекции по современным проблемам, которыми они занимаются, рассказывают о своих предприятиях, кафедрах и НИИ, предлагают научную работу и разработку образцов новой техники. Таким образом, студенты уже с первых дней учебы ищут место будущей работы и определяют профилирующую кафедру или несколько кафедр, на которых они будут

готовиться к работе на выбранных предприятиях.

Диплом должен иметь — по образцу трудовой книжки — незаконченный вид и таким образом вписываться в систему непрерывного образования. Качество подготовки студента по всем дисциплинам (курсам) должно оцениваться не количеством баллов, а «уровнем».

Всего их три:
а) общеобразовательный («научно-популярный»);
б) общетехнический;
в) специальный.

Срок обучения студент выбирает сам. Однако необходимо установить максимальный срок обучения. Студент может прекратить обучение, если освоит на требуемом уровне весь список дисциплин (курсов), представленный ему предприятием, на котором он будет работать. При недостаточной подготовке специалиста предприятие может вернуть его в вуз для более углубленной подготовки. При необходимости повышения квалификации или переквалификации он снова возвращается на необходимое время в систему высшего образования. Освоенные при этом дисциплины (курсы) вписываются в диплом на свободное место.

Если студент уходит из вуза или переходит в другой, ему выдается диплом, в который вписано все, что он изучил. При поступлении в вуз и переходе из одного в другой не требуется никаких экзаменов.

2. Экономическая свобода студента и платный характер обучения.

Студент может сам платить за обучение, может за него платить и предприятие. Но в основном студент оплачивает обучение за счет ссуды, взятой в сберегательном банке. Для этого необходимо ту сумму, которая сейчас тратится за год на обучение одного студента, положить на счет его в сберегательном банке. Этого вполне хватит и на обучение, и на жизнь. Студент может расходовать ее всю или ровно столько, сколько необходимо. Но он должен четко представить себе, где бы и кем он ни работал, с него будут высчитывать проценты, пока он не вернет всю израсходованную сумму государству.

На всех кафедрах должны проводиться платные лекции, консультации и лабораторные работы для студентов по предварительной записи. Один раз в неделю на каждой кафедре собирается экзаменационная комиссия, состоящая как минимум из двух преподавателей. Они принимают экзамены, курсовые работы (проекты) или курсовые научные работы студентов по предварительной записи.

Большинство экзаменов необходимо заменить курсовыми проектами и научными работами. Причем они должны быть такими, чтобы студент не мог их выполнить, не освоив более 80% программ курса, по которому выполняется этот проект или работа.

В каждом вузе необходимо организовать кафедру психологии и социологии. Основной темой занимающихся на этой кафедре должно стать изучение учебного процесса в своем вузе и выработка рекомендаций по его совершенствованию. Эти научные работы должны регулярно печататься в вузовской прессе и выноситься на научные конференции. На основании этих работ должны проводиться эксперименты по реорганизации процесса обучения с целью его постоянного совершенствования.

Преподаватели должны всячески поощрять коллективное творчество. Например, проектирование сложной машины группой студентов различных специальностей, проведение исследований на стыке наук и т. п.

Необходимо регулярно проводить конкурсы на лучшую сту-

денскую научную работу и курсовой проект, собирать студенческие научные конференции. Необходимо, чтобы студенты в рамках проекта разрабатывали реальную технику, нужную народному хозяйству. Лучшие образцы внедрять в производство.

Во время производственной практики студент едет на завод (НИИ), где он будет работать по окончании вуза. Его временно принимают на работу по специальности. Таким образом, он получает возможность поближе познакомиться со своей будущей работой, а предприятие может оценить его как специалиста, выявить слабые стороны подготовки, чтобы студент знал, на что ему нужно обратить особое внимание.

Начинать обучение в вузе желательно с иностранного языка, изучая его до тех пор, пока не появятся навыки свободной разговорной речи и общения. В последующие годы обучения можно было бы сдавать некоторые экзамены на иностранном языке. Это обязательно должно быть указано в дипломе.

Боюсь, что в современных условиях перестроить вузы в соответствии с предложенными принципами практически невозможно. Но вот если собрать достаточное количество преподавателей, поддерживающих такую систему обучения, и организовать новый самостоятельный вуз, то в успехе можно не сомневаться.

*Владимир Велюханов,
студент МВТУ*

ДОСЫЛ В НОМЕР

Замечательный, плодотворный диалог с читателями завязался у нас после публикации статьи Юрия Повилейко «Возможен ли коллективный подряд в вузе?». Получены сотни писем, и почти в каждом свой проект или хотя бы предложение по реформе высшей школы. Одно из таких писем вы сейчас прочли.

Давайте же продолжим этот актуальнейший для современной жизни разговор.

Пишите нам, друзья, и не обижайтесь, если не все письма попадут на страницы журнала. Все, что есть в них интересного и делного, будет представлено в наших подборках.

Дом человека — природа

Я музыкант и привыкла говорить на языке музыки. Остро чувствую несовершенство слова, но все же пишу вам. Знаете, иногда нестерпимо таить в себе боль. А «болею» тем, что задыхаюсь от дыма заводов, от уродливых громадных домов, от асфальтированности всего пространства... Где в этом окружении найти уют душе человеческой?

Не знаю, что это — ирония судьбы или совпадение: вот сейчас, в тот момент, когда пишу эти строки, в связи с очередными техническими неполадками в системе водоснабжения экскаватор во дворе вгрызается в землю, как голодный зверь, и преступно-равнодушно ломает своим неуклюжим грубым ковшом веточки молодого дерева. И уже не клен стоит, а почти один только ствол с несколькими листиками на верхушке. Нет, дерево не погибнет (если его сейчас совсем не сломают), но будет жить, как человек с отрубленными руками...

Я живу, как и многие другие, в обычном многоэтажном доме. В одном из тех многочисленных чудовищ современных микрорайонов с неистребимыми тараканами, исцарапанными лифтами, с запахом мусоропровода в подъезде и периодическими отключениями по техническим причинам воды, а зимой — отопления. Но не в этом дело. Я не люблю свой дом, вернее, квартиру, а еще точнее — по-чиновничьи — «жилоплощадь», не только из-за этих пустяков.

Главное — я знаю и чувствую, что мой дом — другое. Природа. Лес. И это не просто фраза романтика... Лес зовет меня постоянно и настойчиво. Я хочу придти к нему и быть с ним. Только я и лес. И никто бы не мешал мне разговаривать с деревьями, травами. Я слышу их голоса. Это мои братья и сестры, им одним я могу все без

слов рассказывать. Потому что они слышат — чувства...

Но природа все дальше и дальше удаляется от наших жилищ. Неуклюжие постройки отесняют от нас лес и все живое...

Пытаемся потом на вытоптанной, развороченной земле посадить что-то взамен, наспех. Но... нарушенная естественная гармония не восстанавливается. Призывы беречь природу, наконец, слышом долго звучали робкой просьбой, а не тревожным набатом.

*Татьяна Светличная,
г. Днепрпетровск*

Библиотечка «Ст. М.»

У меня — деловое предложение: создать для читателей «Ст. М.» хотя бы маленькую библиотечку из произведений любимых авторов.

Для этого «Студенческий меридиан» узнает (путем опроса) о произведениях, из которых должна состоять библиотечка. По количеству голосов выбирает наиболее «молодежнолюбимых» авторов. Налаживает контакты с надежными издательствами. Делает заказ на эниный тираж...

(Я лично — за престиж и большой тираж журнала, а также за повышение культурного уровня его читателей.)

*Евгений Алафонов,
г. Николаев*

Искателям истины

Очень нравится ваш журнал, но хотелось бы отметить некоторые тактические просчеты.

Молодежную трибуну вы превратили в последнее время в лекции и проповеди супергениев и супергероев, которые своим профессиональным сверхинтеллектом просто дают рождение собственных мыслей у молодежи и отталкивают от журнала радикально мыслящих. Дайте им сначала вылезти на поверхность земли, а уж потом кричите: на старт, на старт.

Человеку свойственно отвлеч-

каться, отречься, сомневаться, выбирая свой стиль и направление мышления, а вашими знаменитостями вы просто пиunate слабые ЭПК читателя.

Нужно шире применять метод многовариантного поиска, чтобы читатели сами искали истину, выбирали идеи, а не глотали пережеванную мораль, ибо голая мораль не глотается или сразу отрицается самолюбием как насилие.

Думаю, что нужно устроить конструктивный спор на страницах журнала, то есть спровоцировать читателя на поиск мысли, который приведет к массе интересных предположений. Нужны смелые и оригинальные мысли, дерзкий юмор и критика, сатира, чтобы раскрепостить сознание и поднять эмоциональный уровень читателей. И, конечно, необходима качественная приманка для эмоционалов — развлекательные «звезды» и демонстрация их мышления. Не бойтесь также показывать слабых и земных людей, ведь даже «летающие мальчишки» низшеили к доказательству своего образа мысли.

Итак, дайте дорогу молодежи, ее смелости и жажде познания, а старикам и так хватает почета, ведь нынешний кризис в стране сделали они (факт!). Проигравших надо судить, а не рекламировать, ибо это аморально, несмотря на весь их богатый опыт по коллекционированию своих ошибок, который ни разу не помог нам за 72 года нашей суперборьбы за сверхсправедливость. Нужно доступнее рекламировать логику поведения человека, а не общие слова в форме громких догматических лозунгов.

Возможно, я не совсем права и наивна.

*Галина Агинская,
г. Красноярск*

Что нового в рисунках Лермонтова?

Давно читаю журнал и всегда иду в нем публикации Людмилы

Шаталовой о рисунках Лермонтова. После рассказа о неизвестной поэме поэта юношеского периода заново перечитываю его стихи и нахожу в них совсем иной смысл.

Расскажите, что нового увидела в рисунках Лермонтова Людмила Николаевна? И поскольку материала уже собралось у нее, наверное, много, не задуматься ли об издании книги о новых находках в творчестве поэта и его биографии? А может, книга уже готова, готовится, издается? Что известно об этом редакции «Ст. М.»?

*Е. Фадичева,
Москва*

От редакции. В ближайших номерах мы познакомим читателей с новыми находками Л. Н. Шаталовой. Их много!

Страдания...

В 1988 году я закончила институт. Профессия — учитель математики и физики. Средний балл — 4,7. По семейным обстоятельствам была направлена в роно того района, где живет моя мама. Но в нашем поселке не смогли мне предоставить работу по специальности. И я вынуждена была работать пионервожатой. Часто заменяла заболевших учителей.

Летом, когда уволился один из физиков, появилась надежда — почти уверенность — его часы предоставят мне. Постепенно надежда разрушалась. Вначале директор сказал, что я буду вести физику, но полную ставку он не сможет обеспечить, так как приехала какая-то учительница, физик по образованию. Но пообещал, что подыщет еще что-нибудь. 2 сентября я вошла в учительскую и прочла, что работа пионервожатой и паус к этому 4 часа физики в неделю. На вакантное место приняли выпускницу 1989 года с такой же специальностью, как и моя.

То, что так несправедливо, как мне кажется, обошлись со мной, не давало мне покоя. Оби-

да и разочарование мучили меня.

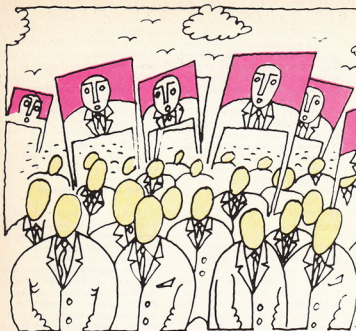
Директор сам вызвал меня и, усадив перед своим столом, заговорил о том, что вести физику в старших классах мне будет тяжело из-за моей чрезмерной мягкости. Поэтому он дает мне возможность «встать на ноги». «Кроме этого, — сказал он, — будешь снова пионервожатой». Услышав, что я работаю по совместительству в ПТУ, он, совершенно необъяснимо для меня, возмутился и поставил условие: или я работаю только в школе, или увольняюсь вообще. После некоторых возражений директора ПТУ, который, в свою очередь, возмутился заявлением директора школы, я все же уволилась из ПТУ. Теперь я снова работаю только в школе. Пионервожатой. И снова звучит просят заменять учителей, будто в школе, где столько математиков, заменять всех должна я, совершенно забывшая при этом о моей «чрезмерной мягкости». Я отказалась. Директор, услышав об этом, грубо бросил: «Издайте приказ, и пусть идет заменять».

После всего этого я чувствую себя такой жалкой и бесправной. Глубокие сомнения в правильности выбора профессии довели меня до отчаяния. И если к этому прибавить еще и невозможность куда-либо уехать... Вы в полной мере можете оценить сложность моего положения. Следует добавить, что заведующий роно в курсе событий, но ничего определенного не высказывает...

Нурида

От редакции. Мы не в силах помочь Нуриде: в письме — только имя. Ни фамилии, ни поселка, ни области... Ясно только, что происходит все среди равнодушно взирающих людей, называющих себя коллективом, учителями-просветителями, воспитателями...

Будь смелее, Нурида, приходи в редакцию свой адрес.

КОМАНДИРОВКА В ВУЗ

«Продается молодой специалист, недорого...»

Ольга Боброва

Замкнутый круг

— Держу пари, что и сегодня кто-нибудь из наших выпускников обязательно придет, — с оттенком отчаяния сказал Дмитрий Иосифович Костылев.

— Так ведь распределение давно прошло, — недоумеваю я.

— В том-то и дело, что они должны к работе приступать, а им — от ворот поворот.

Это к нему — начальнику «Студенческого стола» Калининградского технического института рыбной промышленности и хозяйства идут новоспеченные молодые специалисты, возвратясь из мест не-

удавшихся распределений. А он, в силу должности, сокрушается, чертыхается, разводит руками... Потом начинает раздумывать, звонить, предлагать питомцев института всюду, где только возможно. Иногда попытки заканчиваются перераспределением, но чаще всего — справкой на свободное трудоустройство.

Дмитрий Иосифович по натуре оптимист, но в последнее время оптимизма поубавилось.

— Ситуация с распределением у нас осложнилась два года назад, — уточняет он. — И с каждым выпуском становится все хуже. Почему? Хозрас-

чет — это во-первых. Договорная система подготовки специалистов — во-вторых. Ну а в-третьих, Министерство рыбного хозяйства полностью устранилось от трудоустройства выпускников и завалило эту проблему на институт. Занимается этим каждый факультет отдельно.

Мы не проговорили с Дмитрием Иосифовичем и полчаса, как дверь открылась и в комнату вошла девушка.

— Принимайте назад своего специалиста, — полусерьезно, полугрустно произнесла она.

— Ты же в Мурманске должна быть! Там инженеры-экономисты нужны...

— Нет для меня там места, — Наташа Жукова достала из сумочки бумажку и протянула Костылеву. — Вот мое открепление.

— Что ж нам с тобой теперь делать, куда же нам тебя направить?.. — приговорив задумчиво Дмитрий Иосифович и стал листать какие-то свои записи.

А мы тем временем с Натасей разговорились.

— Какие-то планы по трудоустройству есть?

— Нет, никаких. Почему-то и сомнений не было, что в Мурманске от меня могут откататься. Для меня это был гром среди ясного неба. Видимо, теперь придется устраиваться не по специальности.

— Ты допускаешь и такой вариант?

— А что делать? Обидно, конечно. Ведь меня пять лет учили и специальность нравится.

— А как дела у сокурсников с распределением?

— Я не одна такая. Моя подруга Лена Гудзеева вернулась из Новгорода. Правда, работу ей дали интересную, а вот жилье просто жуткое и без всяких перспектив на улучшение.

— На их факультете, — включился в разговор Дмитрий Иосифович, — из 45 выпускников мы вынуждены 21 специалисту дать справку на самостоятельное трудоустройство. Да еще семь отказов было от производств. А теперь уже восемь вместе с Натасиным.

Дверь распахнулась, и на пороге появился веселый парень.

— Здравствуйте! Я хотел на профсоюзный учет встать и

трудоую книжку отдать.

Первокурсник...

— Счастливый,— усмехнулась Наташа,— у него все еще впереди. Но не дай бог ему такого же финала. За эти дни многое передумала. Даже были мысли, что потеряла эти пять лет даром, что теперь, с дипломом, нигде не нужна...

— Не впадай в пессимизм, Наташенька,— Костыле что-то отсыкал в своих записках,— а поезжай-ка ты в Октябрьский райком комсомола. Там требуется аж главный бухгалтер — чем не должность?

— Ну, ладно, экономисты,— продолжал Дмитрий Иосифович, проводя «неудачнику»,— но и у «механиков» дело не лучше. На их факультете машин и аппаратов из 50 выпускников 31 получил самостоятельное трудоустройство, да еще семь отказов пришло с предприятий. А кадровики сейчас быстрее всех перестроились: 3 тысячи платить не хотят и в открытую так и заявляют: «Ты бери справку на самтруд и приходи — тогда возьмем».

Ситуация... Институт остается внакладе: за специалиста ему ничего не платят. Сам же специалист тоже в проигрыше: одним махом лишается всех своих льгот. Юридически к ним не подкупаешься, справка надежнее всякой брони прикрывает. А не дать справку институт тоже не может — тогда он обязан трудоустроить сам. И опять всплывают эти 3 тысячи... Замкнутый круг.

Больно ударил по системе распределения и региональный хозрасчет.

— В этом году вся Прибалтика отказалась от наших выпускников. Это при том, что раньше мы туда направляли их до 40 процентов. Теперь ведь нужно платить этим республикам нам 3 тысячи да плюс местным Советам по 13—15 тысяч. Это набегает по 16—19 тысяч. Какое же производство таких специалистов «потянет»?

По данным «Студенческого стола», за 600 выпускников 1988 года институт заплатили только 240 тысяч, хотя по расчетам он должен получить 1 миллион 800 тысяч. Многие предприятия не признают свои же договора, заверенные гербовыми печатями и подписями самих ответст-

венных лиц. И как правило, ставят перед фактом уже в самый последний момент.

Если в позапрошлом году выужденных «самоустраиваться» было в Калининградском техническом 64 человека, то на середине августа 1989 года уже 140.

— Ну а договоры у вас есть на будущих выпускников?

— Уже 330 штук. Но гарантировать эффективность этих бумажек я не осмеливаюсь. Даже такие солидные и постоянные партнеры, как Севрыба, в том году подвели. Что же говорить о других?

Не хочу «кота в мешке»!

Ругать производственников — проще простого. Ну а если войти в их положение?

Итак, я начальник. Уже не первый год. Всего каких-нибудь пару лет назад и голова не болела за этих молодых специалистов. Брала их на предприятие «пачками»: сколько было «дыр» в штатном расписании, столько и брала. На профиль, специализацию, открытию говоря, не обращали внимания, а «затыкали» ими все «вакансии», от мастера в цехе до инженера в КБ.

Но вот — внедряется хозрасчет: считают деньги, считают реальную отдачу от каждого работника. Мне теперь не то что молодых набирать — старых девать некуда.

Допустим, мне все-таки нужны специалисты. Но не 15—20, как в былые времена, а всего 2—3. Но нужны — опытные, знающие, энергичные, словом, асы своего дела. Найду я таких в институте? Увы, нет. Пока «молодой» разберется, что к чему, пока ориентируется в производстве, пройдут месяцы, а то и годы. А мне нужно сразу от него получить отдачу.

Мало того, что из институтов «кота в мешке» присылают, так за него еще и минимум 3 тысячи просят. Не жалко было бы и 10 тысяч, будь уверенность в качестве его подготовки. Или, предположим, была бы альтернатива выбора: из нескольких претендентов взять лучшего. Да хотя бы этот будущий специалист практику у нас год-другой проходил — и то представление о нем было бы. А мороки-то с ними хоть от-

балляй. Жилье предоставь, детей в детсад устрой, другими льготами обеспечь... Как ни крути, а невгодна при хозрасчете ориентация на молодых. Пока надо поджидать с кадрами. А там — лет через 5—7 — может, и понадобятся люди на реконструированные участки, цеха с новой технологией. Тогда-то и ломать голову стоит, деньги-таки на следов тратить.

Проблительно так рассуждает среднестатистический руководитель.

Дитя с характером

А вузы — куницы кадров — между тем продолжают штамповать специалистов, которых никто не торонится брать.

Но грезились-то совсем иное.

Вузы ожидали поистине золотой век: за каждого специалиста получить по 3 тысячи — это же деньги! В перспективе маячили увеличение «себестоимости» выпускников до 10 тысяч и более. И тогда!.. Просто дух захватывало от радужных перспектив: и база института — Оксфорд позаивдет, и студенческие обещания — сплошной комфорт, и зарплата педагогов — на уровне мировых стандартов...

Но первые шаги в этом направлении показали, что хозрасчет — дитя с характером, характер у него своеобразный и непредсказуемый. Но приспособиться к нему можно...

— С распределением сейчас архисложно... — заметила Елизавета Борисовна Евдокимова, декан факультета водных биоресурсов и аквакультуры. — Что делать? Трудоустройство выпускников взяли на себя кафедры...

Это означает: разослать в хозяйства сотни запросов, потом получить подтверждения, составить договора. Десятки бумаг, которые надо контролировать, заполнять, регистрировать, отсылать...

— Выходит, нам на факультете нужно для этого открывать целую контору, кафедры и без того загружены донельзя, преподаватели перерабатывают чрезвычайно,— вздыхает декан.

Управление кадров и учебных заведений Министерства рыбного хозяйства, как мы уже знаем, от устройства молодых специалистов полностью отка-

зались, предоставив полную свободу кафедрам. Кроме того, все внутренние водоемы Минприродхоза передал Госагропрому. Озера, пруды остались бесхозными. Например, на Украине, в Молдавии пруды передали колхозам, которые использовали их на орошение и другие нужды. И рыбоводство там прекратило свое существование.

На этом реорганизационная эпопея не закончилась. Расформировали и сам Госагропром. Теперь с запросами по молодым специалистам вообще неизвестно к кому обращаться. Приходится списываться с областями. Но в управлениях по сельскому хозяйству при исполнении данных о потребностях кадров подобного профиля вообще нет. Рекомендуют списываться непосредственно с рыбхозами. А их, по приблизительным подсчетам, около 20 тысяч. Как правило, это небольшие хозяйства, и им нужен в среднем один специалист за пять лет.

— Что мы реально можем сделать, на какой юридической основе нам говорить с хозяйствами? — недоумевает декан. — Раньше они все-таки прислушивались к министерству. А теперь?

Мина под собственным креслом?

— Есть новость парадоксальнее, — горько усмехнулся Владимир Алексеевич Шкицкий, заведующий кафедрой ихтиологии и сырьевой базы. — Мы в этом году выяснили, что нигде у нас в стране не нужны... экологи. Хотели сделать набор эколого-токсикологов, разработали для них дисциплины по водной токсикологии, санитарной гидротехнике... Однако не удалось заключить ни одного договора! Подтвердился лишний раз истинна: «Экология — прямое противоречие ведомственным интересам». Какому чиновнику нужна мина под его креслом?

Факультет вышел со своим предложением по подготовке экологов в Госкомприроду СССР. Оттуда ответили: специалисты вроде бы нужны, тем более, что у нас никто всерьез не занимается сейчас охраной внутренних водоемов... Но определенный статус самого комитета не позволяет пока за-

ниматься этим вопросом вплотную. Значит — опять ждать...

В ближайшее время институт переходит на хозрасчет. Обучение будет вестись исключительно по договорам. Не будет их — сократится набор. И факультет биоресурсов и аквакультуры — единственный в своем роде! — стоит под угрозой упрощения, если численность приема будет меньше 50 человек.

— Структурная неразбериха в ведомствах, полное отсутствие статистики и информации в нашей отрасли загнали нас в тупик, — говорит Елизавета Борисовна. — К тому же никто не учитывает, что строятся новые хозяйства, расширятся прудовое рыбоводство и везде потребуются специалисты. В случае нашего закрытия, сокращения преподавательского состава выпуск их наладить будет чрезвычайно сложно. Такая печальная практика в Союзе уже была неоднократно.

— Но ведь в Казанском университете создали экологический факультет и приняли на него 20 человек? — обращаюсь я к Владимиру Алексеевичу.

— У них эти студенты набрали по государственному заказу, без договоров, — ответил он. — Дальнейшую судьбу этих специалистов предсказать сложно. И опять же непонятно, что тут сработало больше: конъюнктура или адрывный смысл? Зачем это было делать в Казани, озадачивать их преподавателей, если у нас в институте есть готовая база, если это наша специализация... Думаю, на сегодняшний день ни один университет, ни один вуз не в состоянии подготовить качественно специалиста такого профиля, как в нашем институте.

«Жесткие условия труда»

Картина получается удручающая. Институт вынужден готовить больше тех специалистов, на кого есть спрос сегодня. Не исключено, что делаться это будет и за счет того, что придется закрывать те факультеты и кафедры, где этого спроса сегодня нет. Это означает, что нужно сворачивать уже отлаженный учебный процесс, сокращать преподавателей, ликвидировать базу... Но где га-

рантия, что завтра все это не придется восстанавливать? Все эти своеобразные игры хозрасчета затрагивают не только перечисленные звенья одной цепи, но и отражаются на студентах, качестве их знаний. В итоге же опять будет страдать «рынок сбыта» — производство.

Где выход?

— Не все так безрадостно, — услышала я на судостроительном факультете Калининградского технического, где готовятся специалисты по кораблестроению, эксплуатации судовых энергетических установок, технологии машиностроения. Его декану В. Н. Морозову удалось всех своих выпускников прошлого года распределить по договорам.

— Мы тоже совмещали свои должности с чиновничьи, — рассказал Владимир Николаевич. — Засылали сотни бумаг и куда только возможно. Сил и времени на это ушло много, но в итоге все закончилось благополучно. Лихорадки с распределением не было.

— Значит, «выжить» возможно и в хозрасчетных условиях?

— Надо только не сидеть сложа руки, подключаться с полной отдачей всем кафедрам. Тут, конечно, покрутись, но этого требует от нас время.

Несмотря на ужесточившиеся «условия труда», здесь пошли еще дальше. Хотят заложить «фундамент» для колледжа при факультете. Туда придут восьмиклассники, а образование у них будет среднетехническим. При выдающихся успехах не исключено прямое зачисление в институт. На базе городской школы № 35 планируется открыть малый судостроительный факультет.

— Эти ребята, — возмнил Морозов, — не окажутся в институте новичками. Ведь занятия в колледже и на малом факультете проводят те же преподаватели, что работают на факультете.

Да и базу судостроители укрепляют всеми возможными способами. Действует на факультете сервисный участок. Он выполняет посредническую функцию при заключении контрактов с иностранными фирмами на поставку оборудования судоремонтным заводам, плавбазам, пять процентов от оборо-

та участок берет себе за наладку и ремонт этого оборудования. Таким образом, есть возможность за полученную валюту закупить компьютеры, множительную технику, отправлять за границу на учебу и практику студентов и специалистов. Уже действуют несколько договоров. В частности, с западногерманской фирмой «Крауфт-Кремер» на 750 тысяч долларов. С ГДР заключено соглашение о научном сотрудничестве на 65 тысяч «эзовских» рублей.

— Рекламаций на выпускников мы пока не получали,— отмечает Владимир Николаевич.— Уже есть договора на 1991—1995 годы. Судя по ним, надо набор увеличивать. А вот с базой и помещениями туговато. Опять же, с общежитиями — проблема.

— Можно сказать, что ваш факультет с хозрасчетом уже на «ты»? — допытываюсь я.

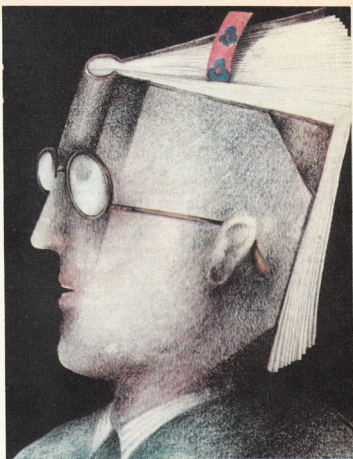
— По некоторым причинам, еще на «вы». Нужно время, чтобы заложенные сейчас семена дали всходы. А там уж можно перейти и на «ты».

— Но ваш факультет скорее исключение из правил? — уточняю я.— Другие пока находятся в растерянности.

— Да. Одни еще не сориентировались, у других — принципиально другие условия. Комплексе проблем тут огромный,— согласился Морозов.— И стабильности в ближайшем будущем ожидать не приходится.

Было бы наивно предполагать, что только в Калининградском техническом институте хозрасчет поставил свои жесткие условия. Они стоят сейчас перед всеми вузами без исключения. Попытки отрегулировать спрос и сбыт молодых специалистов при договорной системе пока далеко не всегда заканчиваются благополучно... Но за этими «нестыковками» стоит совершенно конкретная судьба совершенно конкретного человека. По прогнозам социологов, которые уже всерьез говорят о биржах труда, судьбы молодых специалистов будут далеко не радужными.

Вполне возможно, что в разделах объявлений наших газет появится объявление: «Продается молодой специалист, недорого».

ТВОИ ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЕРСТНИКИ

Инженеры «made in West Germany»

Михаил Щипанов

Читатели уже знакомы с результатами опроса, участников которого — западноевропейских менеджеров и финансистов, журналистов и депутатов, преподавателей и чиновников учреждений ЕЭС — попросили назвать страны Европейского сообщества, где, по их мнению, подготовка молодых специалистов осуществляется наиболее эффективным образом (см. № 11 за 1989 г.). В области «инжиниринга» с большим отрывом пальма первенства присуждена выпускникам западногерманских вузов. Так в чем же секрет технического образования «made in West Germany»?

Западногерманская система высшего технического образования очень напоминает классический английский газон, который столетиями не забывали вовремя полить и подстричь. Знаютки утверждают (и нет никаких оснований им не верить), что в основе современного инженерного тренинга в ФРГ лежат принципы, сформированные в Берлинском университете почти сразу же после его основания в начале прошлого века.

Именно тогда старший из братьев Гумбольдт, Вильгельм, считавший воспитание гармоничной личности высшей целью государства, сумел-таки отвоевать для столичного университета в «душной прусской казарме» проветриваемый угол. Свое «кредо» он изложил предельно четко: тесная связь образования с научными изысканиями студентов, полная независимость университета по отношению к государственным и экономическим центрам власти, внимание к личности будущего ученого.

Специалист — это звучит гордо

По европейским меркам, в Западной Германии выпускают много инженеров различного уровня, пожалуй, даже слишком много. Ежегодно 25 тысяч, то есть почти в два раза больше, чем в соседней Франции. На соответствующие технические и естественные факультеты может поступить любой молодой человек, получивший «полное среднее образование». Аудитории переполнены. Однако никто не протестует против сложившейся системы обучения, считающейся в долинах Рейна образцово-демократичной.

И что характерно, возросшее число дипломированных «технарей» не привело ни к снижению качества подготовки, ни к падению профессионального престижа и чувства законной профессиональной гордости. К системе высшего образования ФРГ совершенно неприменимо понятие подготовки «инженера общего профиля». Случаи, когда бы молодой специалист в области электроники подался в банковские клерки или делал карьеру в строительстве, полностью исключены. Инженеров в Западной Германии готовят строго запрограммированно ли-

бо для работы на производстве в полном соответствии с получаемой специальностью, либо для системы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

Правда, немаловажную роль играет то обстоятельство, где и какого уровня диплом получает будущий специалист. В 1989 году пятнадцать крупнейших западногерманских университетов выпустили из своих стен почти восемь тысяч инженеров высшего класса. География этих учебных заведений отражает, в принципе, особую качественную децентрализацию, свойственную Западной Германии.

Расположены университеты, как правило, в столицах земель и своей громоздкостью — от 15 до 30 тысяч студентов — не уступают нашим отечественным. При таком раскладе юный баварец, например, предпочтет поступить в свой «родной» Мюнхенский университет, чем ехать в другие федеральные города и земли. Причем следует отметить, что он ничего не потеряет в плане образования знаниями. Среди западногерманских университетов нет никакой иерархии престижа или качества. Никто не решится утверждать, что в Мюнхене, скажем, подготовка специалистов осуществляется успешнее, чем в Ганновере. Исключения иногда составляют университеты, на кафедрах которых загораются научные «звезды» нобелевского масштаба.

В целом престиж западногерманских университетов достигается благодаря тому, что у нас называют «неразрывной связью науки и образования». Университетский преподаватель в ФРГ не только сам постоянно работает по контрактам с различными предприятиями или государственными службами, но и одновременно возглавляет подвижные и гибкие исследовательские студенческие группы, которые нередко являются подрядчиками известных фирм.

Для самих студентов образование практически бесплатно, что, однако, не сделало их отношение к получению диплома менее ответственным. Теоретически завершить полный университетский курс можно за восемь-девять семестров. Однако скорейшее обзаведение вжде-

ленной «корочкой» не является для молодых западных немцев самоцелью. Многие проводят в стенах аалма-матер от двенадцати до четырнадцати семестров: компаниям нужны специалисты, а не владельцы дипломов. Поэтому-то студенты в ФРГ предпочитают не торопясь учиться и готовить свой *Diplom Arbeit* — научную работу, подводящую итоги обучения, чем «кавалерийским наскоком» сдавать все подряд экзамены.

Сам процесс обучения строится по довольно простой схеме. Специализация будущих инженеров начинается с первого же семестра, несмотря на большую загруженность учебных программ общими дисциплинами. На третьем году серий экзаменов завершается первый цикл пребывания в университете. А затем в течение, как минимум, еще двух семестров студенты как бы шлифуют знания, готовясь к сдаче экзаменов, сравнимых с нашими государственными.

Наконец наступает время *Diplom Arbeit*, работа над которым сочетается обычно с продолжительной (двадцать шесть недель) стажировкой на промышленных предприятиях. Отличительной чертой западногерманского курса подготовки инженеров является почти полное отсутствие гуманитарных дисциплин (лишь 5% учебного времени отводится на право и экономику предприятий) и меньшее, чем во Франции или Великобритании, количество часов для изучения высшей математики.

Университеты и технические школы

Но, если западногерманские университеты постоянно подтверждали репутацию «фабрик по формированию технических мозгов», полных идей по созданию новых технологий и товаров, то в гораздо меньшей степени этим престижным заведениям удавалось готовить инженеров-практиков, «лейтенантов» и «капитанов» для мощнейшей национальной индустрии.

И вот ровно двадцать лет назад волею Капитала страна покрылась сетью специализированных высших технических школ — *Fachhochschulen* (FN), ориентированных на конвейер-

ный выпуск инженеров-технологов. Сейчас эти школы выпускают более двух третей квалифицированных технических специалистов в Западной Германии. Впрочем, нынешний немалый авторитет Fachhochschulen завоеван в упорной и продолжительной борьбе.

Лишь с недавнего времени ректоры высших технических школ стали занимать свои места на конференциях глав западногерманских вузов, а их подопечные получают полноценные инженерные дипломы. Еще несколько лет назад выпускники FN довольствовались званием инженеров с ограниченной компетенцией, а ныне при определенных условиях они имеют право поступать в аспирантуру университетов, некогда столь снисходительных в отношении «простых технарей».

Словом, FN, расположенные во многих городах и потому еще более приближенные к абитуриентам, рассчитанные на шестисеместровый курс обучения, стали важнейшим элементом системы подготовки инженерных кадров в ФРГ. К тому же многие учебные программы технических школ просто уникальны. Ни один университет, например, не может похвастаться налаженной подготовкой инженеров для работы за рубежом и т. д.

Впрочем, в ФРГ традиционно считается, что, каким бы ни было институтское образование, критерием квалификации является все та же практика. Западногерманские молодые специалисты в значительно меньшей степени, чем их зарубежные коллеги-сверстники, могут рассчитывать на карьерные привилегии, связанные с простым обладанием дипломом. Если же учась, что инженеры не составляют в ФРГ некую замкнутую техническую элиту и выпускникам приходится самоутверждаться и в общении с действительно высококвалифицированными, регулярно проходящими переподготовку техниками и рабочими, то их практический дебют можно смело сравнить с борьбой за выживание. Однако сами выпускники в своих силах уверены.

Европа, университеты...

Выступая на церемонии вручения ему диплома почетного доктора университета Болоньи, президент Франции Франсуа Миттеран призвал Европу найти необходимые средства для того, чтобы в 1992 году не 16, а 50 тысяч молодых людей могли бы получить стипендии ЕЭС (программа «Эразмус») для продолжения учебы за границей.

Кроме того, хозяин Елисейского дворца считает, что было бы целесообразно построить хотя бы в одном из городов каждой из стран, входящих в Европейское сообщество, «международные студенческие городки». Поручить выдающимся европейцам чтение лекций, которые

бы через спутник связи транслировались на весь континент для всех студентов, специализирующихся в той или иной области знаний. Будучи патриотом, Ф. Миттеран не преминул в этой связи сослаться на достойный распространения опыт Коллежа Франции, в котором собираются открыть «европейскую кафедру». Ежегодно на место ее заведующего будут приглашать известного ученого-иностранца.

...И мы

В Великобритании состоялась девятая конференция Постоянного собрания ректоров и президентов университетов, объединяющего руководителей более четырехсот высших учебных заведений Европы. Приглашение приняли известнейшие университеты Болоньи, Лондона, Геттингена, Дублина, Вены, Лувена, Барселоны, и среди них более десятка вузов из социалистических стран.

Впервые наставники юности из Москвы и Ленинграда, Праги и Софии, Будапешта получили возможность обсудить одновременно с коллегами со всей Европы место и роль университетов в современном мире. Попытаться сообща уяснить для себя, чем являются эти учебные заведения в зоне «от Атлантики до Урала» — центрами распространения культуры и знаний или «сферой обслуживания». Итак, университетская разрядка началась, и дальше всех в ней с востока продвинулись венгры. По словам проректора Будапештского технического университета, более 10 процентов будущих инженеров из венгерской столицы смогли в той или иной форме осуществить при посредничестве «Центра студенческой мобильности» стажировки за границей.

В двух часах пути от Москвы, в Тульской области, есть небольшой провинциальный городок Заокский, с пыльными разбитыми дорогами, неказистыми домиками, с пустыми магазинами, неброскими вывесками. Но если свернуть направо после железнодорожного переезда и немного пройти вперед, то вы увидите красивое здание, построенное в стиле западноевропейских городов. Это церковь Адвентистов седьмого дня.

Адвентисты седьмого дня — одно из направлений христианской религии, возникшее в недрах протестантизма США в 30-х годах XIX века вследствие вновь пробудившегося интереса к изучению Библии. Первым, кто высказал основополагающую идею этого направления, был Вильям Миллер — баптистский проповедник.

Первая адвентистская община в нашей стране была организована в 1886 году в Крыму. Сейчас в Советском Союзе насчитывается примерно 32 тысячи адвентистов, 40 процентов из них живут на Украине.

Церковь Адвентистов седьмого дня — это организация, строго держащаяся библейских

РЯДОМ С НАМИ

«Ищи мира и стремись к нему»

принципов. Единственный символ веры — Библия. Члены Церкви верят в учение о втором пришествии Иисуса Христа и считают, что Библия подтверждает необходимость соблюдения субботы, седьмого дня недели, для поклонения своему Творцу. Эти два библейских учения легли в основу названия Церкви, которая сегодня является одной из самых быстрорасту-

щих религиозных организаций в мире, — она насчитывает почти пять миллионов человек.

Адвентисты седьмого дня во многих странах проводят гуманитарную деятельность: обучение, лечение, общественная деятельность, профилактика алкоголизма и наркомании. Много сделано ими по сближению народов: Церковь Адвентистов седьмого дня издает совместный

американо-советский и советско-финский журналы, непрерывно идут обмены членами Церкви из разных стран.

В начале 1987 года в Совете по делам религий при Совете Министров СССР было утверждено решение о передаче Церкви Адвентистов седьмого дня земельного участка для строительства центра и семинарии. Участок выделен в п. Заокский — на нем стоял заброшенный остов старой школы, практически пустое место.

Надо отдать должное адвентистам — они трудолюбивы и предприимчивы, не хотят жить за чужой счет. Церковь пригласила из США известного ученого-практика в области сельского хозяйства — доктора Метлайдера, специалиста по выращиванию овощей. Была создана ферма, набраны студенты-адвентисты, и через несколько месяцев напряженного труда и учебы результатом стал прекрасный урожай овощей, в котором после проведенного анализа не было найдено превышающего уровня вредных веществ.

Так что, по мнению В. Д. Мухина — профессора кафедры овощеводства, декана плодо-

овощного факультета ТСХА, и Л. М. Чермных, зав. отделом Института фотосинтеза АН СССР, кандидата сельскохозяйственных наук, приехавших в п. Заокский, чтобы принять участие в экзамене студентов доктора Метлайдера, церковь сможет прокормить себя своими силами.

С осени начались занятия. Семинаристы изучают несколько языков, историю, философию, риторику. Уже подобраны для библиотеки книги обширной тематики и на разных языках. Это — Библия, Коран, другие духовные источники различных религий, философские труды, книги по древней истории, общественным отношениям и многие другие. Когда нет занятий, семинаристы вместе с преподавателями и служителями занимаются строительством, работой на ферме, общаются с прихожанами.

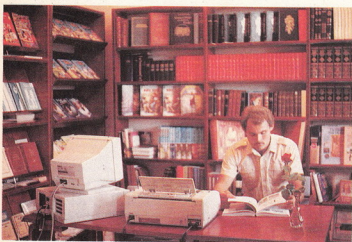
Надо сказать, что адвентисты особое внимание уделяют общению с людьми, они стараются, чтобы никто не прошел мимо церкви. В холле всегда можно найти дежурного семинариста, который расскажет и проведет вас по церкви, пригласит в столовую, причем такое гостеприимство проявляется к каждому пришедшему. А еще вас непременно позвонят на богослужение.

Богослужение Адвентистов седьмого дня состоит из проповеди и молитв, между которыми исполняются музыкальные произведения в основном классического репертуара.

Всего три года существует в п. Заокский церковь Адвентистов седьмого дня, но общественная деятельность адвентистов уже оказывает влияние на жизнь города. К ним приходят не только верующие, но и те люди, которым необходимо общение, кто хочет научиться доброте, дружбе, взаимопониманию, узнать для себя что-то новое.

Адвентисты несут людям культуру, а сейчас это, несомненно, важно.

Борис Хизрин
Фото автора

К новому облику социализма

Борис Шмелев,

доктор исторических наук

В 80-е годы страны социализма столкнулись с большими трудностями в своем развитии. Стали очевидны неэффективность политической и экономической системы, сложившейся в предшествующие годы, необоснованность многих идеологических постулатов, которые в течение десятилетий рассматривались в качестве неизменных атрибутов социализма.

ПВ ходе разворачивающейся в СССР перестройки очень часто говорится о том, что необходимо использовать законы социалистических товарно-денежных отношений, создавать социалистическое правовое государство, развивать социалистическую демократию и т. д. Но возможно ли это в принципе? Существует ли социалистическая демократия, существуют ли социалистические товарно-денежные отношения, социалистический рынок? Что нового вносит само определение «социалистическое»? Несколько лет тому назад любой школьник бойко бы ответил на этот вопрос, да еще возмутился бы тем, что автор не может в этих проблемах разобраться. Однако сегодня ответить на этот вопрос не так-то просто, поскольку ответ зависит от нашего современного понимания сущности социализма.

В течение многих лет считалось, что социализм — это такое состояние общества, в котором в политическом плане господствует диктатура пролетариата в виде сосредоточения власти в руках коммунистической партии, в духовной жизни — марксистско-ленинская идеология, внешняя политика строится на принципах пролетарского интернационализма и т. д. На первый взгляд определение ясно и четко, но при более внимательном рассмотрении

оно оказывается весьма расплывчатым, неконкретным, противоречивым. Вышеречисленные критерии при абсолютизации их значения в политической практике неизбежно должны были привести к стагнации, что, собственно говоря, и произошло.

Так, укрепление позиций общественной собственности на средства производства на практике означало ликвидацию всех других форм собственности внеэкономическим путем, что, по существу, привело к подрыву производительных сил. Общественная собственность, находящаяся под полным контролем и управлением государства, превратилась в разновидность государственной. Между государством в лице его огромного бюрократического аппарата и трудящимися установились наемные отношения, характеризовавшиеся высоким уровнем эксплуатации. При этом все попытки уменьшить степень эксплуатации пресекались весьма жестко. И как следствие, возобладали незаинтересованность работника в результате своего труда, пассивное сопротивление в виде воровства (несуны), пьянства, прогулов и т. д.

Диктатура пролетариата, как монопольное осуществление политической власти коммунистической партией, привела к сужению социальной базы пра-

вдящих режимов, к безраздельному господству партийного и государственного аппарата («аппаратчиков»), находившегося долгое время вне контроля общества. Все усилия поставить его деятельность под контроль — нибудь реальный контроль воспринимались как попытки подрывать ведущую и направляющую роль компартии и успеха не имели. Попытки корректировать неэффективную экономическую, социальную, внешнюю политику приводили ко все большему противопоставлению бюрократического аппарата обществу, углубляющемуся разрыву между их интересами. В этих условиях тезис о морально-политическом единстве общества не соответствовал реальности и объективно играл на руку бюрократии, т. к. налагал табу на любую «несанкционированную» инициативу.

Господство марксистско-ленинской идеологии, понимаемое крайне упрощенно и вульгарно, устанавливало контроль бюрократического аппарата над духовной жизнью общества. Всякое отступление от официальных идеологических канонов преследовалось и наказывалось. Это привело к блокированию развития науки, искусства в соцстранах, деформировало духовную жизнь, сознание миллионов людей. Борьба с буржуазной идеологией, ревизионизмом, которая велась в течение десятилетий, означала не что иное, как гигантскую промывку мозгов.

И наконец, внешняя политика, строящаяся на принципах пролетарского интернационализма, привела к существенным перекосам во взаимоотношениях между соцстранами, в том числе в подходах к решению проблемы международной безопасности. Для социалистических международных отношений также оказалось характерным применение силы, вплоть до вооруженной, конфискацией формы разрешения противоречий, стремление навязать интересы одних государств другим.

Идея мировой революции, названная убежденностью в торжестве коммунизма во всем мире и практические действия по созданию для этого необходимых международных условий означали идеологизацию внешней политики, ее отрыв от под-

линых национальных и государственных интересов, порождая авантюризм в действиях на мировой арене, способствовали росту напряженности и гонке вооружений. Следствием этого явилось падение доверия к союзникам и в первую очередь к СССР со стороны мирового сообщества. Остро встала проблема доверия и в отношениях между союзниками.

Сложившаяся в союзниках экономическая и политическая система, базировавшаяся на внешнеэкономическом принуждении, названа командно-административной, хотя правильнее ее было бы назвать тоталитарной. Вполне закономерно встает вопрос: а была ли эта система вообще эффективна и в силу каких причин она возникла?

Тоталитаризм, как форма организации всей системы общественных, политических и экономических отношений, базировался на идее примата интересов пролетариата над интересами всех других классовых и социальных слоев. Тоталитаризм утверждает в тех странах, где противоречия между различными классами и слоями достигли такого размаха, что угрожали взорвать сложившуюся систему общественных отношений.

В этих условиях функции контроля за производством и распределением захватывает в свои руки государство в лице своего бюрократического аппарата. Этот аппарат присваивает себе такой объем контроля над обществом, какой общество само ему уступает. В такой ситуации основным средством разрешения общественных противоречий выступает насилие, возводимое в абсолюте. Любая форма сопротивления, даже пассивного, подавляется, всякое инакомыслие искореняется.

Тоталитарная система путем насилия, жесткого контроля над всеми сферами деятельности человека обеспечивала известную внутреннюю стабильность и развитие производительных сил. Путем концентрации прибавочного продукта в руках государства она позволяла ускоренными темпами осуществлять индустриализацию. Однако экономическое строительство характеризовалось нерациональностью, большими эконо-

мическими и социальными издержками.

В сложившейся системе человек был лишь средством для достижения провозглашенных целей. Труженик лишился побудительных стимулов к труду, которые компенсировались либо постоянным насилием, либо искусственным разжиганием массового энтузиазма. Требования НТР, предъявляемые к работнику — инициативность, заинтересованность, добросовестность, творческий подход, — не вписывались в эту систему отношений и поэтому тормозили ее развитие. Это отодвигало союзники на обочину мирового прогресса. Все попытки решить проблемы НТР с помощью импорта западной техники и технологий не увенчались успехом, т. к. необходима была и соответствующая организация труда. Как известно, все познается в сравнении. Так вот, если сравнивать результаты экономического развития стран Восточной и Западной Европы, приступивших к индустриализации с одинаковых исходных рубежей, то придется признать, что достижения Запада не только более значительны, но и получены с несравненно меньшими социальными и экономическими издержками.

Трудности, с которыми столкнулись страны социализма в своем развитии, сходны, хотя, естественно, в каждой из них они имеют свои особенности. Это говорит о единой природе заболевания общественных организаций социалистических стран и, соответственно, необходимости общей (т. е. в своих существенных чертах сходной) стратегии их лечения. Эта стратегия, называемая перестройкой, обновлением, направлена на создание новой модели социалистического общества. Поэтому весьма важно разобраться в нашем понимании социализма.

Сегодня многие говорят о том, что социализм реально существует в Скандинавских странах, Швейцарии, Канаде. Очевидно, что общество можно рассматривать как социалистическое только в том случае, если в центре его развития действительно стоят интересы человека, человеческой личности, если оно эффективно с социальной, экономической и по-

литической точек зрения. При этом такая эффективность как следствие высокой производительности труда опирается на все новейшие достижения человеческой цивилизации.

В ряде стран в рамках перестройки происходит процесс, означающий ломку сложившихся политических и экономических структур: утверждается плюрализм форм собственности, складываются рыночные отношения, создается реальная многопартийная система, в которой коммунистическая партия еще должна доказывать свое право быть руководящей силой, формируется механизм парламентской демократии.

Плюрализм форм собственности создает материальную основу для объективного различия интересов социальных групп, которые могут выражать и защищать различные политические партии. Признание плюрализма интересов, многопартийной системы означает и признание реальности политической борьбы в союзниках, даже возможность которой в течение многих лет отрицалась. Политическая борьба, как известно, — это борьба за власть, однако при этом важно, чтобы проблемы решались политическими средствами на основе нахождения компромисса, баланса интересов, без применения открытого насилия.

В ходе острой политической борьбы должны выдвигаться новые, неформальные политические лидеры, способные стать деятелями общенационального масштаба (например, Лех Валенса), могут формироваться и параллельные структуры власти (например — забастовочные комитеты в СССР). Такой процесс политизации «снизу» опирается на поддержку масс и является довольно эффективным.

Однако перестройка идет в социалистических странах медленно и противоречиво, каждый шаг дается с большим трудом. С одной стороны, подавляющая часть общества заинтересована в обновлении, с другой стороны, реальные действия по перестройке остро задевают интересы всех классов и слоев. Скудность материальных возможностей подрывает принцип материальной заинтересованности, не стимулирует произво-

дительный труд. Возникает порочный круг.

Очень часто можно слышать, что происходит борьба между консерваторами и прогрессивными силами за определение путей перестройки. Что же это за силы? И те и другие осознают необходимость перемен с тем, чтобы вывести страну социализма из катастрофического положения, в котором они находятся. Однако консервативные силы выступают за решение назревших проблем с помощью различного рода административных, «сталинских» мер: наведения порядка, ужесточения дисциплины, усиления идеологической работы, оставляя в неприкосновенности сложившуюся хозяйственную и политическую систему, твердо сохраняя установившиеся идеологические догмы. К этим сторонникам закручивания гаек примыкают представители всех классов, слоев, социальных групп.

Программа действий консервативных сил, в которой много оттенков, выражающих специфику интересов различных социальных групп, по существу означает топтание на месте, дальнейшее углубление кризиса, деградацию общества. Как бы красиво при этом ни звучали клятвы в верности марксизму-ленинизму, готовности защищать социализм, их практические действия не оставляют никакой надежды на разрешение кризиса даже в обозримом будущем. Ничего в этом отношении не меняет и то обстоятельство, что среди этих «неоконсерваторов» есть немало субъективно честных, искренне заинтересованных в преодолении трудностей людей.

Прогрессивные силы объединяют людей, исходящих из необходимости кардинальной перестройки всей экономической и политической системы, что предполагает развитие рыночных отношений, углубление демократии, создание правового государства. Безусловно, программа действий этих сил не может быть охарактеризована как целостная и законченная, она находится в процессе становления. Ее реализация дает противоречивый эффект, и рассчитывать на скорые позитивные результаты не приходится. Очевидно, потребуются годы напря-

ФОТО ВЛАДИМИРА ЗОТОВА

женной политической борьбы, социальных потрясений, общественных конфликтов, чтобы создать на ее основе современное общество с эффективной экономикой. Но через это придется пройти, это своеобразная плата за создание динамичного общества, тогда как мнимая стабильность, которой мы ранее гордились, означала застой, консервацию отживших форм организации труда и общественной жизни, деградацию.

Процесс перестройки пока еще нельзя рассматривать как необратимые, т. к. позиции ее противников еще весьма сильны и в органах власти, в партийном и государственном аппарате. В общественном созна-

нии очень сильно настроения в пользу решения существующих проблем традиционными методами принуждения, это не может не сказываться на деятельности органов власти. В целом обстановка в соцстранах характеризуется тем, что вся система общественных, политических и экономических отношений выведена из состояния равновесия, вновь сбалансировать ее можно только на качественно ином уровне состояния общества. Главным критерием при этом должно являться достижение общественного консенсуса, эффективность политического и экономического механизма, а не приверженность идеологическим постулатам дозгуговского типа.

ФОТО ЯЛИ КУЗНЕЦОВОЙ

Социалистические страны развиваются неравномерно, поэтому процессы перестройки охватывают сегодня не все из них и характеризуются различной степенью интенсивности.

Вместе с тем следует отметить, что политика перестройки — это интернациональный процесс и рано или поздно он охватит все страны социализма.

Кризис социализма в 80-е годы затронул не только все сферы внутриобщественных отношений, но и всю систему взаимоотношений между государствами, которые резко обострились в результате углубившегося расхождения их национальных и государственных интересов.

Происходит удивительное явление. В то время как на Западе, в системе межгосударственных союзов, усиливаются интеграционные процессы, в рамках СЭВ и ОВД, напротив, усугубляется дезинтеграция, приостановить которую пока не удастся. Сейчас реально стоит вопрос о дальнейшей судьбе ОВД. В ряде стран — членов этой военно-политической организации набирают силу сторонники выхода из Варшавского

Договора. В нынешних условиях односторонняя ликвидация ОВД создала бы качественно новую военно-стратегическую ситуацию в Европе с труднопредсказуемыми последствиями для европейской стабильности и безопасности.

Естественно, что Советскому Союзу не безразлично, что происходит в социалистических странах, ибо это тесно связано с его национальными, государственными интересами, безопасностью. Наша страна исходит из принципа самостоятельности и суверенности каждого государства при решении своих внутренних и внешних вопросов, считая, что единственно правильным критерием оценки принимаемых шагов могут служить лишь результаты социального, экономического и политического развития. Эти принципы, к сожалению, ранее нами часто нарушались. В случаях несогласия прежнего советского руководства с теми или иными аспектами внутренней и внешней политики тех или иных стран на них оказывался идеологический нажим, не останавливаясь и перед применением вооруженной силы.

Поэтому отношения между странами социализма нуждаются в перестройке на принципах нового политического мышления.

Страны социализма пережили в 80-е годы очень трудный и ответственный этап в своем развитии. Результаты перестройки окажут без преувеличения судьбоносное воздействие на будущее народов социалистических государств, на будущее человечества.

От редакции. Дорогие читатели! В наше время стремительного интеллектуального расширения идей и теорий быстро стареют. И то, что в рукописи казалось революционным, на страницах журнала уже выглядит зачастую простой банальностью. Напишите нам, какие проблемы, соответствующие специфике рубрики «Политический семинар», сохранят (по вашему мнению), актуальность на многие годы.

Ждем ваших писем!

Шаг к возрождению

Когда я впервые услышал об «Энциклопедии уходящих русских деревень», подумалось: а почему, собственно, речь идет об уходящих деревнях, а не о возрождающихся, почему авторы замысла поневоле уже в самом названии выражают согласие с тем, что русские села уходят, исчезают из жизни сотнями, одно за другим? Учредительная конференция, институтировавшая идею группы энтузиастов в «добровольное научно-исследовательское и культурно-просветительское общество», членом которого, волей судьбы, стал и я, прояснила мои сомнения. Планы «Энциклопедии» оказались гораздо дальновиднее.

Исчерпав многие свои возможности и ресурсы, современная цивилизация как бы замерла в ожидании качественных перемен. Двигаться дальше по прямой, по пути неограниченно-технократического прогресса, не только просто опасно, а самоубийственно! Понимая это, наиболее дальновидные умы не устают повторять: сейчас лучший путь развития — это обращение к опыту прошлого, к истокам, к родникам народной жизни. В каждой стране поворот к деревне (деурбанизация) проявляется по-своему: в наиболее мощных супериндустриальных державах происходит децентрализация производства и капитала; в небольших, но развитых странах Европы складываются целые индустриально-аграрные мегаполисы; в странах «третьего мира» возрождаются традиционные культуры и ремесла. А у нас? У нас положение и вовсе из ряда вон выходящее. Десятилетиями российские деревни, некогда бывшие житницей и опорой стра-

ны, планомерно разрушались. Экспроприация земель, раскулачивание, расказачивание, разбазаривание: обо всем этом теперь, — к сожалению, только теперь! — стали открыто говорить как об очевидном зле.

Выход во *всестороннем* развитии глубинной России. Не только большие города, но каждый поселок, каждая деревня, каждый хутор и дом должны вновь стать самостоятельными и жизнеспособными центрами, где бы люди имели все то, что они сами хотят иметь.

Какая же реальная экономическая помощь деревне от «Энциклопедии», описывающей разрушенные и разоренные человеческие гнезда? Не будут ли ее тома, как и множество других книг, пылиться на полках городских и сельских библиотек?

Основания для подобных опасений есть. Однако есть и способы избежать мертворожденного ребенка. И вот какой путь, на мой взгляд, самый верный. У обретшего вновь популярность оригинального мыслителя и подвижника Николая Федоровича Федорова есть замечательная идея о Музее как живом Соброе людей воскрешающих. Так вот, «Энциклопедия *русских деревень*» (это название, по моему, более соответствует замыслу), как раз и призвана стать таким *живым Музеем, общим делом, собирающим русских людей города и деревни в единое самовозрождающееся целое.*

Идея качественно нового, *соборного* сознания должна быть отражена не только в предисловии, открывающем первый том издания. Все элементы народного мировоззрения желательно исследовать и представить максимально полно, детально и доступно для широкого круга читателей.

Возьмем для примера такое важное историческое явление, как язычество. Каких только нелепостей не услышишь о нем: обызывают его и «примитивным», и «варварским», и «низменным». А между тем язычество дало поразительно глубокую для своего времени картину космоса (от греч. «строй», «порядок», «гармония»). Судите сами. Все языческие боги: Род, Сварог, Дажьбог, Стрибог, Перун, Макошь, Лада и другие — олицетворяя собой природные силы, причем не темные, а светлые начала. Модель Вселенной понималась через систему символов: яйцо, гору, древо, котел, чашу. Верхний мир трехмерной структуры символизировали Солнце и птицы, средний — дерево и земные твари, нижний — Луна и змий-ящер. Стройный образец упорядоченной Вселенной — дом славянина, бывший первым языческим храмом. Все в нем, начиная с очага и кончая оберегательной символикой (конь, петух, солярные знаки), полно космического содержания. То же касается и домашней утвари: колыбелей, прялок, посуды, а также одежды, особенно женских нарядов, где головной убор (корошник) нес разработанную систему знаков. Ритуальные и обрядовые песни, заговоры, заклинания и плачи переживались нашими предками как магическое действие, полное глубокого онтологического смысла. Бывальные и сказочные герои: Иван-Царевич, Садко-гусяр, Святогор и другие богатыри взаимодействовали со всем «белым светом», всем космосом. Русский крестьянин жил в социальном микроклимате общины, воспринимавшейся им как целый мир. Кстати, и сами слова «мир», «лад», «свет» суть не что иное, как выражение основополагающих законов бытия.

Все это я говорю пока

только о язычестве, то есть о дохристианском сознании. После крещения Руси, как известно, народное мировоззрение стало постепенно меняться. Однако ошибаются те, кто думает, что новая религия полностью противостояла опыту прошлого. Ничуть не бывало! Христианский Бог-Отец занял место Рода и Сварога; Богородица заменила култ Матери-Земли, Макоши; крест, символизировавший Солнце, стал знаком светоносного Христа. Христианство как бы наслоилось на язычество, образовав единый синтез.

С какой стороны ни подойдешь к народному сознанию, оно оказывается мудрым, глубоким, цельным и поэтичным. Особенно поражает то, что мифологическое мировидение часто оказывается на уровень выше современного рационалистического.

Разгадка сего парадокса в том, что миф обобщает изначальную интуицию целого народа, имеющего опыт тысячелетий. В нем вся действительность как бы схватывается целиком. Миф сразу говорит и о прошлом, и о настоящем, и о будущем. Вспомните сказки про ковер-самолет, про волшебное зеркальце, про мертвую и живую воду. Это — художественные проекты будущего, ныне ставшего реальностью. Мифы — это первая дорегиональная философия народа, где все саито воедино, где наши пращурь говорят с нами не о сегодняшнем дне только, а о вечности.

И вот теперь я позволяю себе спросить: возможна ли «Энциклопедия российских деревень» без разделов, посвященных русскому космосу, выраженному в различных формах народного мировоззрения? Нет, конечно.

Очень хочется надеяться, что на призывы учредителей общества откликнутся географы, этнографы, ученые-аграрники, фольклористы. Достаточно будет сил профессионалов — вместе порадуемся, не хватит сил — соберемся с духом и всем миром поможем. Ведь не чью-нибудь, а нашу, русскую землю возрождаем.

СВОИ ЛЮДИ У ПРИРОДЫ

Молдавский вариант

Светлана Беденко,
Александр Висляев

Услышав, что мы собираемся в Молдавию, друзья советовали: «Берите с собой побольше еды. Местного, пожаауи, есть не стоит. Овощи — упаси бо! Мясо тоже нежелательно. Молока ни в коем случае не пейте!» Перспектива столь строгой диеты привела в замешательство.

— А что можно-то?.. — озадаченно спросили мы.

— Вот разве что яйца... Да нет, и те лучше не есть.

Экологическую картину республики обрисовал на следующий день заведующий сектором отдела ЦК ЛКСМ Молдавии Михаил Скауи. Проработавший ранее несколько лет в сельском хозяйстве, Михаил неплохо разбирается в ситуации аграрного края.

— На нашу беду, земля родит щедро, вот и стараются выжать из «солнечного края» максимум продукции. Сельское хозяйство ориентировано на сверхинтенсивные технологии, а применяются они не всегда правильно. Каждый клочок земли засыпается и заливается потоками химии. Растения это, разумеется, подстегивает, а о побочных эффектах раньше не задумывались...

Более того, об экологии раньше в республике тоже не задумывались. Никто не ломал копий за строительство новых очистных сооружений. Никто не предрекал с пеной у рта грозящих катастроф. А если кто и предрекал, то в гордом одиночестве. Нет, как говорится, пророка в своем отечестве.

Во всяком случае, что касается молодежи, уровень экологического сознания вплоть до последнего времени был, а кое-где и остается крайне низким.

О дружинах охраны природы здесь до последнего времени тоже не слыхивали. Ни экологией, ни «зеленым» движением студенты не интересовались. Поэтому работу по созданию ДОПов целиком взяла на себя республиканский ЦК ЛКСМ. Это примечательно — дружины охраны природы стали возникать в молдавских вузах под нашим комсомолом...

Сделаем небольшое отступление. «Зеленое» студенческое движение существует в РСФСР, на Украине, в Прибалтике уже три десятка лет. За эти годы появились не только традиции, но, к сожалению, накопился и груз ошибок, заблуждений.

Любое движение может легко изжить себя, если останется статичным. Такое вырождение грозит и движению дружин охраны природы.

Хорошо сказал о грозящей ДОПам опасности один из зачинателей и теоретиков студенческого движения — Евгений Шварц: «Работа в ДОПах становится своего рода модой. Иметь дружину в вузе выгодно и престижно. Отрадно, что уровень сознания общества в отношении экологических проблем изменился и охрана природы из крамолы, какой она была в 60-е годы, превратилась в острую необходимость, но нас это просто обязывает к поиску новых форм работы.

Мы всегда боялись заформализовать наше движение. В годы застоя дружины были самостоятельны, но сейчас опасность формализма уже есть. Движение может погибнуть, если исчерпает старые направления работы и не возьмется за новые. И это уже начинает происходить.

Всё рече обозначается раз-

рыв между реально стоящими перед человечеством проблемами (рост искусственных мутагенов и радиации в окружающей среде, падение плодородия почв, последствия промышленного и сельскохозяйственного загрязнения) с одной стороны и практическими делами, которыми мы занимаемся для решения этих проблем, — с другой.

Мы должны перейти на принципиально новую систему общественного контроля. Если раньше мы контролировали гражданина, то теперь должны следить за соблюдением природоохранительных законодательств со стороны государственных ведомств, организаций, предприятий. Нам нужно больше реальных, конкретных дел».

Опасения старейшего доповца отчасти начинают сбываться. Движение ДОПов застопорилось именно из-за стремления соблюсти собственные традиции.

В изменившихся условиях у доповцев появился и формализм, и даже кое-какие зачатки «ведомственности» — излишняя амбициозность, нетерпимость к другим организациям, ревностное утверждение своей «избранности» и «исключительности». А раз так, то ДОПам угрожает перспектива свариться в собственном соку.

Иные «зеленые», почувствовав, какими необходимыми и модными они стали, все чаще предпочитают выступать, засесть, объединяться, раздвигаться, а не делать конкретные дела. Но времени, отпущенного нам на исправление экологических грехов, остается все меньше. Говорить и утрясать теоретические несогласия можно было вчера. Сегодня надо действовать.

Нетерпимость к другим организациям — «конкурентам» — это тупик в работе. Вместо того, чтобы объединять общие усилия, многие «зеленые» заняты поисками противоречий. Им не по пути не только с официальными природоохранительными органами, но зачастую и друг с другом. Только за четыре месяца 1989 года и лишь в одной Москве было организовано чуть ли не десять различных экологических Союзов. И это не считая мелких инициативных групп, которые создаются под какую-либо конкретную проб-

лему. И все они действуют по-разному. Пошли споры — кому занимать главенствующее положение в экологическом движении. Как говорится, их бы энергию да в мирных целях. Поработать бы ребятам руками...

Но вернемся к Молдавии. Тут мы подошли к рациональному зерну экологических замыслов молдавских «зеленых». Долго рассуждать они не стали, а создали при ЦК АКСМ молодежный хозрасчетный экоцентр.

Приехав в Кишинев, мы как раз присутствовали при рождении нового детища. Не тайным «внебратским ребенком» появился экологический центр на свет, а отпрыском желанным и признанным. Наша командировка как раз совпала с улаживанием последних формальностей. Экоцентр утверждал свой статус, оформлялись документы, открывался счет в банке — первые «подъемные» внес ЦК комсомола.

Примечательно, что экоцентр стал именно той точкой опоры, в которой сошлись усилия очень разных по своим целям и задачам организаций...

Вот, к примеру, лишь один эпизод, рассказанный нам энтузиастом экологического центра Вениамином Гольдбергом:

— Можете себе представить, останавливает меня на улице приятный такой молодой мужчина с бородакой. И говорит, не называя себя: «Я слышал, вы — один из организаторов экоцентра. Это очень хорошее начинание. В чем вы нуждаетесь? Можем помочь».

Я думал, шутник какой-то, и тоже говорю вроде в шутку: «Как — в чем? Разумеется, в деньгах!» А он: «Тридцати тысяч достаточно на первое время?»

Тут я, что называется, отпал. «Как, — говорю, — тридцати тысяч? А от чьего имени вы мне их предлагаете? И за что?» — «По решению нашей общины Адвентистов седьмого дня. И — не за что, а для чего. Дело вы задумали благое, для людей очень нужное. Деньги можем дать безвозмездно, в качестве братской помощи».

Как уже было сказано, экоцентр — организация хозрасчетная. Обладая деньгами, она будет скупать будущие экологические начинания, оплачивать

проекты студентов и молодых специалистов, вести строительство. Руководители экоцентра рассчитывают, что при должной расстановке сил и средств потянут даже строительство крупных очистных сооружений. Строить их станут по договорам с директорами промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Принцип тут известный — деньги на бочку. Но и качество должно быть соответствующее. Значит, понадобятся квалифицированные специалисты.

Помимо строительных работ, экологический центр станет координировать (на первых порах это просто необходимо молодым ДОПам республики) действия дружин охраны природы и молодежную работу по проводимым в Молдавии экологическим экспедициям.

Кстати, одна из таких экспедиций — «Прут» — целиком обязана своим рождением подьему молодежного «зеленого» движения в республике.

Когда-то Прут был одной из красивейших рек Молдавии. Но сейчас в прошлом полноводная, богатая рыбой водная артерия стала обыкновенной «воюночкой», как обычно называют изгаженные донельзя реки. Заболотилась, обмелела — словом, находится на грани гибели.

Экологическая экспедиция «Прут» была задумана как первое планомерное исследование реки от ее истоков до устья. Цель экспедиции — проанализировать состояние реки, выявить основные болевые точки, определить, чем конкретно ей можно будет помочь, наметить программу очистки.

Ответственность за проведение акции взяла на себя недавно сформированный комитет по спасению Прута, в который входят представители прессы, комсомол, ДОПы, общественные организации, ученые, даже школьники. Членом оргкомитета операции стал и секретарь ЦК АКСМ Молдавии Сергей Попеску. Экологические силы объединяются.

Не хотелось бы, чтоб эта публикация была воспринята как попытка на фоне «хороших» новых дружин Молдавии покричать «старые» и «заблуждающиеся» ДОПы (да и все «зеленое» молодежное движе-

ние) РСФСР и Украины. Честно говоря, мы не совсем уверены, что экологическое движение в Молдавии быстро и просто сможет претворить в жизнь все то, что задумано. Наверняка у молдавских энтузиастов охраны природы будут и неудачи, и срывы, а конечные результаты окажутся не столь радужными, как планы.

Просто в их работе есть много важных, конструктивных моментов. В памяти после поездки в солнечную республику осталось стремление ребят к самому широкому диалогу и сотрудничеству со всеми организациями, которые хоть как-то могут помочь разрешить природоохранные вопросы. «Зеленые» активисты из Молдавии ищут не противоречий, а точек соприкосновения.

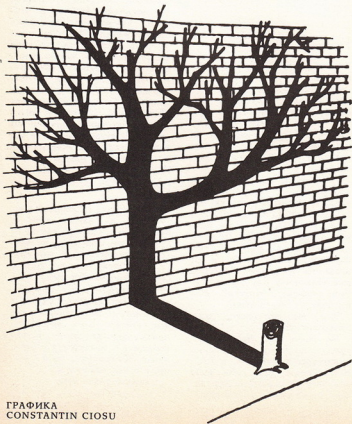
А это, наверное, и есть самое важное. Потому что только

за таким подходом к решению жизненно важных вопросов оздоровления экологии, вопросов сохранения всей яркой, многоцветной, разнообразной жизни на Земле, — будущее.

ДОСЬЯ В НОМЕР

Когда материал готовился к печати, от командира дружины охраны природы Кишиневского государственного педагогического института Натальи Кравчук пришло письмо. В нем сообщалось, что стремление природоохранных движений Молдавии консолидировать силы стало свершившимся фактом. В республике учреждено добровольное общество — молдавское движение «зеленых» — «Акциуна вѳеда» (сокращенно АВЕ). В его состав вошли и институтские ДОПы.

КАРИКАТУРА

ГРАФИКА
CONSTANTIN CIOSU

Кому сиять впрёд?

(Комментарий к публикации «Сияй же и впрёд», «Ст.М.» № 11 за 1989 г.)

Уважаемые ценители «Пинк Флойд»: Присланные вами восемь писем и почтовая карточка внимательно прочитаны. Жорж из ЦЕНТРА (такой адрес он сообщил)! Твое предложение — извиниться перед фанатами за неточности — принято. Действительно: «Вольничий у врат зарий» (или, если хочите, рассвета), «Животные» вышли в 1977 г.; Ингви, разумеется, Мальмстин через букву «м». Что поделаешь, и в нашем деле бываюот печатки. Извините, ребята! О названии композиции «Сияй, сумасшедший бриллиант» — см. «Ровесник» № 2 за 1988 г., РЭР о С. Барретте (с двумя «т», хотя это и не обязательно, если следовать английскому произношению).

Дмитрий Грзизин из Фрязино! Молодец, что «просветил» (так в письме). Поясняю: «...не имеет аналогов ни во всем мире, ни даже в нашей стране» — это ирония такая, а не сталинистско-брежневский выпад. Означает: нигде не имеет аналогов, тем более в нашей стране.

Точки зрения остальных поклонников «ПФ» разделились. Одни не верят, что слава «ПФ» пока в зените, другие (П. Васильев из Москвы) трогательно заявляют: «Пинк Флойд» навеки!» Рада за множественность ваших мнений.

Но огромное спасибо всем. За недюжинные познания как в английском, так и в родном языках. Относительно «Скорпиона», «Юраяя Хип», «АББА» и прочих славных звезд, обойденных вниманием в ноябрьской статье, то пусть они, подобно «ПФ», сияют и впрёд, на радость фанам. Плюрализм же. Что, кстати, означает не только множественность мнений, но и уважение к чужим вкусам.

С уважением к вашему вкусу.

Валентина Щербакoва

Владимир Шахиджанян

Блестящего вам...
провала

Мы получили 574 письма (повторные письма в это число не входят). 570 человек утверждают, что занятия им нравятся и они готовы продолжать заниматься. Резкие отзывы прислали 4 человека:

«Эта школа никому не нужна! Не занимайте зря места! Пишите о чем-нибудь другом, а не о публичной речи. Не занимайтесь словоблудием!» — из письма Б. Н. (Саратов).

Идею поддерживают, публикации читают, но к занятиям не приступили из-за недостатка времени 62 человека. Увы, как и всегда, наибольшую активность проявляют женщины — 380 писем, 194 — мужчины.

«С энтузиазмом отнеслись к рубрике «Учимся говорить публично». Работаю в учебной библиотеке. Нет смысла объяснять, что этот практикум мне необходим. Все напечатанные упражнения — пройденный этап. Ежедневно себя и других анализирую, но страх перед аудиторией не уходит. Проблема у меня не столько даже в неумении говорить публично, сколько в преодолении страха перед выходом. Не смотря в зал, я вижу эти многочисленные оценивающие глаза, следящие за каждым моим жестом, вдохом, выдохом, словом... И вот странно: чем больше я готовлюсь, продумываю образные примеры, отступления, тем сильнее волнение, и все комокается. Чем спонтаннее (конечно, все бледнее — не так, как я от себя требую), тем меньше лихорадка. А после всего — полное неуважение к себе, депрессия... По большому счету в вашей школе все есть, но... очень надеюсь на вашу школу и жду более интенсивных упражнений. Будет ли аутогенная трени-

ровка? Тесты? Думаю, люди, которые занимаются по вашему практикуму самостоятельно, уже пытались изучить ораторское искусство. Публика подготовленная, следовательно, понимающая с полуслова».

Строчки из письма Елены М. из города Азова Ростовской области (к сожалению, автор не указала свою фамилию). Типичное письмо. Ощущение, что Елена знает мою программу, задает именно те вопросы, которые я и планировала поставить — и по мере возможности разрешить — в очередном выпуске. Верно: более 30 процентов корреспондентов, приславших отклики, спрашивают, как побороть стеснительность, как перестать бояться аудитории?

Упражнение № 26

Его обязательно должны выполнить те, кто считает себя стеснительным человеком, кто боится аудитории. Но пользу оно принесет и тем, кто уверен в себе, кто чувствует себя раскованно и на публике. Хотя для них выполнение упражнения необязательно.

Попробуйте написать (сформулировать, как-то обозначить, подвести логическую базу), чем вам во время того или иного выступления грозит провал перед публикой. Потерей авторитета? О вас, как вам кажется, думали лучше, а вы оказались не таким? Потерей самоуважения? Вас лишат премии, оклада, отпуска? Вас выгонят из общезнания?

Что вы потеряете, если плохо выступите?

Не знаю, как будете распускать по этому поводу вы, но самоуверенно заявляю: в ЛЮБОМ случае, даже если ваше выступление окажется сверхпопулярным, вы ничего не потеряете, а только приобретете.

Премии вас не лишат, стипен-

дию не отберут, с занятий не выгонят, на каникулах работать не заставят.

Близкие для вас люди все равно знают, что вы собой представляете. А незнакомые о вашем неудачном выступлении забудут ровно через пять минут.

Попробуйте вспомнить, какие телепередачи вы смотрели неделю назад.

Попробуйте вспомнить, кто и что говорил, — это суть нашего упражнения — попробуйте вспомнить. Посидите полчаса, час, два и попытайтесь воскресить в памяти, что было, скажем, в программе «Время» неделю назад. Почти гарантирую: не вспомните! Но когда вы смотрели программу, вы же на нее как-то реагировали. О ком-то отзывались одобрительно. Плохие, неудачные, слабые выступления забываются тут же, а хорошие — запоминаются. Мало того, интересные выступления пересказываются и таким образом еще более запоминаются. Пожалуйста, составьте текст для аутогенной тренировки под условным названием «Я не боюсь провала» (в случае провала я ничего не потеряю. Мне НЕОБХОДИМО плохо выступить! Мне необходимо провал).

Подготовьте небольшое выступление на любую тему и при первом удобном случае — лучше всего, если ваше выступление окажется, как говорится, «ни к селу ни к городу», — обязательно выступайте.

Действуйте по принципу несовместимости. Скажем, в кинотеатре обсуждается новый фильм. Всех желающих приглашают выступить. Смело выходите к микрофону и начинайте. Но говорите не о фильме, а о чем захочется.

Скажем, такая речь.

— Товарищи! Все, вот так, значит, сами понимаете... Тут, видите ли, я, как бы

вам это сказать! Да, я очень, вот, значит, на это есть, я думаю, наверное... Э... как бы мне, сами понимаете, сообразно идеологическим установкам теперь говорить, когда вы, вот, значит, сами понимаете, знаете... Судя по всему, вам это очень, ну, словом, вы меня понимаете... Я хочу вам сказать... Я несколько волнуюсь, я должен вам сказать... Я буду говорить довольно, так сказать, долго... Приготовьтесь...

Эта речь звучит 35—40 секунд. Представляете, какой в кинотеатре гул! Поднимется! За 35—40 секунд вы заставите людей шикать, выкрикивать «долой!», «ну ты, что ты хочешь сказать?». Слушатели начнут свистеть и усиленно хлопать, чтобы вы покинули сцену. И чем сокрушительнее ваш провал — знайте, тем больше вы добились. Мы идем от обратного. Клип — застенчивость, боязнь пубрики — вышибают клином — самоуверенностью и игрой в неумение говорить. Хорошая отметка (отметку вы ставите сами себе) зависит от качества провала. Чем больше свиста, хохота, недоумения, сгоняющих с трибуны аплодисментов, тем, следовательно, лучше вы выполнили упражнение.

Идеально его делать на незнакомой публике. Какая вам разница, что подумают о вас незнакомые вам люди? Но если вас будут слушать люди, которые вас знают, то тоже в этом нет ничего страшного. О вашем неудачном выступлении забудут ровно через 10 минут. Восемь подобных выступлений (вы запрограммировали себя на провал, вам он необходим, нужен, успех зависит от настоящего провала, вам нечего терять, нечего волноваться!) — и вы, поверьте, приобретете уверенность.

Что с нами происходит, когда мы выходим к микрофону, выступаем на митинге, собрании, совещании? Мы хотим успеха. Мы боимся, что у нас что-то не получится.

НИКОГДА не программируйте успех — это запрещено. Как выступите — так и выступите. Когда вы настраиваетесь

на успех, то все время вы подсознательно начинаете редактировать, рецензировать и корректировать себя. Вы боитесь выглядеть хуже, чем вы есть на самом деле. Вы начинаете, как говорят актеры, фальшиво играть. Вам нужно стремиться быть самим собой, а вы начинаете играть в оратора. Нет органики поведения. Нет — как результат — доверия к вам у слушающих.

Упражнение сложное, но вполне реальное для выполнения. Оно позволяет импровизировать. Можно говорить — таково условие — даже абракадабру.

На какие темы? Уверен, темы вы легко придумаете сами, но на всякий случай для сверхзанятых учеников даю примеры.

Говорите о пользе мытья рук перед обедом.

О борьбе с тараканами.
О необходимости каждый день мыть ноги.

Понимаю, многие, прочитав задание, воскликнут: вам легко говорить «ничего не бойтесь», а как этого добиться?

Очень просто! Выполнить как можно лучше упражнение № 26.

Упражнение № 27

«Мне 13 лет. Уже месяц я занимаюсь по вашим рекомендациям. Хорошо, ясно и четко говорить — это моя давняя мечта. И вот моя мечта может осуществиться, но, конечно, если я буду ежедневно заниматься. Каждый день я 15—20 минут выразительно читаю, веду дневник. Я уже молчала 2 дня, и, знаете, сразу ощутила пустословие многих людей. Но не думайте, что у меня все идет гладко. Я например, никак не могу решиться выйти на улицу и спрашивать прохожих, когда будет закат солнца. А еще у меня есть к вам большая просьба: опубликуйте, пожалуйста, упражнения по развитию дикции. С уважением, Оля М.»

Не правда ли, хорошее письмо?

Небольшой комментарий. Возраст наших учеников — от 13 лет до 50.

80% — я говорю о возрасте

наших учеников — от 20 до 30 лет.

70% — студенты.

15% — школьники. 10% — инженеры. В оставшиеся 5% входят пенсионеры, военнослужащие, заключенные...

Когда мы начинали публикацию практикума, то я предупредил о требовании стопроцентного выполнения заданий. А мне кажется, что многие перестали учить «Евгения Онегина». Многие, судя по письмам, так и не рискнули выполнять упражнения, связанные с вопросами, которые надо задавать на улице.

Мы давали задание по развитию дикции. Согласитесь, невнятная, шепелявая, скомканная речь, даже если она умная, образная, емкая, на слух воспринимается плохо.

Поставленный голос — это укрепленные голосовые данные: объем, сила, звучность — этим должен обладать оратор! Бывает, человек говорит «ниже», чем его голос, и если он говорит «на низах», то голос становится сдавленным, лишенным звучности, что, в свою очередь, приводит во время выступления к быстрой утомляемости. Вероятно, многим покажется скучным фрагмент из учебника Елизаветы Саричевой «Сценическая речь». Но я советую прочесть наставление специалиста по сценической речи несколько раз и попытаться его усвоить. Если вы обнаружите, что у вас в развитии голосовых данных — правильное сказать «голосового аппарата» — есть те или иные отклонения, нужно обратиться к врачам для того, чтобы вместе с ними выработали методику исправления ваших недостатков. Не считайте за пропагандистский трюк, но знайте: курение понижает наши голосовые возможности, придает голосу хриплость.

Итак, постарайтесь разобраться в теории, понять ее и применить на практике.

«Встречающийся «горловой» оттенок голоса часто является результатом неверного посыла звука. Нормальным положением голосового аппарата является такое состояние, при котором:

1) рот хорошо раскрыт в вертикальном направлении, гу-

бы приняли форму, несколько приближающуюся к форме буквы О,

2) язык лежит плоско, кончиком касаясь нижних передних зубов, при опущенном корне (как бы на зевке),

3) небная занавеска, или маленький язычок, слегка приподнята,

4) глотка слегка расширена (как при начале зевка),

5) гортань опущена,

6) грудная клетка слегка расширена и наполнена некоторым запасом воздуха (однако легкие не должны быть переполнены воздухом).

Все эти положения, способствующие естественному и незатруднительному звукоотечению, называются основным положением голосового аппарата при правильном звукоотечении, так как в каждом из этих положений заключаются элементы, обеспечивающие звуку свободное естественное прохождение из гортани к резонаторам.

Так, указанное в п. 4 слегка расширенное положение глотки избавляет звук от горлового, сдавленного характера звучания, являющегося как раз следствием сжатости и напряженности глотки.

Указанное в п. 5 опускание гортани связано с расширением глотки, не требующим специально направленного внимания и самостоятельного движения, т. к. эти два момента связаны друг с другом от природы.

При усвоении «основного положения» учащемуся может показаться сомнительной возможность сознательного овладения некоторыми движениями отдельных частей речевого аппарата. На самом же деле вопрос этот разрешается довольно просто, хотя и требует некоторой затраты времени и особенно терпения. Указанные в п. 1 положения рта и форма губ едва ли покажутся неосуществимыми человеку, прошедшему предварительно всю тренировку речевого аппарата, ему остается только научиться владеть возможно большей степенью «закрытости» звука, а также разобраться в необходимости большего или меньшего использования резонаторов. Положением языка, небной занавески и глотки, ука-

занным в п. 2, 3 и 4, также вполне возможно овладеть, если идти от состояния, хорошо знакомого каждому человеку, а именно — если искусственно воспроизвести зевок, или, вернее, момент, предшествующий зевку. В это время положение указанных частей голосового аппарата как раз соответствует названным трем пунктам. Это момент, благоприятный для начала свободного течения звука, поскольку в дальнейшем процессе речи в зависимости от произнесения различных гласных и согласных положение отдельных частей речевого аппарата соответственно меняется. Взяв такой момент зевка за основу хотя бы только в первое время упражнений, в дальнейшем не нужно будет уже к нему прибегать, так как многократно повторенное движение при одних и тех же условиях в конце концов будет легко воспроизводиться в результате мышечной памяти.

Как уже было сказано выше, указанное в п. 5 движение гортани не требует тренировочных навыков, так как оно происходит естественно, в связи с движением расширяемой глотки. Это обстоятельство легко можно проверить, приложив палец в момент расширения глотки к кадыку. И, наконец, требование, изложенное в последнем п. 6 «основного положения», опять-таки нетрудно выполнить человеку, занимающемуся упражнениями на дыхание, т. к. оно напоминает уже знакомое ему положение грудной клетки при смешанно-диафрагматическом дыхании.

И еще одно дополнение. Если бы мы проводили конкурс на самого внимательного читателя, то первую премию, наверное, получил бы Ильяс Залилов из Уфы. Он единственный заметил, что у нас после упражнения № 6 следующий урок начинается с упражнения № 8. Упражнение мы не пропустили, а вот с нумерацией напутали. Приносим свои извинения.

Пульс-89. Молодежный общественно-политический ежегодник. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 233 с.

Прошедший год был плотно насыщен событиями как глобального характера, так и вполне привычными для нас ситуациями.

Охватить все единым взглядом очень трудно. Но помочь нам в этом берется сборник «Пульс», читая который вы почувствуете живое биение времени.

Жизнь наша многолика, поэтому в ежегоднике вы найдете публицистические статьи по проблемам политики, экономики, социального развития, международных отношений, нравственности, культуры и искусства. Ну и, конечно, самые злободневные молодежные проблемы. На страницах сборника выступают известные писатели и публицисты, историки и экономисты, критики и артисты.

ВСТРЕЧА

Искусство рыдающих красок

От плоского к объемному, от черно-белого ко всем цветам радуги, от нескольких строк к грандиозным произведениям. Будущие поколения, опираясь на завоевания и опыт поколений предыдущих, создают новую историю, новую культуру, собственное восприятие мира. Это — факты развития.

Кто-то однажды назвал модерн искусством «рыдающих красок» и «смеющихся линий». К сожалению, долгое время абстракционизм, как, впрочем, и авангард в целом, был у нас, что называется, «в загоне». Но сегодня все жанры получили право на жизнь, а зритель может принимать их или не принимать, сопоставлять, сравнивать, проводить параллели, оценивать «и разумом, и сердцем...»

Симонетта Люкс — признанный на Западе специалист по современному искусству. Она — профессор Римского университета «Ла Сапьянца» («Знание») и директор уникального университетского музея, подобного которому, пожалуй, нет.

— *Синьора Люкс, расскажите, пожалуйста, подробнее, в чем особенности вашего музея?*

— Он был создан в 1984 году и называется «Музей-лаборатория современного искусства». В слове «лаборатория» заложено то, что отличает нас от галерей. Там всего лишь хранятся экспонаты, у нас же моделируют и изучают все формы современного искусства. В музее встречаются художники, писатели, поэты, композиторы, журналисты, музыканты — то есть «все музы», и не только итальянские. Посетители могут поговорить непосредственно с автором той или иной работы. И мы пытаемся создавать также определенный колорит. Например, экспонируется выставка авангарда 60-х годов, и зрители могут не только познакомиться с живописью того десятилетия, но и услышать авангардную музыку, поэзию. Это помогает им лучше узнать или вспомнить эпоху, приблизиться к ней. В ритме большого города человек теряет подчас свое лицо, ему некуда пойти, не с кем поделиться своими мыслями. Мы создали наш музей и для того, чтобы люди просто не разучились общаться друг с другом.

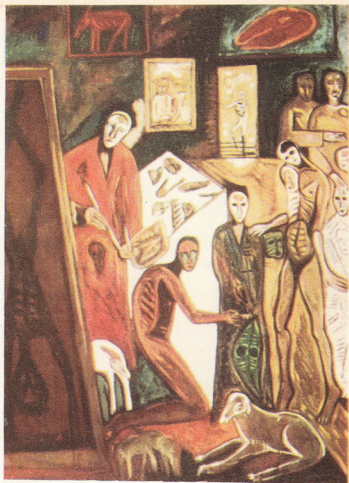
Музей Римского университета — это и экокентр, и музыкальный салон, и кинозал. Мы создаем новый вид искусства, в котором жанры, объединяясь, взаимообогащают друг друга. Искусство нельзя разделять, оно всегда должно быть монолитным. Это и люди, и политика, и окружающий нас мир, и взгляд человека на проблемы — это язык, объединяющий всех.

— *Интересно, а у нас мог бы появиться подобный музей? Как вы думаете?*

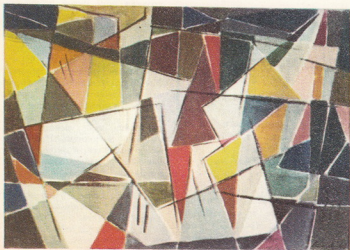
— Конечно! В этом нет ничего невозможного. Одно из базисных условий — желание. Но потом вам надо бу-

дет найти экспертов по современному искусству. И просто необходима большая вера в авангард, в талант художников. Эти люди — лицо нашего времени. У них свои, нестандартные идеи, и они обязаны передать их своему поколению и будущему. И есть еще несколько условий. Первое: искусство — это всегда инициатива, неважно, одного человека или группы людей. У каждого направления — свой язык, и его необходимо очень хорошо выучить, потому что язык — это движение. Второе: у каждого художника своя правда, но и она же — эта правда — для всех общая. Надо изучать эту правду, суметь отличить ее от лжи, от подделки. Третье: изучайте условия искусства! Есть работы, которые основаны на уже известной базе, есть и эксперименты. Искусство — это всегда синтез двух элементов — прошлого и будущего. Каждая эпоха имеет неповторимые черты, но художник эпохи должен чувствовать всю структуру общества, расположенную во времени и в пространстве. И настоящие художники всегда это выражают.

— Современное искусство — это символ нашего времени или всего лишь эксперименты с формой, материалом, поверхностью, красками?

Миммо Паладино. «Вечерний посетитель», 1982 г.

Карло Аккарди. «Исчезновение», 1947 г.

— Ищущий ум художника должен знать, как обработать материал — бронзу, дерево, гипс, металл, как применять цвет и светотень... И все для того, чтобы осуществить свой замысел. Модернист всегда «продукт» времени, но он помнит прошлое и его «антропологические» корни, помнит великие шедевры и использует все это для того, чтобы создавать «дневник эпохи»! Слово «дневник» очень близко стоит к понятию «современное искусство». Это отображение идущих друг за другом дней.

— Интересно, могут ли в рамках авангарда появиться гении, или же нынешние художники идут по давно проложенной дорожке классического ис-

куства, только «шиворот-на-выворот»?

— Честно говоря, я вообще не верю в гениев. Я верю в талант, в регулярность работы, в правила, в возможность свободного выбора. Художники-модернисты знают шедевры прошлого и, основываясь на этом, разрабатывают свои методы. Сегодня это — суперавангард, а завтра — вчерашний день. Но любой художественный принцип всегда сохраняет воспоминания о прошлом и всегда устремлен в будущее.

— А как же шедевры?

— Их создают не гении, а обычные люди, такие же, как мы с вами, только умеющие видеть мир по-новому и очень большие труженики.

— Кстати, в авангарде идея преобладает над формой или наоборот?

— А вы как думаете?

— Мне кажется, авангард тем и отличается от других направлений, что порой «техническую часть» той или иной работы может выполнить любой. Но вот сделать так, чтобы форма сочеталась с содержанием и отвечала общей идее, — это уже адски сложно...

— Нет, чистого формализма никогда не было ни в итальянском, ни в русском искусстве. Точнее, какими-то элементами обладали конструктивизм, но там они применялись для коммуникации художника — полотна — зрителя. Нередко новая, только что созданная на эмоциях форма производит сенсацию. Но есть разные сенсации и разные эмоции. Истинные приносит абстракционизму лишь тяжелые испытания. Но без них невозможно движение вперед.

— На ваш взгляд, искусство русское и искусство итальянское похожи или они имеют разные корни? И как будет развиваться русский и итальянский авангард в будущем?

— И русское, и итальянское искусство всегда стояли очень близко, точно так же, как и русские, и итальянцы с давних пор контактировали друг с другом, обменивались опытом, художественными моделями. Русские художники приезжали в Италию, это было обязательным условием их

творческого совершенствования. Наши страны имеют богатый опыт и историю, интересную народную психологию, и эта психология всегда отображается в искусстве. Рано или поздно появляются новые элементы, но важно находить их и развивать вместе, взирая на совершенство.

Современное искусство — это целый комплекс, направленный против человеческой тупости, черствости. Это возможность изменить мир реальности.

— Кстати, сколько же на самом деле лет авангарду? Мы привыкли говорить, что он родился в начале XX века, но мне кажется, что традиционный авангард был еще в средневековье, например, отдельные полотна Леонардо...

— Леонардо был человеком, намного обогнавшим свое время, и в том, что он пытался сделать что-то «предавангардное», нет ничего удивительного. Но у нас в Италии современным называется искусство, которое отражает действительность. Именно тяжелые времена XX столетия породили новую форму, новый язык, который потом стал не только языком живописи, но и архитектуры, скульптуры, философии, дизайна, городской урбанистики... Авангард делал свои первые шаги во времена диктатуры, его история началась с кризиса свободы, и до наших дней идет поиск и завоевание этой духовной нравственной свободы.

— А как вам кажется, знать и понимать авангард могут только взрослые люди или же имеет смысл наряду с шедеврами мирового классического искусства знакомить с лучшими авангардными работами и детей?

— Искусство, в том числе и современное, доступно всем, и каждый человек может его знать, любить, изучать. Особенно дети, потому что они очень восприимчивы к форме, цвету, образу. Ведь изучают же они букварь, то есть структуру языка, по сути дела, самого языка как следует еще не зная. Точно так же можно изучать историю искусства с древности до наших дней. Такой «художественный букварь» необ-

ходим не только детям, но и некоторым взрослым. Люди должны знать искусство для того, чтобы быть свободными.

— Я думаю, что Италию можно назвать родиной всемирной живописи «вообще», а Россия — это, на мой взгляд, родина авангарда. Как бы вы могли оценить современное советское искусство?

— Советский авангард знают во всем мире. Его шедевры хранятся в картинных галереях Италии, Франции, Западной Германии, Америки. У русских есть удивительная способность оригинально воспринимать мир. Необходимо только «реанимировать» традиции и связать их с современностью. Я думаю, и в будущем советское авангардное искусство достигнет больших высот.

А в конце беседы мы пришли к общему мнению. Советский и итальянский авангард развивались в разных условиях. Один — омываемый мощным «информационным потоком», находящийся на пересечении всех дорог, другой — «под семью замками», оторванный и обособленный. Но тем не менее и тот и другой имеют общую идею. А вывод таков: искусство, где бы оно ни существовало, всегда исповедует одну главную цель, и цель эта — Человечность!

*Беседу вел
Наталья Бекетова*

От редакции. Нам очень интересно ваше мнение о модерне, об «искусстве рывающих красок», до сих пор вызывающем отчаянные споры у всех любителей современной живописи. Разговор об авангарде будет продолжен, и, конечно же, «Ст. М.» хотел бы учесть пожелания читателей, их интересы, вкусы и пристрастия...

Напишите нам, о каком направлении в современном изобразительном искусстве вы хотели бы прочитать на страницах журнала. Мы постараемся выполнить ваши заявки. А главное — расскажите о своем отношении к нетрадиционным формам и направлениям в творчестве мастеров авангарда, о том, чьи искания и находки нашли отклик в ваших сердцах и душах.

Виктор Ляпин

Голубиное время

Свежих ягод отдавай — в них
сок плодосного лета,
медовая влага румяного
жаркого дня!

Голубиное время —
в налившихся травах распето —
голубиное время крылами
задело меня!

Здравствуй, моя подруга, глоток
воды из криницы,
здравствуй, и будем упрямы,
принимая судьбу!
Задышится поле от клевера и
медуницы.

Жаворонка родинка —
на августовском лбу.

Солнце вылилось в воздух, как
молоко из кувшина.
Вот — река, и вот — наш сад,
гефсиманский слаще не пах.
Я хочу, чтобы к весне ты родила
мне сына,
чтоб настой медового лета
не таял на наших губах.

Это счастье и боль — сплетенье
сладостных ягод;
твоими глазами утра синь
бесстрашно переплыву,
любимая, пока звудка, бессонна
звездная влага,
пока в беспомощной тишине
светом этим живу!

* * *

Бежим со мной! Тебя окрестит
поп,
приятель мой, чувашин
круглолицый!
Вино господне нам ударит в лоб,
и станешь ты моею кобылицей!

Ты мусульманка — что ж! — я
сам нечист!
Прабабки, черти, с кем делили
ложе?

Но погляди — звезда
в вишневы лист
упала и сожгла его до дрожи!

Нет у попа ни церкви,
ни дьячков.
Он все дела в дому с женою
ладит.

Он будет петь нам канты
про любовь,
учить молиться на святых
в окладе!

В снях тебя поставит он
в купель,
одежды до исподнего срывая!
Я на дворе с ухмылкой на губе
их стану жесть, ревниво
подвывая!

Чего ж ты ждешь? Роса
земных троп
взошла вослед закатной
багрянице!

Бежим со мной! Тебя окрестит
поп,
приятель мой, чувашин
круглолицый!

* * *

Ты — время гроз, и только гроз!
Гром, ливень, слякоть. Грозы!
Грозы!

Все небо разом к нам сошло
на эти тонкие березы —
пролиться, вымыть добела
тугое трепетное тело,
чтобы от солнца и тепла
лишь кожа нежная горела!

* * *

Дед лежал истаявший как воск.
Деда отпевали три старухи,
три такие же, как он, разрухи.
Дед лежал, храня покой и лоск.

— Мы простим тебя и
не простим, —
говорили сложенные руки, —
мы себя до гнины испостим,
истончим до зерен в темной
муке,
и тогда сойдутся все пути,
и придешь ты к нашей
домовине!

...Так, все так. Но, слышишь,
отпусти, отпусти,
отпусти меня хотя бы ныне!

Творчество Федора
Александровича Абрамова еще
нуждается в осмыслении. Это
был крупный и самобытный
художник, который принес в
литературу свой мир, свою
правду. Не случайно уже первое
его печатное выступление в
1954 году вызвало злой окрик.
Он был объявлен очернителем
нашей замечательной колхозной
действительности.

Второй удар он принял за очерк
«Вокруг да около». Федор
Александрович снова попал в
черный список, стал дважды
очернителем.

Между тем слово правды,
высказанное в повестях
«Пелагея», «Алька», романах
«Братья и сестры», «Две зимы и
три лета», «Пути-перепутья»,
нашло отклик у читателей.
Пекатино и его жители стали
полноправными героями
большой русской литературы.

Присуждение Государственной
премии СССР в 1975 году за
трилогию «Прясины», с одной
стороны, воспринималось как
победа, а с другой — как
уступка, как снисходительный
привет с вершин, за который
следовало бы благодарить.
Так и бывало. Через неделю
после указа «ЛГ» публиковала
душеизлияния новоспеченных
лауреатов. Прозаик не
отказывался высказаться, но он
подготовил свой текст, далекий
от канона.

Собкор «заслал» заметку в
традициях жанра, но упрямый
писатель не согласился на
поделку. Так слово
Ф. А. Абрамова и не появилось в
лауреатской рубрике.
С машинописным текстом
третьего экземпляра этой старой
заметки «Для «Литературной
газеты», которая имеет и
авторскую правку и дату, мы
сегодня знакомим наших
читателей.

Юрий Ростовцев

Федор Абрамов

Я принадлежу к той породе, к той породе, как сказали бы у нас, на Севере, русских писателей, которых в свое время вдохновлял и поддерживал наш незабвенный Александр Трифонович Твардовский. В большинстве своем это так называемые деревенщики. Что и говорить, название не из самых удачных. А между тем эта «деревенщина» вот уже многие годы во многом определяет лицо русской советской литературы. Валентин Овечкин и Александр Яшин, Гавриил Троепольский и Владимир Тендряков, Сергей Залыгин и Ефим Дорош, Владимир

Солоухин и Виктор Астафьев, Борис Можжевель и Евгений Носов, Василий Белов и Василий Шукшин, Виктор Лихоносов и Валентин Распутин... Люди разного возраста, разных дарований, иных уж нет сегодня в живых. Но разве не вокруг их сочинений разгорались страсти, вскипали споры и диспуты? Разве не их устами долгие годы говорит в литературе коренная, глубинная Россия, наша необъятная сельщина?

Случайно ли это? Не удивительно ли, что в век спутников, в век победного шествия по Земле научно-технической революции

наша литература, наша проза увязла в «деревенских» делах? Ничуть. Думаю даже: у нас все еще мало уделяется внимания этой теме. Во всяком случае, осмысление тех сложных, порой мучительных процессов, которые происходят в сегодняшней деревне и которые связаны с нею, оставляет желать много лучшего. Ибо деревня — это и наш хлеб насущный, это и та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: ее этика, ее фольклор и литература, ее чудотворение.

В последнее время у нас мно-

го и не без пользы говорят о бережном отношении к природной среде. Но разве забота о духовных ценностях нации, о разумном использовании того, что накоплено тысячелетней историей народа, менее важное дело? И разве наше сегодняшнее и завтрашнее благополучие, наши повседневные житейские радости, не говоря уж о более серьезных вещах, разве все это в конечном счете не опирается в крестьянское поле?

Вполне понятно поэтому, что и мои рабочие планы, и мои раз-

думья еще долго будут идти в этом русле. Ну а что касается моей ближайшей работы — это строительство «Дома», романа о современности, которым я хочу закончить свой цикл «Братья и сестры». И в этой связи я заранее прошу прощения у читателей: этим названием — «Братья и сестры» — я хочу назвать уже ближайшее переиздание «Прыслиных». Так будет лучше. Это название точнее выражает дух трилогии, да и вообще всех моих писаний.

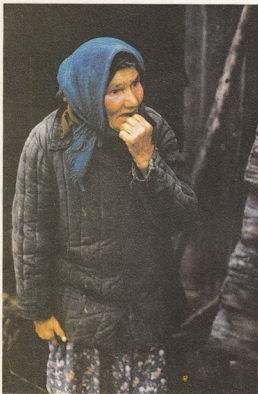
События в «Доме» будут раз-

вертываться в основном опять на Пинеге, в моем родном краю, в краю белых ночей и бескрайних лесов, где так причудливо еще и сегодня переплетаются старина и новь.

Низкий, сыновний поклон родному Пинежью, сердечный привет моим землякам, возрастившим меня как человека и писателя.

8 ноября 1975 года
Ленинград

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА КАРЕВА

Федор Абрамов

Трава-мурава

Паевые

Зоська Худяков, старый мот и пьяница, любил начальству перо вставить, а тут, когда в деревне колхоз стали переделывать на совхоз, начал еще и права качать. Потребовал ни больше ни меньше как вернуть паевые, которые он внес при вступлении в колхоз. Дескать, положено. По уставу сельхозартели, пункт такой-то... И Зоська даже разжился на этот случай старой, затрепанной брошюрой с этим самым уставом и внушительно потряс ею перед носом управляющего, которого еще вчера называли председателем колхоза.

— А ведь это верно, — сказал кто-то из случившихся в конторе мужиков. — Есть такой устав.

— Давай, давай, Зосим! Тебе тут выпивки надого хватит.

— Как не надого! Гумно, да лошадь, да еще чего сдавал?

Управляющий решил не давать разгореться страстям, а то, чего доброго, вслед за Зоськой найдутся и еще охотники до получения паевых.

— Товарищи... и ты, Зосим Павлович, совхоз у нас создается на базе колхоза, так что вопрос о паевых отпадает.

Зоська был готов к этому и, что называется, на лету срезал управляющего:

— А я по возрасту лет в совхоз не вступаю.

На какое-то время в конторе воцарилась гробовая тишина; все выжидали, сумеет ли вывернуться управляющий.

Сумел. Недаром десять лет бесценно правил колхозом.

— А какая у тебя лошадь была, когда сдавал ее в колхоз? Помнишь?

— А как же не помнить-то? — ухмыльнулся Зоська. — Свою лошадь да не помнить. Карюха. Рослая. Пятилеток.

— Иван, — сказал председатель своему шоферу, стоявшему у дверей, — принеси узду с коридора.

Иван принес.

Управляющий взял от шофера узду, решительно протянул все еще ухмылявшемуся Зоське:

— Возвращаю тебе паевые. Иди на конюшню, бери свою Карюху. Да только ту самую, которую сдавал в тридцатом году.

Котина доброта

Николай К., по прозвищу Котя-рюмочка, в войну хватил лиха. Отец на фронте, мать умерла, и в детдом не берут: дядя родной есть. Правда, дядя инвалид, но при хорошем деле (портной), — что ему стоит сироту пригреть?

Дядя, однако, сироту не пригрел, и сын фронтовика частично кормился с помойки. Насобирает картофельных очисток, сварит в консервной банке на костерке у реки, в которой иной раз удастся изловить какого-нибудь пескаррика, да тем и жил.

После войны Котя отслужил в армии, выстроил дом, завел семью, а потом и дядю к себе взял — тот к тому времени совсем одряхлел, на девятый десяток перевалило.

Дядя Котя ни в чем не отказывал. Что сам с семьей ел, то и дяде в чашку. И даже рюмочкой не обносил, ежели когда сам причащался.

— Ешь, пей, дядя! Я родно не забываю, — приговаривал всякий раз Котя.

— Не забываешь, не забываешь, Миколаюшко.

— Не обидел в части еды и питья?

— Не обидел, не обидел.

— Оприютил, значит, беспомощного старика?

— Оприютил, оприютил.

— А вот как же ты-то меня в войну не оприютит? В газетах пишут, чужих детей брали на воспитание, потому как война. Народная. Помнишь, как в песне-то пели? «Идет война народная, священная война...» А я-то тебе разве чужой?

— Ох, ох, правда твоя, Миколаюшко.

— Да ты не охай! Тогда надо было охатить-то, когда я в яме помойной рылся...

Завершая Котя застольный разговор обычно следовало:

— Ну, дядюшка, дядюшка, спасибо! Отец-покойник в ноги бы тебе поклонился, ежели бы с войны вернулся. Ведь он-то думал, сын евновный, сирота горемычная, под крылом у дяди, а меня ворона своим крылом больше грела, чем дядя. Понимаешь ты это своей старой-то башкой? Ведь лоси и те от волков малых лосят всема защищают, а ты-то ведь не лось. Ты дядя родной... Эх!..

И тут уж начинал в голос голосить и старик.

Ровно два месяца так изо дня в день воспитывал Котя дядю, а на третий месяц дядя повесился.

Хлебная корка

Матрена Васильевна вконец измаялась с сыном. Жизнь не рада стала. Пьет, по неделям нигде не работает (корми, мать, на свою колхозную пенсию сорокалетнего мужика!), да еще постоянно пьяные скандалы дома, так что обе дочери уже два года не ездят к матери. Наотрез сказали: либо мы, либо он. Выбери!

И то же самое ей говорили соседки. Что ты, Матреха! До каких пор будешь мучиться? Гони ты его, дьявола, раз в нем ничего человеческого нету.

И Матрена Васильевна соглашалась и с дочерьми, и с соседками. И иной раз, доведенная до полного отчаяния, она уж готова была бежать в сельсовет (председатель давно сказал: заберем, дай только сигнал!), потом вдруг вспомнит войну — и пропала решимость: в войну ее да девок, можно сказать, Пашка от голодной смерти спас.

У Пашки долго, до пяти лет, не повораживался язык на слово (и теперь немутно ругают), и вот за это-то, видно, его и жалела Анна, сельская пекариха: два года подкармливала ребенка.

Все какой-нибудь хлебный мякиш или корку сунет: они-то забыли, как и хлеб настоящий пахнет.

И вот что бы сделала всякий ребенок на месте Пашки с этим мякишем, с этой коркой? В рот, в брюхо скорей — там собаки от голода воют.

А Пашка ни крошки не съест один. До самого вечера терпит, до тех пор, пока мать с работы не вернется. Да мало того: этот мякиш, эту корку разделят на четыре части.

— Что ты, Пашка, сам-то ешь да девок угости. А я-то не маленька.

Не будет есть. До тех пор не будет, пока мать не съест свое. Пачет да ручонкой тычет (слова-то выговорить не может): ешь, ешь.

И вот через эту-то Пашкину доброту, может, они все и спаслись в войну. Так как же ей гнать его из дома?

Спустила четверть века

В Охалкинке (деревня на Ярославщине) в тридцатом году раскулачили одну большую семью. Все — и отец, и мать, и дети — плакали горькими слезами, только что с ума не сходили, расставаясь с родными местами.

А через двадцать пять лет две сестры из этой семьи, уже пожилые, приехали проводить родину. И вот бывает же так: первым человеком, кого они встретили, был Тимоха, однопереунок, который их раскулачивал. Постарел, усох, слеза в глазу, но как было им не узнать этого человека!

И Тимоха узнал их. По породе.

Узнал, и его просто страх прошиб, потому что больно уж высоко взлетела эта семейка: один сын — Герой Советского Союза (на войне погиб), другой — профессор, третий — капитан дальнего плавания... А когда-то он их под наганом выгонял из ихнего дома.

Сестры, к великому изумлению Тимохи, подошли к нему с улыбкой да еще и руку протянули.

— Спасибо, что раскулачил нас. Мы хоть свет белый увидели. Разве мы жили здесь? Все в поле, все в поле (отец картошку государству поставлял), старшая сестра у нас только в праздники могла надевать новый сарафан, а так все в поле. Вот какое у нас жительство «кулацкое-то».

Куда девалась нечистая сила

Идем с Евдокией, подружкой моего детства, задворьем, возле болота, мимо тех мест, где когда-то стояли гумна, овины, черные бани.

Евдокия вдруг признается:

— Я, бывало, страсть боялась одна ходить этой дорогой. Все бегом, все с сердцем у горла. Что ты, ведь тут видимо-невидимо всякой нечистой силы жило: в каждом гумне гуменник, в каждом овине овинник... А байници-то, волосатки-то эти страшные с кошачьими глазами! Так и кажется, на тебя из каждого окошечка раскаленным глазом зырят.

Евдокия помолчала и — не в ее характере было недоговаривать — призналась:

— Да мне и теперь потемни одной не пройди этими местами. Сробею.

Я спросил с легкой усмешкой, пытаюсь ею прикрыть свое смущение — ведь и во мне, наверно, оживи бы прежние страхи, если бы я, скажем, оказался тут один осенней кромешной ночью:

— А как ты думаешь, куда девалась вся эта нечистая сила? Умерла вместе со старыми гумнами, овинами, банями?

Евдокия не задумываясь ответила:

— Почто умерла-то? В людях переселилась. Смотри, сколько всякой нечисти развелось.

Бабушкина вера

Катя С. с двумя подружками-студентками приехала на Вологодщину собирать фольклор и готова была в первом же райцентре проклясть и Вологодщину, и ее жителей.

Дождь проливной, холод, транспорта нет — они четыре часа стояли на дороге, прежде чем их подобрала машина-попутка.

А в деревню приехали — что за народ? Ни в одну избу не пускают обогреться — хоть подыхай, а уж насчет фольклора и говорить нечего — никто слушать не хочет, как на чокнутых смотрят.

Наконец после долгих хождений от избы к избе их пустила к себе одна старушка.

Чудо-старушка. Как из русской сказки. На печи обогрела, обсушила, чаем напоила, а потом и разговоры завела: откуда, куда, зачем?

Однако сама-то старушка ни песен, ни сказок, ничего другого в этом роде не знала. Зато растолковала назавтра, к кому надо идти, в какие деревни.

Катя и подруги ее так и сделали, как посоветовала старушка, и к вечеру вернулись к ней с богатыми записями. И страшно удивленные, что в каждом доме их принимали как нельзя лучше.

Старушка этому несколько не удивилась. Она сказала только:

— Да ведь я вас к людям своей веры посылаю — как могло иначе-то?

— А какая у вас вера, бабушка?

— А вера у меня такая: доколе жива, добро людям делать.

Вошел в азарт

Егорко Максимов, ныне дряхлый старик-пенсионер, а в прошлом первый активист своей деревни, так вошел в азарт во время коллективизации, что раскулачил своего теста.

Наадавился было Егорко раскулачить и отца своего (нет родных в классовой борьбе!), но тут уж возроптала вся деревня:

— Что ты, турок? У отца семь девок да самовар дрявявый — не смехи людей-то!

В ожидании тепла

Старик не вставал с постели всю зиму и все спрашивал у сына:

— Земля-то скоро будет теплая?

— Скоро, скоро, отец.

Наконец однажды утром сын сказал:

— Вот и отогрелась земля, отец. На горбылях сегодня первую отпотину дала.

В тот же день к вечеру старик умер.

В день победы

— У нас Ваня Пахомов самый веселый в палате был, хотя обеих ног не было. Всех утешал, всех на

жизнь наставляла. А утром, как только объявили по радио, выбросился из окна.

Почему выбросился-то? Жена была злая? Не думаю. Пока война была, держался, а из войны в мир переступить не мог. Не на чем. Ног-то у него не было.

Как дед Семен осрамил своих детей

У деда Семена отнялись ноги. Тяжкие дни наступили для одинокого старика. Хлеб, дрова, вода — все надо. А кто принесет? У детей оказалось вольче сердце — ни один не проведает. Выручала от случая к случаю пятнадцатилетняя внучка Лида.

Раз вечером дед Семен, прождав внучку целый день, выполз с ведром на крыльцо — пересохло горло, глотка воды с утра не было. И вот счастье — по дороге бежит внучка.

— Лида, принеси воды.

— Некогда! В кино бегу.

В тот же вечер дед Семен повесился у себя в избе, на жердочке возле печи.

Собравшаяся на похороны родня — сыновья, дочери и прочие — на все лады носили старика:

— Бесстыдник! Всех нас осрамил. Большая беда — воды не принесли. А в войну-то как жили — забыл? Хлеба по неделям не выдали.

По ребячьему крику соскучилась

Зелеными холмиками, горками и горушками кажутся как сказочный колобок и однажды вкатываясь в деревню, широкая улица которой поросла курчавой травкой-муравкой, и по той травке по муравке ни единой телеги, ни единой машины не проехало.

У первого дома под старыми окошками, щедро, по-ярославски украшенными кружевными наличниками, — старая старуха. Сидит на завалинке, опершись острым подбородком на батожок, и вся в слезах.

— Что, бабушка, случилось? Из-за чего плачешь?

— А из-за тоски, батюшко. По ребячьему крику соскучилась. Раньше у нас об эту пору звоном звенит деревня от ребячьего крика, а ныне ни одного ребятенка малого во всей деревне не осталось.

Зарок блокадницы

Заговорили о неустроенности, о бедах сегодняшнего бытия, о всевозможных недостатках, о болезнях, которые косят людей, — что за жизнь? Что за век?

Кое-кто вздохнул, кое-кто охнула, а кое-кто даже слезу пустил. И только одна старая Наталья Александровна невозмутимо улыбалась.

— После войны я ни разу не плакала. Грех великий плакать, кто пережил блокаду да войну.

План выполняем

Апрельское утро, на улице весна, солнце, от земли пар, а батареи в квартире раскалены — дышать нечем.

Звонко управдому:

— Что вы делаете?

— А ничего особенного. План выполняем по реализации топлива.

— А зимой, когда было холодно в квартире, как на улице, какой план выполняли?

Смеется:

— А зимой мы выполняем план по экономии топлива.

Саша Шулев заплясал

За новогодний стол сели рано. За добрый час до боя Кремлевских курантов. Ну и что делать? Как убить время?

— А давайте вспомним самый счастливый день в уходящем году.

И вот пошли рассказы: про выход новой книги, про защиту диссертации, про премьеру, про любовь...

— А у тебя какой самый счастливый день, Феня? — спросили у дальней родственницы хозяйки.

Феня, и без того застенчивая, робкая, приткнувшаяся к столу с краешка от дверей как серая утушка, тут растерялась так, что слезы выступили на глазах:

— А у меня ничего такого творческого. Ни книг ни любви. Разве только когда Саша Шулев заплясал на елке...

— Какой Саша?

— Мальчик. Три годика ему. Я в садике воспитательницей работаю. Когда я пришла к ним в группу, Саша не ходил. Все лежал. Ракхитик. Живот. Ножи ухатиком. Ужас! И мать непутевая. Когда возьмет ребенка домой, когда нет. В общем, ужас, ужас. Без улыбки ребенок. При мне начал улыбаться. А вчера, — Феня опять прослезилась, — все матери пришли на елку, а та, гулена, не пришла. Я взяла Сашу за ручку: «Дети, Дед Мороз всем велед плясать, тогда весь год счастливым будет». И что вы думаете! Ой, не могу! Саша у меня всех больше плясал. Попа отвисла, ноги ухатом, живот... А он потом обливается да пляшет. «Сашенька, отдохни, Сашенька, хватит...» Не отдыхает. Очень уж ему хотелось, чтобы у него год счастливый был.

Из войны

— Я не люблю про войну вспоминать. В школу зовут на вечер — нет, говорю, я думать про войну не могу, а не то что рассказывать.

В сорок втором меня призвали, восемнадцать полных не было, и на Волховский фронт, в минерный батальон из девушек. По ночам от мин расчищали нейтральную полосу, подготавливали для наступающих танков и пехоты. Мины свои, мины немецкие — люди угадывали, как они установлены. Ну, и рвались. Много наших девушек подорвалось, многие калеками стали. Под Москвой живет моя подруга, двадцать третьего года рождения. Зоя. Без обеих ног.

Раз прислали к нам парней-казахов. Ничего не умеют. Один — ночью было — кричит с полосы:

— Где тут мины? Ничего не видно.

— Зоя, говорю, иди. Помогли ему.

Зоя только ступила — бах.

На моей, на моей совести эта девушка. Я дала двести граммов крови, а ног не дашь. Теперь вот все пишет: приезжай да приезжай. А как я поеду? Как ей в глаза гляжу?

Радость

После премьеры зашли к артистам и проговорили чуть ли не до двух часов ночи. Выскочили в величайшей тревоге: как доберемся домой — вот-вот разведут мосты через Неву.

На счастье, попался какой-то запоздалый лихач в маленькой, неказистой машинешке.

— Бога ради, выручите!

— Да я, право, не знаю, — замылся хозяин машины, явно набивая цену.

— Любые деньги плачу!

В общем, уговорили.

Сперва отвезли молоденькую артистку, а уже потом, счастливые, подкатили к своему дому.

— Сколько? — спрашиваю. — Пятерка устроит?

— Н-не на-до...

Я вытасила еще пятерку. Пес с тобой! Кабы не ты, может, еще и сейчас бы загорали возле театра или Невы.

Хозяин машины уже четко, без малейшего заикания сказал:

— Я денег не беру и не хочу учиться брать.

Я не сразу понял, что произошло. А потом от счастья, от радости (впервые встречаю такого частника!) я едва не бросился ему на шею и кончил тем, что протянул букет цветов — подарок от артистов.

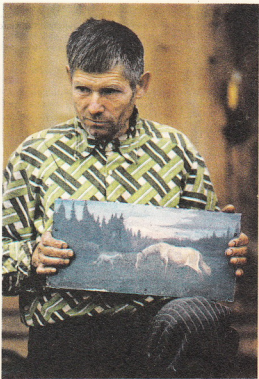
— А вот цветы приму с удовольствием, — сказал водитель. — Спасибо.

И я почувствовал, как в темноте, блеснув очками, он мягко улыбается.

И я тоже начал улыбаться.

Улыбался на улице, посылая ему прощальный привет. И улыбался дома, ложась в постель.

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА КАРЕВА

Федор Абрамов

Сотвори мир в душе и пошли его людям.

Столовая дорога человечества сплошь заставлена крестами, на которых распяты его пророки.

Нравственный кислород для человека не менее важен, чем кислород природный.

Во всем находить красоту. Лечись красотой.

Может быть, только время победит жизнь. Время — самая могучая сила на свете.

Самое трудное — увидеть вещи, события, людей в их истинном свете, без прикрас, без иллюзий, без ожесточения.

Надо быть не правдоискателем, а правдоустроителем.

Нельзя научить истине, ибо до истины каждый доходит сам.

Если люди научатся чувствовать и мыслить справедливо, то они тем самым помогут оздоровлению мира.

Есть три грамоты: грамота ума, грамота инстинкта и грамота сердца.

Молитва нужна не богу, а самим людям. В молитве — самоочищение, настрой души на работу, на подвиг, на терпение.

Путь не меньшее счастье, чем цель.

Человечество, чтобы отбросить ложную теорию, должно пролить реки крови.

И чем оборожительнее эта истина, тем дороже расплата.

Народ — жертва зла. Но он же опора зла, а значит, и творец или, по крайней мере, питательная почва зла.

Может быть, главное в жизни даже не то, что мы делаем, а то,

как делаем — сколько любви, души, добра, чистоты вкладываем в содеянное.

Рай придумали бездельники. Сидеть сиднем целыми днями под райскими кущами да лопать сладкие яблочки — да разве это блаженство? Это же наказание хуже каторги.

Как жить? С ощущением полного дня и всегда с ощущением вечности.

Жить в ладу с собой, со своей совестью — не в этом ли самое большее счастье?

Работа, работа... Есть ли бо́льшая радость на Земле? И работаюся ли досыта?

Искусство сродни первозданным стихиям. Это — исполинские аккумуляторы, к которым подключается человек. Подключается, чтобы зарядиться их энергией, красотой.

Гений — это нация в одном лице.

Все великое в искусстве в единственном числе.

Подлинная красота — сама по себе идея.

Народная песня в музыкальной обработке для наших хоров мне часто напоминает подстриженное дерево.

Писатель измеряется коэффициентом полезного действия его слова.

В искусстве превзойти великих можно только с их помощью.

Хорошая книга — это ручеек, по которому в человеческую душу втекает добро.

Труд писателя. Написал страничку за день, потом прочел, перечеркнул эту страничку и счастлив: хорошо поработалось.

Искусство — это молитва.

Талант — это способность к самоограничению.

Истинная любовь питается ненавистью. Или наоборот: отрицание, сатира без истинной любви — дешевое критиканство и зубоскальство на уровне фелетона.

Памятники искусства и культуры — это огромные генераторы духовной энергии, которая вложена в них создателями их, а также людьми, которые на протяжении столетий им поклоняются.

Разрушая памятники, вы убиваете самое ценное на Земле — духовную энергию народа, аккумулярованную в памятниках.

Писатели должны принять на себя все муки, сомнения и нравственные заботы современного человека.

Художник должен быть одновременно и грешником и святым.

Самая великая сила на Земле — мысль человеческая.

Писателю необходимо время от времени тяжело болеть, попадать в больницу. Чтобы не умом, шкурой почувствовать страдания людей.

Разоблачение надо, без разоблачения нельзя, но избави боже быть одним из делателей разоблачительной литературы! Разоблачительная литература — литература мелкая по своей сути. Вот что надо раз навсегда усвоить.

Поэт, писатель от всех прочих отличается одним — силой любви. Любовь — источник поэзии, источник добра и ненависти. Любовь дает силы бороться за правду, переносить все лишения, связанные со званием писателя.

Дмитро Павлычко

* * *

Бежит пол ливнем кобылица,
Сквозь мглау и чащи —
напролом;
Дождь прогибается, искрится
Крылами над ее хребтом.

Она как молния со склона
Летит и пути ливня рвет.
Вода свисает, как попона,
И бьется о тугой живот.

Грохочут в скалах грома
взрывы,
Как неба рушится чертог;
И пламенеет вспышка гривы
Над вспышкой глаз и тонких
ног.

Она стяхнет касанья тучи,
Воды, что в пахи затекла;
А как стерпеть нещадно жгучий,
Щекочущий охват седла?!

Как вынести стальную ласку
Удья, что распинают рот,
Смиренья и уздечки маску
И в шорах мир, как будто
грот?!

Как может покориться шорам
Душа встревоженная та
И сапогам, и острым шорам,
И лютой моании кнута?!

Я спрашиваю — и от страха
За спину прячу мокрый кнут,
А ей протягиваю сахар,
Который губы оттолкнул.

Нет, невозможно отступиться,
А умолять лишь, чтоб взяла.
Она ж моей, та кобылица
С крылами белыми, была!

* * *

Пахнет хлебом трава,
Что с рожденья меня купала,
Пахнут хлебом слова,
Что впервые мне мать сказала.

Пахнет хлебом тоска
Песни, высветлившей стодола.
Пахнет хлебом рука,
Что меня приводила в школу.

Пахнут хлебом леса,
Где не знали мы сна и грусти,
Пахнут хлебом глаза,
Твои губы, ладони, груди.

Пахнут хлебом поля,
В чьих просторах души парил я.

Пахнет хлебом земля,
Что дала мне любовь и крылья.

* * *

Заснуть бы так всего на волосок,
Чтоб мне созвездья седины не
ткали,
Чтоб сны мои неспешно протекали
Меж пальцами твоими, как
песок.

Заснуть бы так под золотым
крылом
Косы твоей, чтоб в сновидений
пряжах
Не появлялись тени танков
вражых,
Что шли сквозь наши села
напролом.

Заснуть бы так, чтоб не слышать
во сне
Землетрясения тайные и муки,
Которые приносят песнь и руки,
Отрубленные катом на струне.

Заснуть бы так мне под твоей
руки
Дыханьем невесомым и
нечастым,
Чтобы во сне, лучась, подобно
аграм,
Светили мысли и материки.

Заснуть бы так, чтоб все мечты
легко
Сбывались, словно в сказках, но
как будто
От угрызений совести, под утро
От шепота проснуться твоего!

* * *

Поехал поезд, а в окне
Махала девушка рукою
И плакала. Не надо мне
Ее тоски и слез — с другою
Я там прощался, а не с ней;

Она смеялась, уезжая;
Чего же над судьбой моей
Простерла крылья грусть
чужая?!

Чего же я забыла давно
Свою пригожую подругу,
Но не могу забыть окно
В слезах и поднятую руку?!
И чья душа в нем сиротой
Зывала к незнакомым даже,
Куда ж зовет сквозь годы той
Руки прощальный взмах,
куда же?..

* * *

Словно снег вдали, синела
Ночь задолго до утра.
Голубая ель шумела,
Вырастая из костра.

На прохладном свежем сене
Ласки терпки, горячи,
Как звериный взгляд, колени
Дико вспыхнули в ночи.

Покатилась брыль, сверкала
Как звезда, недалеке.
И слеза любви седея
Покатилась по щеке.

Наши кони обьедали
Месяц, словно сноп овса.
В давней золотой печали
Лепетали небеса.

* * *

Таким разговор бывает,
Что сковывает как лед.
Рассудок ясность теряет,
И мысль теряет полет.

Таким молчанье бывает
Внезапно страшным, что жив
Я буду, пока спасает
Меня рыдания взрыв.

Такое время бывает,
Когда в тисках бытия
Мне смысл его возвращает
Одна улыбка твоя.

Переводы А. Ратнера

* * *

Ты хоть и грешница —
пречиста.

Лилея ты в болотной тьме.
Чужие ласки, как мониста,
С себя ты сбросила при мне.

И снова взгляд, как в детстве,
светлый,
И вновь, как в детстве, чистый смех.

И снова непорочность эта
Меня уносит в смертный грех.

Скажи, зачем вериг ты просишь
На душу горькую свою?
Или надеть и вправду хочешь
Ты верности моей шлею?

Хомут с ярмом — за свет
желанья,
За ночь в страстях, за стыд
потом,
Жаль, с древа жизни и познанья
Задаром яблоч мы не рвем.

Готова ль ты бесповоротно
В изгнание, в мир забот земных,
Где старше, чем любовь, работа,
А хлеб — чем нитка бус резных.

Иди! В своих монистах хуже
Не бугнать там, чем здесь была.
Вновь на меня узду мою же
Накинешь ты, как на осла.

Чтоб на хребте моем в ине
Края поехать, в белый свет,
Свои глазищи золотые
Даря парням, идущим вследа.

И все ж тебя любить я буду
За то, что не упала ты
Ни в беспросветный морок
блуда,
Ни в прозябане чистоты.

Что, плод у змея взяв однажды,
Мне этот плод ты отдала.
А в нем мечта, и жизни жажда,
И юность вечная жила.

Перевод Н. Коржавина

* * *

В Днепре купаться ночью
золотистой,
Когда висит луны янтарный шар
Над Лаврою и, словно тени
хмар,
В реке мерцает берег
темнолистый.

Волна спешит с нетронутостью
чистой,
Что грудь девичья, в рук твоих
пожар,
И в серебристых жалобах гитар
Твоя улыбка вспыхивает
искрой.

Любовь твоя — столица всех
столиц,
Купель Руси лазурно-золотая.
Ты на песке — сиянем залитая.

В тебе — шаальные сполохи
шениц,
В тебе — Карпат голубокрылых
стая,
И Киев мой — на дне твоих
зениц.

* * *

Старуха на протезе деревянном
Везла ребенка в санках — скрип
да скрип...
Дитя смеялось. Показался
странным
Мне этот смех средь зимних
белых лип.

Закрyla глаза и боль под
сердцем спрятал,
Но слышал, как скрипела
темнота,
Как на виски со звезд далеких
падал
Тот снег, что не растает
никогда.

* * *

В огороде, за нашей старенькой
хатой,
Словно зубы земные, камни
растут.
Я их выкапываю лопатой
И таскаю в овражек — нелегкий
труд.

Так таскаю, что стонут ноги и
руки.
Но год пройдет — и опять по
весне
Вырастут новые каменюки,
И будет по горло работы мне.

«Трудись, — отец говорил мне
серьезно, —
Земля отплатит тебе с лихвой».
А мать сказала, что мертвые
звезды
Падают в наш огород зимой.

Мозоли горят на руках моих
дожгих,
Но мне повелела судьба моя
Камни собирать в человеческих
душах
И тачкой свозить их в овраг
забытый.

* * *

Родное слово, кто я без тебя?
Никто. Забывший прозвище
бродяга,

Мертвец, обросший камнем
саркофага, —
Горсть жалких побрякушек и
тряпья.

Ты — жизнь моя и песня, и
отвага,
Громовый лет ракетного копыя,
С тобой планету обойду, любя
Все языки, а без тебя —
ни шага!

Я унаследовал свою судьбу
В шевченковском
благословенном гrome.
Я взял тебя в походы, как трубу.
Так не засни же в запыленном
томе —
В бумажно-коленкоровом гробу!
Звени в моем и правнуковом
доме!

* * *

Беда научит, с кем делить свой
хлеб,
Что взять себе, а что отдать
другому,
И предпочтет она любому дому,
Где ложь прописана, —
могильный склеп.

Мир шел навстречу свету
молодому,
Но до восхода солнца ты ослеп,
И не ищи теперь других судеб:
Кто гномом стал, тот кланяется
гному.

К чему твоя пустая похвальба,
Что ты ведешь свой род не от
магната,
Что ты сынок не пана, а раба?!

Да, ты носил армяк отца
когда-то,
Но от поклонов ревностных
горбата
Твоя душа, и слава, и судьба!

Переводы Л. Смирнова

* * *

Летят по полю белы кони —
Ветров январских табуны.
Мороз привстал на подоконник
И на стекле рисует сны.

Не сном ли стало то оконце
С деревьями чужих сторон,
Где в темя бьет жестоко солнце,
Где не бывал веками он?

Перевод Вс. Рождественского

Переводы с украинского

Жан-Клод Дюнак

В садах Медичи

Рассказ

Снова они встретились в садах Медичи три года спустя. Он шел по саду, поток его мыслей напоминал дорожку из песка и белого гравия. А она сидела на каменной скамье и держала в руке книгу с загнутыми страницами. Над ее головой покачивалась зонтичная сосна.

Они не должны были бы встретиться вновь. Чтобы спасти их внутреннюю жизнь,allee было бы достаточно свернуть чуть в сторону, а вокруг скамьи — вырасти непроходимой изгороди. Но в этот ранний час сады были почти пусты, и сумасшедший архитектор, царивший здесь, пока не включил свои механизмы. Лужайки и поросшие мхом аллеи еще не перестроились в ожидании возможного посетителя. Заря стерла память у статуи и фонтанов. Каждая травинка сохранила свой вчерашний вид или робко пустилась в рост...казалось, сады были отданы на волю случая.

Итак, их пути пересеклись. Услышав его шаги, она вздрогнула и вскинула голову. Он остановился, удивленный. Они внимательно посмотрели друг на друга. Он узнал ее, она — нет.

Когда он сел рядом с ней на скамью, она безвольно пожала плечами и положила открытую книгу на колени. Его первое слово обескуражило ее:

— Привет.

Она снова всмотрелась в него: обычные карие глаза, правильные черты лица, чуть неуверенная улыбка. Нет, не вспомнить. Она с опаской коснулась границ своей памяти, пытаясь нащупать спасительные вехи. Быть может, к ней подсел один из случайных любовников, из тех, с кем она была близка три года назад, в те черные дни. Однако инстинкт подсказывал ей, что дело обстоит иначе. Она отрицательно качнула головой.

— Я вас не знаю.

— Ты не помнишь меня? — В голосе слышалось удивление, улыбка исчезла. — Ты действительно не помнишь меня...

Имя, которое он произнес, принадлежало ей. Книга соскользнула с колен и упала на землю. Он наклонился, поднял ее и протянул, не осмеливаясь положить обратно на колени. Она взяла книгу и резко захлопнула ее.

— Спасибо.

По их общему желанию занавес из ветвей отделил скамью от сада, а аллея неторопливо укрылась ковром мертвых листьев. Сад медленно пробуждался и готовился к приему многочисленных, жаждущих одиночества людей — их следовало от-

делять друг от друга с помощью незначительных перестроений, чтобы каждому казалось, что окружающее пространство принадлежит только ему. Не осознавая, что под землей кипит жизнь, меняющая все вокруг, они несколько минут молчали. Наконец он нарушил тишину:

— Я понимаю, ты не желаешь говорить со мной. Я ухожу. Но не утверждай, что забыла меня, у тебя нет на это права.

Он сделал вид, что пристает. Она удержала его за рукав.

— Подождите. Подожди. — Она закусила губу и пробормотала: — Если я тебя знала, то не помню об этом. У меня не вся память. Я продала часть ее три года назад.

Она откинула со лба прядь волос. У корней волос тянулся ровный шрам — здесь поработали торговцы памятью. Он уже видел такие швы, положение на расписку за вскрытие черепа. Он понял и встал. Она не стала удерживать его. Опавшие листья сгнили под его ботинками. Он как сомнамбула удалился по аллее, усыпанной мертвыми ветками.

Они никогда не должны были бы встретиться, но сады по непредсказуемому капризу запомнили в своих растительных клетках обстоятельства этой встречи и проиграла их по своему желанию... Несколько дней спустя он снова сел рядом с ней, но она опять не узнала его.

Она перечитывала все ту же книгу. Завладка переместилась всего на несколько страниц, и ее взгляд то и дело возвращался к предыдущим параграфам, уже исчезнувшим из ее памяти. Клетки, утратившие львиную долю воспоминаний, не могли приобрести новых. Фактам и ощущениям не за что было зацепиться.

Сцена повторилась, но с некоторыми отклонениями. Он знал наизусть свои реплики, она же сочиняла их на ходу. Он играл фальшиво, но она не чувствовала фальши.

— Вы знаете... — тихо начал он.

— Тебе известно мое имя. Но я не помню о тебе.

— Все верно. Я утонул... с твоими воспоминаниями.

Она слегка покраснела.

— Я это сделала... из-за тебя?

— Быть может. Вероятно.

Они помолчали. Она открыла книгу и прогнала муху, которая хотела спрятаться в складках ее юбки. Он с нежностью наблюдал за ней. После их расставания он мечтал о невообразимой встрече с идеальной подругой, чья память не сохранила зла.

Его желание исполнилось — она забыла обстоятельства разрыва. Ничто не должно было бы помешать их новой близости. Он осмелел настолько, что накрыл ладонью ее руку. Она закрыла книгу и ушла, оставив его в одиночестве.

Ночью он спал плохо и отправился на работу кружным путем, чтобы случайно не пройти через сады. Но через неделю гравийная аллея неумолимо привела его к каменной скамье и к ней. Он неуклюже извинился и по удивленному взгляду догадался, что она не помнит о предыдущей встрече. Его беспокойство сменила робкая улыбка. Два часа спустя они вновь познакомились.

Он начал встречаться с ней каждый вечер, в надежде связать нити, оборванные торговцем памятью. Мгновения, проводимые вдвоем от него, распускали ткань их общих воспоминаний. И он терпеливо восстанавливал ее при следующей встрече, часто начиная узор с самого начала. Он стал сильным в этой игре и научился несколькими фразами воссоздавать ту интимную обстановку, без которой продолжение разговора не имело смысла. Но ее память хранила воспоминания всего несколько дней...

Чтобы выяснить, какой объем информации она забыла с предыдущего раза, он проврал роман, который она читала с завидным упорством. Если закладка была на прежнем месте, он знал, что его слова канули в пустоту. Иногда она продвигалась на несколько страниц и могла вспомнить его имя и лицо. В эти дни она встречала его неловкой улыбкой и не считала странным, что он садится рядом. Но проходило несколько дней, и закладка перекочевывала в начало главы. Она читала книгу заново, заставляя и его возвращаться в начало.

Горечь этих мгновений скрашивалась тихой нежностью минут, которые они проводили в беседе... Иногда он начинал сомневаться в правильности своих временных вех. В эти моменты он покидал ее, даже не прощаясь, или обращал в бегство ее, пытаясь пересчитать через несколько этапов и сообщить ей наконец главное...

Кончилось тем, что он стал приходить все раньше и раньше. Едва окончив работу, он спешил в сады и торопливо шагал по прямой аллее. Бассейны приветствовали его струями фонтанов, а статуи ради него меняли позы. Он садился на скамью, и она закрывала книгу ставшим почти привычным движением.

По случаю праздника мертвых он провел с ней целый день. Воспоминания прошедшего дня еще теснились в ее голове, она радостно встретила его и подвинулась, освобождая место на скамье. Книги в руках ее не было. Быть может, она забыла ее взять. Он предпочел увидеть в этом благоприятное знамение.

Утро пролетело как сон, в беседах, где главная роль отводилась прошлому. Ему хватило времени рассказать обо всем: об их связи, о расставании, о долгих периодах нежности между сорами — их жизнь напоминала прогулку по морскому пляжу, где полосы шелкового песка чередовались с острыми скалами. Оного не зная, верить ему или нет, но каждое его слово звучало в ушах напоминанием о забытой мелодии. История была слишком красива — ей следовало быть правдивой.

В полдень он предложил ей перекусить и достал из сумки салат, вареный окорок, хлеб и оливки.

Они расстелили покрывало у подножия зонтичной сосны, а бутылку с вином поставили охладиться в каменную раковину с водой.

После еды они остались лежать на земле, и он заговорил о Венеции. Венеции приукрашенной, очищенной от скверны, сияющей яркими красками воспоминаний, невольно меняя обстоятельства их совместной жизни по прихоти окружающих их садов.

— Мы познакомились во время карнавала. Ты знаешь, что по этому случаю город поднимают из-под вод и на время возвращают ему его былое величие. Временные плотины отделяют внутреннюю лагуну от моря. Ненасытные глотки насосов откачивают илстую воду, открывая доступ к поглощенным дворцам и срывая мессу, которую служат осминогом в зеленеватых глубинах собора.

Вспомни. Мы жили на борту гондол-гостиниц длиной в несколько сотен метров, приводимых в движение древними механическими гондольерами. Они орудовали плоскими веслами размерами со створ ворот. Мы медленно пересекали лагуну, нас баюкали песни, которые доносились из их грудных динамиков, и шорох вязкой от ила воды.

Как было легко влюбиться на борту этих кораблей! Одежия были сшиты так, чтобы с легкостью спадать с наших тел, маски едва скрывали обоюдное желание быть узнаваемыми. Мы старались укрыть наши тела в искусственном футляре, который так легко открыть... Однако мы познакомились в самом городе. Ты поминишь?

Но она отрицательно покачала головой, радуясь, что впервые услышала их историю.

— Я шел в темной сутане и с косой в руке по площади Святого Марка, усыпанной мертвыми рыбами. Танцующие фарандоло скучающие арлекины бросали горсти зерен голубям. Я в наряде Курносо рассек толпу и потрозил ей серпом. Люди рассмеялись и забросали меня зерном. Мне вдруг показалось, что эта вырванная из вод Венеция задыхается на свежем воздухе, как эти агонизирующие рыбы... Я побежал в сторону Риальто и ни разу не обернулся.

Ты бежала за мной, приподняв полы своего пунцового платья, и кричала вдогонку:

— Кто вы?

— Я? Я Смерть!

Ты расхохоталась, и мы долго плутили по усыпанным водорослями улочкам, держа друг друга за талию.

На берегу Большого Канала рабочие соскребали остатки ила с древнего дворца. Там, где вода нанесла непоправимый ущерб, они клеили громадные фотографии, которые медленно разьест плесень, но пока сверкающие нереальными красками. Иссеченные трещинами дворцы смотрелись в черное зеркало вод.

Тогда ты рассказала мне об одном венецианском художнике, который провел часть жизни, фотографируя свой город, высасывая из него жизненные соки и навсегда замуровывая их в своей камере-обсуре. И утверждала, что только вода станет тем проявителем, который вернет Венеции подлинную красоту.

Мы бродили не останавливаясь, и я вслушивался в твой голос. Ты много говорила тогда, а я, быть может, умел слушать лучше, чем сейчас. Тебе снились сказочные кошмары про Венецию, и ты пересказывала их мне, понижая голос и бро-

сая испуганные взгляды на статуи Дев, настороженно глядящих из ниш в стенах. Ты говорила, что однажды Венеция полностью растворится в море, оставив после себя черный грубый скелет. И тогда люди сломают плотины и позволят течением создать в глубинах новый город, который никому не суждено увидеть.

Мы вернулись в наш плавучий отель лишь на следующий день. Часовня Гетто Нуово с ее выцветшими фресками приютила нас. Твоя слишком светлая кожа сверкала на фоне пурпурных одежд, в спешке сброшенных в алтарь.

Надеюсь, я не шокирую тебя? Все это хранится в моей памяти, и я говорю об этом с тем же темпераментом, что был тогда в нас. Я вижу, ты краснеешь, что раньше было не так уж часто. Почему тебя задевает то, о чем ты не помнишь? А если я лгу?

Полулежа, опираясь на локоть, она улыбалась, устремив взгляд в пустоту. Порыв ветра приподнял ее платье, на мгновение приоткрыв бедра. Он смутился. Их руки на мгновение соприкоснулись, потом она медленно отвела свою руку в сторону.

— Не сейчас. Расскажи мне еще о Венеции...

Несколько дней мы осматривали заброшенные дворцы, плавая на плоту, похищенном у стражей города. Я вонзал весло в мутную воду, и разбегающиеся волны ударились о толстые стены зданий...

Тогда я еще не знал твоего имени. Я узнал его позже, когда кончился карнавал. Наши одеяния к тому времени превратились в лохмотья, и последняя фарандола походила на танец мертвецов, среди которых иногда сверкали костюмы арлекинов, не покидавших гондол.

Наш отель поднял якорь последним. Мы стояли

на палубе, заполненной примолкшими Пьеро, и смотрели, как город вновь уходит под воду. Небо стало фиолетовым. Венеция, казалось, погружалась во влажный футляр, который смыкался над ней, как устрица над своей жемчужиной.

Ты показала мне одинокий огонь, сверкавший в окнах Палаццо Кавалли. Один из бывших нотаблей города, по-видимому, решил уйти под воду вместе с городом, как капитан терпящего бедствие судна. Механический гондольер повернул свое бесстрастное лицо в сторону огонька и снял канотье, а затем опять склонился над веслом... Через несколько минут мы пристали к тверди Лоло.

В поезде, уносившем нас в Рим, мы содрали с себя последние лохмотья праздничества и вновь натянули форму повседневной скукоти. Оказалось, что ты почти целомудренна, и в затворничестве живешь в мансарде. Контраст между холодной записью в твоём удостоверении личности и образом, который я расширял во время скитаний по твоей плоти и по Венеции, заставил меня искать встречи с тобой. Через несколько недель мы уже жили вместе, и конец нашей истории был определен...

Она оценила его молчание после последних слов и кивком поблагодарила за то, что он сохранил в тайне обстоятельства их разрыва.

Он наклонился и поцеловал ее в уголок губ, пробудив от мечтаний. Она повернулась к нему, удивившись, что так близко видит лицо, вчера еще совершенно незнакомое ей. Она больше не была одинокой на узеньком пляже, тянущемся из прошлого в недалеком будущем, которое могла предугадать. Она иснугалась. Повернула голову, и второй поцелуй скользнул по щеке и затерялся в волосах.

— Нет, прошу тебя. Я не хочу.

Сады бурлили вокруг них океаном взбесившихся трав. Они плыли по ним, вцепившись в покрывало, как в спасительный плот.

— Но почему?

— Я не люблю тебя. Нет, не прерывая меня, выслушай. Я не люблю тебя, потому что не могу любить никого. Для этого надо время, а ты знаешь, что бы ни случилось, завтра я все забуду.

Он провел пальцами по ее щеке.

— Я не дам тебе забыть обо мне.

До вечерней зари он поцелуями выводил ее имя на безгрешной коже вновь обретенной любви, а вилла Медичи готовила новую метаморфозу.

Наутро он бежал по аллеям, чтобы встретить ее, но скамья была пуста. Он тешно ждал ее до ночи, приходил сюда и в последующие дни.

Через неделю, в понедельник, он с облегчением увидел ее сидящей на скамье. Она глядела на него своими светлыми глазами, в которых отражалось только вежливое безразличие, и приготовленные им слова умерли у него на устах. Он уселся рядом и молча стал наблюдать, как она прилежно перечитывала первые страницы своей бесконечной книги.

Когда он решился заговорить, уже наступал вечер. Однако он успел узнать, почему она отсутствовала, — ее ответ вызвал у него горькую улыбку. Она протрудилась в обстоятельствах, о которых не помнит, и провалялась в постели до полного выздоровления.

Не в силах сдержать своего разочарования, он

ушел первым. Она осталась сидеть на скамье, чтобы воспользоваться последними прекрасными осенними деньками после долгого затворничества. Она подумала об ушедшем мужчине, сожалела, что они не успели поболтать. Он был привлекателен, хотя выглядел несчастным и к тому же походил на одного из героев романа.

Ему понадобилось целых три дня, чтобы убедить ее в том, что она забыла о проведенном вместе дне. У него всегда была возможность заново завязать знакомство с ней, как и в прошлом, но этого ему было мало. Их история могла продолжаться бесконечно и походила на игру течений, поглотивших Венецию.

В отчаянии он решил возбудить в ней ненависть к себе и преследовал ее, превращаясь в эксгибициониста, ходившего голым в распахнутом пальто. Но на следующий день она с улыбкой встречала его, словно ничего не случилось. В тот день он понял, что завершения их истории не будет, если она не обретет свою память полностью, а следовательно, и сможет вспомнить.

Он снял со своего банковского счета все деньги и одолжил у друзей и знакомых. На это потребовалась неделя. Он тут же связался с Лигой торговцев памятью и утром оказался у входа в их особняк, чтобы выкупить прошлое своей подруги.

Когда он вышел на улицу, по его щекам текли слезы. Драгоценные воспоминания были куплены через неделю после их продажи — это произошло три года назад. Они бесследно растаяли в голове купившего их. Слишком много воды утекло с тех пор, и помочь ему не мог никто.

Он вернулся в сады две недели спустя. За это время он стучался во все двери, прося помощи, но в ответ слышал одни и те же слова. Он ничего не мог сделать — память его подруги была утеряна навсегда. Он вернул занятые деньги и уехал из города, чтобы подумать о дальнейших действиях, а по возвращении с раннего утра отправился в именин Медичи.

Мелкий дождик оживил зелень газонов и последние цветы с осмапавшимися на землю лепестками. Он поднял воротник плаща, чтобы защититься от ветра, и обзавел себя безумцем. Осень кончилась — она больше не вернется. Было слишком холодно, чтобы в неподвижности сидеть на скамье на открытом воздухе. И он на миг ощутил растерянность, заметив ее на поперечной аллее. Он остановился и сделал вид, что выводит свои инициалы на коре дерева, чтобы она успела усесться и вынуть книгу. Потом сел рядом и заново проиграл их первую встречу.

Терпеливо, но несколько раз повторяя нужные фразы, он рассказал ей все. Она слушала с растущим удивлением этого незнакомца, который так много рассказывал о ней и неизвестно почему волновал ее.

Она равнодушно приняла весть об окончательном исчезновении ее воспоминаний.

— Ты знаешь, это не было бы настоящим решением. Я бы разом вернулась на три года назад, и ты бы потерял меня. Теперь мы можем жить вместе и начинать все сначала каждое утро...

— Я думал об этом, но так дело не пойдет. Я не могу жить в твоём ритме. У тебя больше нет прошлого, почти нет будущего, ты узница крохотного островка, к которому никто никогда не пристанет.

Я же плыву по течению, я помню о прошлом, я вспоминаю о будущем, я строю планы и потихоньку отдаляюсь от тебя. Мы не можем вместе стареть, поскольку ты забыла, что такое стареть. А у меня нет сил каждое утро рассказывать тебе об этом.

Она помолчала и прижалась к нему.
— Я принял решение. Я тоже продам часть своих воспоминаний и затем приду к тебе...

Не дав ей времени, чтобы опомниться, он взял из ее рук книгу и открыл ее. Он назначил ей свидание, сделав надписи на шмуцтитуле, на пустых страницах и в начале каждой главы. Он написал закладку сумасшедшими фразами, а поля — обещаниями. Она помогала найти ему нужные слова и писала сама себе письмо об идеальной любви. Когда свободного места не осталось, он наклонился к ней и прошептал:

— Теперь посмотри на меня, всмотришься внимательно. Запомни мои черты. Тем хуже, если ты забудешь их, но можешь сохранить хоть какой след, и ты вспомнишь обо мне.

Зонтичная сосна раскинула над ними свою крону, и они до вечера сидели, прижавшись друг к другу, как два потерпевших кораблекрушение существа.

Ранним утром следующего дня он явился к торговцам памятью и дождался открытия конторы. Ему не составило труда продать свою историю, и он даже позволил себе поторгаться с удивившей его самого отчаянной яростью. Перед тем как поставить свою подпись, он несколько раз перечитал контракт, но не смог запомнить ни одного слова.

Через полтора часа он вышел из здания — его мозг с осторожностью обследовал края кратера в

памяти. Точно так же, выйдя от дантиста, вы ощущаете языком место вырванного зуба. Теперь его мысли то и дело проносились над бездной отсутствующих воспоминаний. Он долго в растерянности стоял на тротуаре, не зная, куда идти. Прохожие бросали на него жалостливые взгляды, но никто не помог ему.

Он прошел несколько шагов и уселся на каменный бортик, чтобы собраться с мыслями. Помемного его охватывало чувство невосполнимой потери. Его затуманенный мозг сиделся отыскать информацию, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, но ключевые детали отсутствовали...

Из кармана торчал конверт. Он вскрыл его, нашел чек на очень крупную сумму — подишь на нем почти точно повторила очертание шрама на виске. Он сунул его в бумажник и машинально побрел в сторону садов Медичи.

Послушные аллеи привели его к скамье, и деревья махали своими голыми ветвями, радуясь его возвращению. Он шел в полной тишине: шум шагов отдавался в пустом мозгу как эхо.

Какая-то незнакомка захлопнула книгу при его приближении и нерешительно качнулась к нему, но, встретив его взгляд, она опустила глаза, боясь, что обозналась. Он пошел дальше, даже не обернувшись, и вышел из сада. Сады с сожалением навсегда стерли его из своей памяти.

Девушка вновь опустила глаза на страницы романа, заполненного рукописными фразами, — ее беспокоило, что она прозвала какое-то важное свидание, о котором ничего не помнила. Она машинально подвинулась, освобождая место на скамье, и выпрямилась. Кто-то все-таки должен прийти...

*Перевод с французского
Аркадия Григорьева*

ЛИРА-90

Виктор Ляпин

* * *

Я тебя встречаю каждый вечер
с молоком наполненным
бидоном.

Дай напиток — я иду
навстречу —
из безумных глаз твоих
бездонных?

Ты на ферме лучшая доярка,
а я кто — шабашник, пришлый
малый.

За коровником в овраге жарком
я подстергу тебя, пожалуй!
Эй, пойдем к запруде метить
раков,
земляничники давить, катаясь?
Про судьбу без знаков зодиака
по горячей коже нагадаю!

Но сегодня сходятся все
числа —
никуда ты не уйдешь, такая!

Ночь в садке забилась и
повисла,
пахнущая свежими стогами!

Эта ночь шальная на Купале
замерла, как жизнь
на середине...
Ты к реке сбежала и пропала —
только платые светится
на глине!

* * *

Покрыто влажное стекло
испаринной, протри —
и нежной
тьмой хлынет ночь, горя светлая,
на подоконник белоснежный.

Не сохнет бархат лип густых.
Утихшего дождя дыханье.
И — земляничин молодых
в душистой чашке колыханье!

Лев Котюков

Грозовые орлы

Затмевая округу,
Как гиганты орлы,

Мчат навстречу друг другу
Грозовые валы.

Всей землей овладела
Тень от яростных крыл,
И лицо потемнело,
Будто жил и не жил.

Опрокинулось лето,
Задрожал окоем.
От ознобного света
Запылила сухозем.

Но, не ведая лиха,
Сбив с ресницы слезу,
Надлетевшие вихри
Удержали грозу.

Разошлись, разминулись
Грозовые валы,
И лучи потянулись
Из клубящейся мглы.

И на миг отдалилась
Роковая черта,
И лицо озарилось
Горькой складкой у рта.

Бьют лучи золотые,
Высыхает слеза,
И орлы грозовые
Смотрят солнцу в глаза.

«Мне нравится наблюдать за тем, как растет дерево»

Марк Шагал

С самого рождения я старался найти хоть какое-то оправдание своему появлению на свет. Я говорил себе: «Когда я смотрю на проходящую мимо меня девушку, возможно, ее образ не оставит меня равнодушным...», — ведь это так прекрасно. Когда же я любовался красотой цветущего дерева или сиянием Луны, то приходил в состояние восторга. С другой стороны, совершенно не представлял, что же мне делать со всеми моими ощущениями. До сей поры некоторые из них продолжают жить во мне с той необычайной яркостью, будто появились они совсем недавно.

В ночь моего рождения случился пожар. Наш квартал сгорел; мою мать и меня, мертворожденного младенца, перевезли на другой конец города. Меня кололи иголками и окунали в ведро с водой — только тогда я закричал. Еще помню корыто, а может, то был рыночный лоток овальной формы, наполненный водой, куда меня опускали.

Учился я плохо; был довольно рассеянным и все, что говорил учитель, пропускал мимо ушей. На уроках в основном занимался тем, что рассматривал различные предметы; меня интересовала их форма, через «физическую» форму вещей ощущал их «химическую» сущность. Так, например, я мог смотреть на учителя, видеть, как он говорит, не понимая: то, что он объяснял, проходило мимо меня! Я видел лицо учителя, его глаза; они то начинали блеснуть, то вдруг ярко загорались: ведь перед ним сидел ученик, который его совершенно не слышал. Но, почему его глаза становились такими большими и круглыми, не понимал. Нет, мне это было непонятно. Я смотрел на предметы, пытаясь разглядеть,

если хотите, их «химический» состав, но не внутреннюю сторону.

Нас, детей, в семье было девять, а месячный заработок отца составлял двадцать рублей. Представьте себе бородача, каких флорентийские мастера изображали на своих полотнах, с кожей цвета охры, изборожденной вдоль и поперек морщинами. Это и будет мой отец. На протяжении тридцати двух лет жизни он проработал обыкновенным грузчиком и занимался тем, что таскал на своем горбу бочки с селедкой. Его одежда, насквозь пропитанная рассолом, лоснилась, а руки были обморо-

жены. В его глазах отражалась нежная душа, грусть и какая-то тоска. Когда я смотрел на отца, то не мог даже себе представить, что и мне предстоит стать таким же изможденным, как он. В то время мне нравилось быть молодым и я верил, что смогу навсегда остаться юношей.

Всякий раз, видя, как по вечерам мой отец, приходя после работы, падал от усталости и тут же засыпал, а рядом резвились мы, его дети, я говорил себе: «Какой же он все-таки несчастный, мой отец! Никогда не попрошу у него ни рубля, ведь деньги, которые он зарабатывает, достаются так тяжело. Нет, никогда и ничего не стану просить у него!»

Мне всегда доставляло радость любоваться лицом матери... Я радовался, когда разгуливал по улицам моего родного Витебска, когда смотрел в небо, такое прекрасное, светлое и голубое. В ту пору я был совсем еще ребенком и ни с кем не мог поделиться своей радостью. Правда, став постарше, начал подражать другим, стараясь быть таким же, как все.

Закон божий я изучил у одного раввина. Однажды меня укусил его пес, старый и злоющий.

Марк Шагал. «Дом на окраине», 1914—1915 гг.

Пса этого убили, а меня отправили в Петербург в больницу. Вскоре я поправился, но от страха стал заикаться. В школе я учился ужасно плохо, я был заикой и боялся своих сверстников, не мог как следует пересказать выученный урок, а когда поднимался с места и ощущал на себе взгляды сорока учеников, мне становилось страшно. Мои товарищи были сильнее меня — могли позволить себе все что угодно и часто просто издевались надо мной. Один из них всегда больно щелкал меня по голове... Да и вообще этот мальчишка вел себя довольно надменно. Но однажды он показал мне свой рисунок, сделанный на шелковой бумаге; он срисовал его из «Нивы». Рисунок этот

Марк Шагал, «Автопортрет с улыбкой», 1927 г.

представлял собой сплошные черные и белые штрихи. Я спросил его, как ему удалось это сделать, где он этому научился. В ответ он признался, что просто-напросто его срисовал.

После этого я отправился в библиотеку и принялся срисовывать портрет композитора Рубинштейна. Тогда я сказал себе: «Ничего не поделаешь, остается лишь срисовывать то, что уже кем-то было нарисовано». И я начал срисовывать. Я срисовывал абсолютно все картинки, попадавшиеся мне на глаза. Оставаясь один на один с рисунком, ясно представляя, что мне

нужно было делать. Все казалось таким простым. Но мне хотелось найти свои собственные средства выражения. Все рисунки я развесил на стенах комнаты, хотя это было небезопасно, так как мои братья и сестры старались сорвать и порвать их.

Как-то раз ко мне зашел приятель и сказал: «Да ведь ты настоящий художник!» Когда он произнес слово «художник», я сказал себе: «Конечно, художник — не грузчик. Вот так профессия! Пожалуй, художник мне подходит. Когда вырасту, то буду заниматься настоящим делом».

Слово «художник» глубоко запало мне в душу. Художник... Помню, видел я как-то в нашем городе объявление, напоминавшее лавочную вывеску: «Школа живописи и рисования художника Пена». Тогда я сказал себе: «Для того чтобы стать профессиональным художником, нужен диплом. Во всяком случае, этого потребует моя мать». Я принялся, как только мог, уговаривать мою мать, чтобы она повлияла на отца и тот дал бы мне денег на обучение. «Необходимо, чтобы господин Пен определил, есть ли у тебя способности к рисованию», — сказала мать. Отец швырнул нам с матерью пятирублевик, месячную плату за обучение, и мы пошли к господину Пену.

Когда мы вошли в школу, моя мать была потрясена, а я — опьянен запахом, исходившим от картин. В доме походу висели портреты... обнаженных женщин и генералов... От пола и до самого потолка. Мать сказала мне: «Мой мальчик, ты никогда не сможешь так рисовать». А я вслед за ней повторил: «Не смогу никогда...» Некоторое время мы ждали мастера. Но вот тот вскоре пришел и принялся рассматривать мои рисунки. Его лицо обрамляла светлая борода. Сначала он выслушала мать. Та ему объяснила, что я хочу стать художником и что я сумасшедший. Затем он произнес: «Да, в этом что-то есть... Мальчик, несомненно, способный...» Но я тут же ему возразил, потому что понял, что никогда не буду рисовать так, как Пен. Никогда. Тем не менее я остался и

просия в его доме около двух месяцев...

В 17 лет я оставил школу, и меня определили ретушером к одному фотографу. Но эта работа мне была не по душе. И вот однажды отец у одного своего знакомого торговца раздобыл для меня удостоверение, согласно которому я отправлялся в Санкт-Петербург закупать товары: ведь я еврей, а евреи не имели права свободного передвижения.

По приезде в Санкт-Петербург я сразу отправился сдавать экзамены в Художественно-ремесленное училище и провалялся: моя теоретическая подготов-

ка была слабой. Тогда поступил, но уже без экзаменов, в школу Общества покровителей искусств. Мне выделили стипендию — 10 рублей в месяц, и я получал ее в течение года. Я также нанялся слугой к одному адвокату. Но денег, чтобы снимать комнату, у меня все равно не хватало, и свою койку мне пришлось делить с одним рабочим... Утешение находил только в мечтах. Мечтая, я как бы переносился в рай.

Как-то раз я возвращался в Петербург, и у меня не было при-

себе пропуска. Меня арестовали, облачили в арестантскую одежду и отправили в тюрьму. Но и там я не переставал мечтать. Повод для этого находил во всем...

В школе Общества покровителей искусств я потерял два года, так и не получив от занятий никакого удовлетворения... Не знаю, то ли краски выбрали меня, то ли я выбрал краски. Могу сказать только одно: со свежестью красок я сроднился с самого детства. А знания, приобретенные мною за время учебы в этой школе, казались скудными.

В 1910 году я узнал про школу Бакста; обучение в ней стоило тридцать рублей в месяц. От Бакста веяло Европой. Бакст, особенно для меня, был человеком, некогда побывавшим в Париже. А Париж — это свежесть и солнечный свет...

И вот я стал одним из его учеников. Вместе со мной учились графиня Толстая и танцор Нижинский. В школе Бакста я впервые познакомился с репродукциями картин фовистов, эскизами Ван Гога и Сезанна. Там-то и родилось у меня страстное желание во что бы то ни стало бывать в Париже.

Я не большой охотник до путешествий: в основном путешествует мое воображение... У меня нет необходимости путешествовать. Я предпочитаю вообще никуда не выезжать. Но, к сожалению, у современников я не находил тех живых и свежих красок, которые ощущал, всматриваясь в небесную синеву, а для меня и моего искусства они были необходимы. Париж виделся мне как красочный, наполненный светом город-мираж; казалось, такого света нет ни в Финляндии, ни в Германии, ни в Турции. Зато в Париже, думал я, он должен быть непременно. Париж! Красочный, купающийся в лучах яркого света город... Свободный Париж!

О своем желании отправиться в Париж я сказал Баксту. Как раз в то время он сам собирался ехать во Францию и искал себе в помощники декоратора. Я предложил ему свои услуги, но тщетно. Тогда меня представили господину Виванеру, депута-

Марк Шагал. Лист из серии «Владимир Маяковский», 1963 г.

ту Думы. Мои работы его заинтересовали, и он отвел для меня небольшую комнату в редакции газеты «Рассвет», издателем которой являлся. В этой комнате хранились архивы; там, среди газетных кип, я оборудовал мастерскую. Виванер даже пригласил меня к себе отобедать. В том же 1910 году он выделил мне ежемесячную денежную дотацию — с такими деньгами можно отправляться в Париж.

И вот спустя четыре дня я приехал в Париж. Вышел из поезда на Северном вокзале и тут же был ослеплен ярким светом. На перроне меня уже поджидал приятель. Это был славный юноша. Еще в Санкт-Петербурге он брал у меня уроки рисования. Однако его душевное состояние меня поразило: теперь он расуждал как экзистенциалист!

«Нам здесь совершенно нечего делать», — такими словами он встретил меня. — Все уже давно сказано. Давай вернемся». Но я пребываю в состоянии какого-то экстаза от всего, что мне бросилось в глаза, едва сошел с поезда: множество небольших кафе, яркий свет, многолюдная толпа. При виде всего этого мне задышалось свободно. Я был ослеплен и поражен еще до того, как состоялся мое первое знакомство с произведениями французских художников. Мы зашли в кафе, и мой приятель попросил у меня взаимы пять франков; всю дорогу он пытался вывести меня из состояния экзальтации, но я лишь смеялся ему в ответ. Затем мы отправились в небольшую отель на площадь Одеон, где он остановился. Свою первую ночь в Париже мне пришлось провести на полу. Но все равно я был восхищен...

Прежде всего я хотел посетить Салон «независимых», и утром мы отправились туда. Приятель сказал мне: «Для тебя это будет утомительно. Этот салон — ужасное место». Но я устремился сразу к центральному залам. Я не шел, а бежал. Я искал, искал что-то свежее... И наконец нашел то, что искал. С того момента я был в буквальном смысле заражен свежестью!

Вот так это произошло. А все остальное было очень просто: поселился в «Рюш», в одной из

художественных мастерских. Там же неподалеку располагались скотобойни Ванжирара.

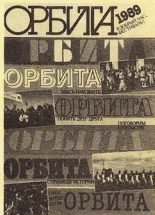
Однажды я пошел посмотреть балет Дягилева и в театре встретился с Бакстом и Нижинским. После балета Бакст зашел ко мне в студию. Прощаясь со мной, он сказал мне: «Теперь ваши краски поют». Думаю, тогда он понял, что я стал настоящим Художником. Затем как-то раз ко мне зашел Аполлинер. Посмотрев мои работы, он признался: «Это фантастика!»

Я не люблю слово «вдохновение». В свое время Чехов, когда я спросил его, как он начинает писать, ответил мне: «Вы видите перед собой стол, на столе — чернильницу. Вы берете перо и начинаете работать». Я работаю. Но я не ремесленник, и мою работу нельзя назвать ремеслом. Если вам от ваших древних предков досталось в наследство то, что принято называть словом «дар», вы начинаете работать. Но при этом ваше воображение не станет богаче, чем оно есть на самом деле: вы не научитесь полнее ощущать цветовую гамму и поэзию живописи, ибо вы имеете только то, что в вас заложено изначально.

...Мне нравится наблюдать за тем, как растет дерево... Простое, обыкновенное дерево. Я люблю мысленно представлять себе, как оно начинает цвести. Жизнь не стоит на месте. На свет появляются новые Шагалы: они будут жить всегда. Будут в живописи свежесть, чистая музыка и светлая поэзия. Все это обязательно будет, несмотря на беды, потрясающие мир. Всегда будут рождаться дети, влюбленные в свежесть и чистоту, несмотря на потемки человеческих душ. Всегда будут жить художники, черпающие свое вдохновение в свете.

*Перевод с французского
Игоря Алчеева*

ОРИЕНТИР

Орбита. Международная молодежная панорама. М., Мол. гвардия, 1989. — 222 с.

Наверное, все уже заметили, что в последнее время издательство предоставляет нам более широкий выбор книг. Не отстает в этом, а порой и опережает «Молодая гвардия». Одно из доказательств — появление нового сериала — ежегодника «Орбита». Теперь у вас есть еще одна возможность лучше узнать тот круг вопросов, который интересует сегодня молодежь в Советском Союзе и во всем мире. Материалы сборника рассказывают о поиске молодежи своего места в обществе. Об ее участии в политической жизни различных стран и континентов, о молодежных союзах и объединениях, их прошлом и настоящем, о разнообразных культурных и идеальных течениях, популярных в молодежной среде.

Игорь Тарасевич

ШТИЛЬ

ДЛЯ ГОСТЕЙ

Рассказ

Попал я случайно в светское общество, встретив на вокзале давнего знакомого — ни имени не помнил его, ни где познакомился. Только обрывки каких-то картин в памяти: вечерний костер на берегу реки, промокшие кеды, настойчивый, застревающий в затылке голос — рыбы для уха мало, мало, ничего не получится, не получится. Или пансионат, что ли, дом отдыха, полдник с печеньем, ночь черт-те с чем, утро с красными от утомления глазами, сама собою падающая голова. Банальные, в общем, картины. «Знакоменный», говорит в таких случаях жена. А он-то радостно бросился ко мне, сообщая текущему в горло метрополитена людскому потоку испаряющееся бурное движение. Я обрадовался тоже. Подвело естественное человеческое чувство — ответить на улыбку улыбкой. Да и только что я сидел в углу на неубранной полке, а сосед, черный симпатичный молдаванин, раздвигая улыбой и без того широкое лицо, несколько часов расспрашивал меня, правда ли, что Алла Пугачева вышла замуж за Валерия Леонтьева, никак не желая верить ни моему незнанию, ни моим сомнениям в возможности такого брака.

— Да нет, вы шутите, — все повторял молдаванин, окружая живые карие глаза и улыбаясь, — не может быть!

Вышел я на перрон с нескрываемым удовольствием. Над размягшим на жаре асфальтом поднимался и плавал в воздухе пропитый солнцем нефтяной парок, витал меж охваченными горячей приезда телами. Мне же чувство возвращения всегда придавало ни с чем не сравнимую легкость, радость, я сам был готов, словно невесомый парок, взлететь — невысоко, хоть метра на два над толпой, парить, раскинув крыла и улыбаясь.

Тут-то меня, как птицу на лету, и сбило приглашение на праздник дня рождения.

Вообще-то я люблю бывать в гостях. Люблю новых людей. И мне кажется, что я их наблюдаю, изучаю, хотя на самом деле всегда просто поедая весь салат, прошу заварки покрепче и, если случаются барышни, бесстыдно гадаю им по руке, очаянно завираясь и фантазируя, поскольку в деле

этом ни уха ни рыла не смыслу. Любимое развлечение. На физиономии-то и так все написано, гадать не надо.

Ниче я был свободен, жена сидела, я знал, на даче, однако же прямо с поезда на бал попадать не хотелось — три дня командировки и сутки дороги не мылся, был грязен, и бьющие по плечам тугие струи душа, казалось, стояли перед глазами. Надо было сполоснуться.

— Да постой! — Я вдруг понял, что происходит. — Подожди, э... — Мне почему-то хотелось назвать его Леонидом, но я сомневался, боясь промахнуться, вышла бы неловкость. — Постой, прямо сразу, сейчас?

Он замахал руками, заговорил, обрывки тех же непроявленных воспоминаний всплыли и затрепетали под темечком — где же я с ним познакомился, мать честная?

— Конечно, конечно, — говорил он, — ничего, ничего!

Поезд опоздал, и Леонид опаздывал к празднованию собственного тридцатипятилетия, на которое заранее были приглашены гости.

— Ну, поедем, что ж делать.

«А! Какая, в конце концов, разница? — Я решил. — Развеюсь!» У меня, надо сказать, вообще привычка ничего не просить, но соглашаться на все, что мне предлагают. Не раз уже эта привычка меня подводила.

— Дома горячая вода есть? — твердо спросил я. — Не отключили на ремонт какой?

— Не должны-ы, — он оторопело откинулся.

Я купил в вокзальном ресторане бутылку коньяку, отводя руки хватавшего меня за локти новоржденного. В такси вдруг понял, почему мне хотелось, чтобы он был Леонидом. Густые его брови, черные гляцевые волосы над прямым лбом и увеличенное расстояние между верхней губой и большим твердым носом, что, говорят, свидетельствует об упрямстве и ограниченности — все складывалось в стандартный образ кинематографического римлянина, и я по извращенной ассоциации вспомнил старинный американский, кажется, фильм с

царе Леониде, защитнике Фермопил, который, ясное дело, никаким римлянином не был, а был самым настоящим греком, но это сути не меняло — отстраненность и туповатое несколько величие сквозили в чертах «знакомого», удивительно соединяясь с его светливостью и маханием рук. Лицо, схожее с лицом актера, игравшего Леонида, неподвижно несло к предстоящему торжеству застоя, ласкаемое мягкими тенями, выделяясь на фоне быстро сменяемых за стеклом панорам летней Москвы.

Путник, во Спарту пришедши, о нас возвести ты народу,

Что, исполняя закон, здесь мы костями полегли. Эпитафия Леонида, один из наиболее древних дошедших до нас стихотворных текстов, сидела в горуле с первого курса. Вместо «костями» мысленно прозвучало «гостями». Ассонанс родился кстати — ехать в гости уже расхотелось. Я удивлялся себе самому: куда я попер, к кому? Вымыться бы да спать лечь.

Однако один гость уже топтался у подъезда, когда мы подкатили. Слава богу, он сразу же назвал моего знаконца по имени — Саша. Я испытал чувство облегчения, словно то действие, ради которого я приехал, уже свершилось, и можно было отправляться домой. Оставалось только найти предлог и повод, выбрать момент. Вполне понятная дорожная усталость требовала покоя для души и тела.

Однако же и гость тоже оказался «знакомячим». Его с первого взгляда открытая, но на самом деле хитрая физиономия кудряво-волосого рубахипарня наверняка выделяла мне не в первый раз. И он тоже оказался Сашей. Сначала я несколько обалдел от такого напряжения, потом решил, что никакой мистики нет, что, видимо, я с этим Сашей спознался там же, где и с первым, но потом решил, что второго я знаю лучше и видел не один раз. Мысленно я захихикал, но быстро сник: неясные ситуации должны разрешаться неприятностями. Я же люблю приключения, но — с благополучным концом. Простительная слабость!

А второй Саша уже рассказывал о своей поездке в Америку. Я не успел заметить, как там они свернули на Америку, почему. В этой Америке, в каком-то городишке с окончанием на «тоне» — Облтоне или, может, даже вовсе Районлтоне, но имеющем университет — второй Саша познакомился с агентом ФБР. Прекрасное знакомство возникло, оказывается, не случайно.

— Почему с ФБР-то?

— Ну, он курировал всю нашу делегацию.

— А... Ну-ну-ну?

Так вот, сей куратор рассказал ему, второму Саше, как на время их приезда ему, агенту, поручили охранять шпиль местного университета.

— Как это?

— Очень просто, — добрая, снисходительная улыбка над отлично сшитой тройкой, элегантный щелчок по сигарете, легкая, но приличная поза. — Не куришь? Правильно.

Гаупо, но тут я вытянул ноги в потрепанных джинсах из-под кресла, в котором сидел, и раскинул их по грубому ворсу какой-то синтетической подушки. Он отреагировал на мое мальчишеское самоутверждение быстрым, почти незаметно скользящим взглядом.

Так вот, мэр Облтоне или Районлтоне очень опа-

саял, не навесит ли гости какой-либо лозунг на университетский шпиль. Или, быть может, звезду. Или еще там что. И тем введут в соблазн вольнолюбивых, демократически настроенных студентов.

— А вообще-то принимали очень хорошо, но куратор от мэрии постоянно, — рассказывал второй Саша, — поглядывал на шпиль, даже через плечо каждую минуту оборачивался. И потом, когда его наконец спросили, в чем дело, признался в своей миссии. Тут я вспомнил, что во время войны летчик-истребитель должен был через каждые сорок секунд оборачиваться — проверить, не зашел ли ему в хвост самолет противника. Радаров-то тогда еще не придумали. И, кажется, существовала у летчиков примета, что если кто начинает рефлекторно оглядываться не в воздухе, а на земле — того собьет скоро. Действительно: перестраховка — эквивалент поражения, симптом слабости.

— Во дурачки эти мэр с агентом ФБР, — проследуши брякну я, — тут один шаг до шизофрении.

— Не скажи, — второй Саша тонко улыбнулся, словно ему были открыты какие-то особые, закрытые для меня знания, какое-то особое, не всем доступное понимание. Впрочем, возможно, так и на самом деле. Ведь Саша ездил за границу, следовательно, допущен и посвящен. Мне стало скучно. Меня за границу не тянет, и не интересна мне никакая заграница.

А он все рассказывал о приемах, обедах, посещениях; становилось не совсем понятным, чем, собственно, он занимался там, в Америке, зачем туда ездил. Зачем? Я вновь попытался припомнить, где видел Сашу. Телевизионный диктор, что ли? Известный спортсмен? Шикарен, вальяжен, демократичен был новый-старый мой «знакомячий». Кто знает, может, я уже находился на каком-то рауте, где надо соответственно себя вести, говорить о чем-то таком, светско-дипломатическом? Я же для светских бесед потерял, увы, навсегда — подкачал воспитание. Я рос в простой, трудовой профессорской семье.

А Саша не диктор, нет. Он работает членом делегации, он может быть членом любой делегации — и любой, я полагаю, страны. Вот почему его витринная физия казалась такой знакомой. Да, я знаю этих людей. Главное — нельзя доверять их открытым лицам.

Я встал и пошел на кухню, где хозяйки торпливо нарезал буженину. Он только что вылез из ванной, на верхней губе у него остались невытертые маляльки, дрожащие в такт движениям капли влаги.

Завбу о своих глубокомысленных выводах, я испытал мгновенное чувство зависти — остро захотелось вымыться. Бывает же, что остро хочется не есть да пить, не стаскивать одежду с женщины, а вот просто вымыться, помыться. Мне казалось, что от этих рассказов про встречи с агентами ФБР я покрывался еще одним слоем пыли. Хотел ведь вымыться, как только войду в квартиру! Заслушался, лентяух!

— Саша, я сплоснусь, а? — стесненно спросил я. — У меня есть полотенце. Быстренько? Пока гостей нет? А?

Словно не слыша о просьбе, он снова — первый-то раз еще в такси — начал говорить о своих гостях, будто меню предо мной перелистывал. Я топтался перед ним и жался телом — казалось, уж

свербило, как отвшей. А он-то, похоже, коллекционировал приятелей, знакомцев, «знакоменьких» — их достоинства перечислялись с сообщением ряда интимных подробностей биографий, служебных положений — все профессии оказались престижными, а интимные подробности — приятными. Первый Саша, выходит, тоже был посвящен. Он важно поднимая свои брови. Я посмотрел на часы, готовясь произнести слова извинений и прощания, оба приятеля мне порядком уже поднадоели, но вместо этого почему-то тихонько спросил:

— А Саша-то — кто по профессии?

— Саша?

Он, улыбаясь, поднял голову от стола, но не ответил. Второй Саша вошел в кухню тоже и успел сделать останавливающий жест ладонью. Затем он дружески обнял меня за плечи.

— Ты, старик, неправильно понимаешь ситуацию, — он даже прижал меня к себе и отпустил. — Гости разные бывают. Мало ли чего от них можно ожидать! — Глаза его — я поразился — глядели с жестким прищуром подозрительности. Думаю, так глядел его американский приятель, приставленный к шпилю. Стало неприятно. Широкий рот второго Саши попола в сторону.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, чувствуя назревание какого-то неясного конфликта.

— Что имею, то и введу! — Он грубо захохотал, снова прижал меня к своему гастрку и легонько подтолкнул: иди, мол, ладно. — Вот ты вот, скажем... Что смотришь? От тебя всего можно ожидать.

Я вытаращился. А он смотрел теперь с настоящей злобой.

— Вишь ты какой: пришел к друзьям, а глядишь этак, прямо в нутро нам вкручиваешься, думаешь, я не вижу, что ты про себя там... У тебя на физиономии все написано!

— У меня?!

Тут я подумал, не донбнуть ли этого члена делегации в лоб. Мучительно не хотелось скандала. Однако шпиль был уже вставлен. В отличие от второго Саши, находившего удовольствие в том, что его персоне придается неослабное внимание, я не люблю, когда меня в чем-то подозревают. Мой светский визави тоже, кажется, был готов к спаррингу.

— Саша, подожди, что ты! — первый Саша бросился между нами, все еще держа в руке нож. Я инстинктивно отстранился от ножа, секунду помедлил и, снова удивляясь самому себе, как это я попал к таким дуракам, шагнул в сторону.

— Ну-с, ладно. С днем рождения. Я пошел. А ты води холодной водой.

— Подожди! — первый Саша бросился ко мне в узком коридоре и загородил его, растопырив руки, словно Леонид — Фермопольское ущелье. — Подожди! — На верхней губе у него опять проявились капельки, теперь нервного пота. — Я прошу: не обижайся! Подожди! — закричал он. — Сейчас! Саша!

Он увлек его в комнату и, слышно, зашашукал. — Ну?! — раздался удивленный возглас. — Да нет... — И снова: — Шу-шу-шу-шу...

Я все возился с непонятным замком, когда они оба выскочили в коридор.

— Это правда? — оба дышали тяжело, как загнанные.

— Действительно ты женат на дочери... — прозвучала одна из известных в стране государственных фамилий, и я понял причину странного вокзального приглашения. Я улыбнулся — тонко, с тайным пониманием, как улыбались они сами. Такая непосредственность просто очаровывала. Демон сомнения еще метался в их глазах. Светскость слетела с обоих, словно шелуха, и обнажила ясные, как пареная репа, рожки прохиндеев.

— Да нет, не может быть. Ты шутишь! Я всех дочек знаю!

Второй Саша посерел, первый — покраснел. Где же, на самом-то деле, я с ним познакомился? И, хотя мне скрывать нечего, что ему про меня известно? Кого он собирался угощать моим присутствием? Что говорить обо мне?

Песчаная дорожка у дома, обсаженная шиповником, тянулась метров на двести в одну сторону и метров на двести — в другую. По легкой дорожке был раскинут кружевной невод теней. Тени казались негустыми, как полагалось в августе, а тоже легкими, свободными, но идти по ним в открытую даль не хотелось — такими приманивающими, завлекающими, в доску своими казались они. Я стоял у подъезда, вновь испытывая радость возвращения, но уже не доверяя ей. Шпиль еще торчал во мне. Его надо было выдернуть, как занозу. Нельзя жить со шпилем.

«А сам-то хорош, — еще подумал я. — Поехал наблюдать индивидуальности. И напоролся. Хорошо, еще по руке не погадал. У них своя жизнь. Будем справедливыми, у них своя жизнь».

Ну так и что? Кто тут может сейчас, прямо сейчас за какие-то чужие заслуги пригласить нас в гости? И смотреть, не навесим ли мы что-нибудь, куда-нибудь — туда, куда не надо. Не вставим ли чего-нибудь.

«А я сам? — снова подумалось мне. — Я-то сам уже со шпилем приехал. Нет, братцы, нельзя так в гости ходить. И я не буду больше».

Красивые женщины, чьи-то дочки, такие чистенькие, веселые, прошли мимо меня, сильные мужчины, представительные, в прекрасных светлых костюмах, резко ставили свои машины к бортику, изгибно наклоняясь, хлопали дверцами, щелкали ключами. Все гости знали друг друга. С моей радостью я узнавал их тоже и, узнавая, забывал, отбрасывая от сердца. Так в сказке — достаточно узнать, назвать по имени злое волшебство, как темные чары рассеиваются, стены опадают, солнечная, без теней, дорога открывается взгляду, поезд, устало скрепя цепями, подходит к перрону, из всех дверей разом вываливаются совершенно незнакомые люди, гости столицы, растерянно улыбаясь и пересчитывая детей, медленно двигаются к зданию вокзала, а вернувшиеся москвичи толкают их, задевают плечами, устремляясь в страшный зев сияющей подземки. Я приезжаю, я возвращаюсь, я люблю Москву, лету, соскучившемуся дому, синему горячему небу. Больше ничего от меня не надо ожидать.

Сергей Литвинов
Письмо в Гаагу

Рослий волоокий Вадик Шевцов приволокнудся за одной голландкой. Мало того: она сделала ему предложение, и он возьми да женись. Мы все, конечно, позубоскаляли, позавидовали, поахали, а она взяла его и увезла в свою Голландию.

Ну, мы про это потихоньку забыли, только неделю назад приходит от Вадьки письмо. Марка, голубой конверт, штемпель. Оттуда.

И пишет он про свой домик трехэтажный, и что были трудности с языком, и что пришлось осваивать компьютер, и про свою «тоёту», и «вольво» жены, и про видеомагнитофон, и про отпуск на Багамах...

Отвечать надо. А что ответить?

А потом меня осенило.

«Дорогой Вадик, — писал я, — вчера мы с Мариком Шварцманом (ты его, конечно, помнишь) заняли свои места у голубого экрана. На 18-й минуте Бубнов сделал замечательный рывок по правому флангу и выложил как на блюдечке Черенкову. Тот как вмазал — и мимо! Марик даже сказал слова, от которых ты там, поди, отучился. Мы с горя откупорили по первой холодного «Жигулевского». А закусь, скажу тебе, была класс! Марикку прислали из Одессы вяленую ставридку, у меня лещ был, еще мы яичек вкрутую наварили, в соль макали, и бородинский хлеб с корейкой. А своих я в зоопарк усла. А на 25-й минуте Шмаров откинул мяч пяткой все тому же Черенкову, и тот послал снаряд мимо зазевавшегося вратаря гостей. Ну, на радостях вдарили мы по второй. Лещ — обедение, жирный, собака, и ставридка тоже ничего, правда, суховатая. А яички с солью!

После матча (2:0 в нашу пользу) пиво показалось нам еще лучше. Все-таки наши ваших на чемпионате мира сделают, помни мои слова. До свиданья, твоя Слава».

...В далекой Гааге, на роскошной двуспальной кровати, рядом с персональным компьютером и видеомагнитофоном, не спал человек. Он перечитывал письмо, стискивал кулаки и плакал.

Лев Лайнер
Кровь

Молодой инженер Кутиков порезал палец. У Кутикова пошла кровь. Он вздрагивал и смотрел, как она идет. Кутиков думал: «Как же так? Что же делать?» И он продолжал вздрагивать и смотреть.

«Что же делать?» — подумал Кутиков во второй раз. И в третий раз он подумал то же самое.

«Как же так? — думал Кутиков. — Никогда за свою жизнь я ничего не резал. И вдруг такое... Такое. Кто бы мог подумать. Да что я, граф, что ли!»

«Что же делать?» — подумал Кутиков в четвертый раз. К врачу обратиться стыдно и боязно. Коллегам показать, как у него идет кровь? Так они просто-напросто засмеют.

В конце концов Кутиков собрал волю в кулак и помазал руку йодом. А потом завязал палец бинтом. Он завязал палец бинтом и так ходил три дня. Думал, что ранка заживет. Он думал, что ранка заживет, и все просматривал на бинт. Не просочилась ли кровь? Слава богу, не просочилась.

Когда у Кутикова спрашивали (жена, сын, двоюродный брат по материнской линии): «Ты что — палец порезал?», он отвечал: «Да так, ничего».

Я подхожу к кульминации рассказа: на четвертый день Кутиков снял повязку. Он снял повязку и с радостью удостоверился, что кровь больше не идет. А запекушую кровь он осторожно смыл в ванной, предвительно закрывшись на крючок.

В тот день (четвертый) впер-

вые, в отличие от трех предыдущих страшных дней, Кутиков спокойно заснул. Перед засыпанием он дал себе страшную клятву, что никогда не порежет ни палец, ни какую-нибудь другую часть тела. Никогда в жизни! «Все, basta!» — сказал он сам себе.

Вот, собственно, и все. Да, забыла сказать, что кровь-то у Кутикова, когда он порезал палец, пошла голубая. Голубая, голубая, не бывает голубей...

Владимир Туровский
Телефон доверия

Звонок.

Первая. Первая. «Телефон доверия» слушает вас.

Он. Девушка, милая! Я больше не хочу жить! Она не любит меня! О!

Первая. Не волнуйтесь. Повторите, пожалуйста, я не расслышала.

Он. Жить больше не хочу! О-О!

Первая. Так, понятно. Жить не хочет. Соединяю. (Щелчок.)

Вторая. Вторая. «Телефон доверия». Отдел самоубийств. Говорите.

Он. Э-Э...

Вторая. Говорите.

Он. Я... Она... меня не любит.

Вторая. Говорите по существу.

Он. Не понял.

Вторая. Вы собираетесь вешаться или топиться?

Он. Я вообще-то не собираюсь... Пока.

Вторая. А в чем дело? Вам что-то мешает?

Он. Она меня не любит.

Вторая. Извините. Вас неправильно соединили. (Щелчок.)

Третья. Третья. «Телефон доверия» на проводе. Отдел коммунистического воспитания и морали.

Он. О, господи!
Третья. Простите, повторите.
Он. Нет, ничего.
Третья. У вас возникли неприятности в личной или общественной жизни?

Он. Да нет...
Третья. Чистая дружба не переросла в плодотворное сотрудничество?

Он. У меня все в порядке.
Третья. Ясно. (Щелчок.)
Первая. Ну как, все уладилось?

Он. Да.
Первая. Вот и отлично! «Телефон доверия» всегда к вашим услугам. До свидания. (Короткие гудки.)

МИНИАТЮРЫ

Представляем московский клуб афористики

Как легко разучиться думать, когда можно говорить все!

Чтобы стать оптимистом, достаточно рост трудностей принимать за трудности роста.

Иных устраивает грохот эпохи: не слышно ни голоса совести, ни крика души.

Дважды герой нашего времени. Сколько сухостоя в ином лесе рук!

Вниманию подписчиков: открыта подписка о невыезде!

Жизнь — это сплошная очередь: за каждым кто-то стоит.
Владимир Колечицкий

Снимите заборы — исчезнут лазейки.

Не пора ли на атеизме поставить крест?

Сергей Попов

Если не прервать монолог, диалог не начнется.

Наказ избирателя: «Не размещайте свое лицо на портреты!»

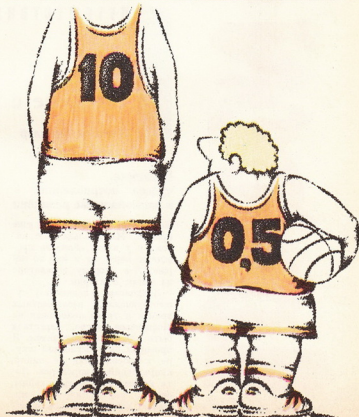
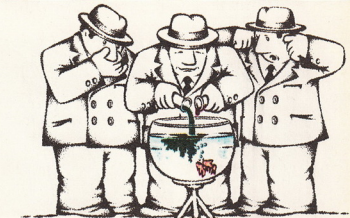
Борис Лесняк

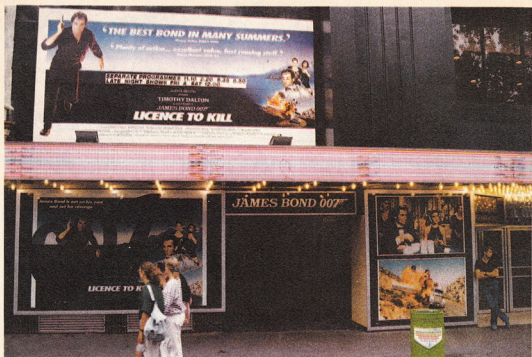
Перестройка почувствуется тогда, когда умный пойдет в гору.

Даже белые пятна делают историю запятнанной.

Уроки демократии должны заканчиваться переменами.

Анатолий Брейтер

ПУТЕШЕСТВИЯ

Наедине с Лондоном

Алексей Вейцлер

Подземка, чудеса потребления и национальные реликвии

Несколько дней, а я уже привык. Машинально даю автомату у входа облизать проездную карточку и иду по коридору в сторону эскалатора на линию Виктории.

Лондонская «подземка», существующая с незапамятных времен и такая непохожая на Московское метро, перестала быть для меня лабиринтом. Я проверил на собственной шкуре хитросплетения ее линий, направлений и коридоров. Хотя не разгадал магии, тайны, особого психологического эффекта, замешенного на замк-

нутости пространства, и бесконечности, и на том абсолютном одиночестве, которого можно достичь только в толпе.

Это состояние, похожее для всех метро мира, здесь, в Лондоне, имеет еще какую-то грань, вымоценную кафельными плитками с разноцветными профилями Шерлока Холмса, как на станции «Бейкер-стрит», или звенящую струнами электрогитары, на которой играет бог знает откуда взявшийся в этом длинном переходе джинсовый малый. Он стоит рядом со звуковой колонкой, а у щегольских сапог с чеканными носами и шпорами виднеется шляпа, наполненная медяками. Старый блвз «Роллинг

Окончание. Начало в № 1

Стоунз» напоминает о Москве, о том, что в эти минуты где-то, в несбыточном далеке, по Садовой текут машины и ветер рвет шевелюры деревьев на Пушкинской площади... Иду по замусоренной платформе под огромными плакатами реклам — и отчетливо понимаю, что слишком сентиментален для того, чтобы стать эмигрантом...

В вагоне разглядываю все, что успели всучить по дороге уличные зазывалы — бойкие ребята, орудующие на перекрестках и углах. Достая из карманов куртки ворох яркой макулатуры: настоящие приглашения на распродажи, на курсы по интересам, презентационный номер нового религиозного журнала, обзорный буклет голландской сантехники, визитку дамы легкого поведения, приглашение в китайский ресторан, призыв строить на улицах баррикады против коррупции и мешанства (этот листок мне навязал раскрасневшийся юноша с серпом и молотом в петлице. «Приходите на митинг, — успел сказать он, — и вы очистесь от сна!»). А вот серебристый фигурный билет «Эмпир» — танцы и приключения! «Дискоотека, дискоотека, дискоотека!» — написано на нем крупно, и ниже, помельче: «Бьющееся сердце вестанда! Видеостена, электроатмосфера, светшоу, лазеры...» Что ни говори, Лондон — лафа для меломанов. Достаточно один раз

забрести в центральный магазин фирмы «HMV» — одной из старейших звукозаписывающих компаний мира (с ее собачкой, сидящей у граммофона на эмблеме), чтобы понять — му-

зыка действительно нет конца, и тщетно ловить ее в сети своих коллекций. Тысячи пластинок, видео- и аудиодисков, кассет, переложенных десятков клипов, крутящихся на тридцати экранах одновременно, эскалаторах, несущие тебя в волнах звука над всем этим изобилием выше и выше, мимо значков и плакатов, эмблем и открыток с лицами кумиров. Вот место, где рискуют сломаться многие, «потерять контроль над собой», «расслабиться», «поддаться»...

Впрочем, если не здесь, то в магазине игрушек... или рядом с витриной фруктовой лавочки, где круглый год, безо всякой очереди «завалены» бананов и персигов, дынь и винограда, африканских папая и манго, лиловых техасских слив, спелой английской земляники, апельсина, ананасов, малины, черешен, груш... Мытых, блестящих...

Кто проскочил и здесь, может споткнуться у огромного ледяного поддона для свежей рыбы, прямо на улице. Крабы, омары, устрицы, раки, форель, лосось лежат на этом поддоне... Или мороженое: на каждом углу — минимум десяти сортов — от лимонного до мягкого с фиштакшами или клубничного с кусочками ягод... Да что там! Думаю, ассортимент других магазинов вы сможете домыслить по аналогии.

Но тот, кто прошел сквозь все это, — закален. Ему уже совершенно нило чем спор из-за сосисок в районном универсаме, он может переключиться на вечные проблемы...

Что делаю и я, неспешным шагом приближаясь к Вестминстерскому аббатству, к Эбби роуд, к сутулую старуку, стоящему на пьедестале напротив «Большого Бена», — это Уинстон Черчилль, — зеленый блик светофора делает его похожим на персонажей мюзиклов Эндрю Уэббера (см. «Ст. М.», 1988, № 9) — легендарный спектакль «Фантом оперы» можно увидеть в пяти минутах ходьбы... А как забавно, проходя мимо театра, обнаружить, что сегодня вечером будет играть Джек Леммон (помните Дафну из «В джазе только девушки»!), или запросто поболтать в Бушхаузе (штаб-квартира Би-би-си)

с радионуклидом застойных лет Севой Новгородцевым...

Черчилль лукаво щурит глаза, поигрывает тростью; несколько опасных метров проезжей полосы отделяют гения кабинетных войн от другого героя Королевства — гордо и бронзово смотрит в лицо двадцатому веку романтический Ричард Львиное Сердце. А чуть дальше не менее бронзовый Кромвель...

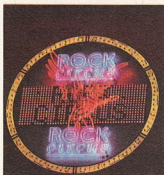
Совсем другими предстанут они в галерее восковых фигур...

За Вестминстером, рядом с витражами, реликвиями, святынями, на огромном «английском» газоне отдыхающие нежатся в прохладе близкой Темзы. Некоторые из них в купальниках и плавках, другие с целой батареей прохладительных напитков, бутербродами, кофе, кто-то с книгой или плейером, кто-то — с подружкой...

Может быть, и мы, крошка, когда-нибудь приляжем загорать на лужайке Александровского сада?!

На мосту ветрено. По реке медленно катится крокодиловая кожа ряби. Ограда с вплетенными в металлический рисунок гербами — памятник многовековой империи, господству Ста-

рого Света. Так же, как склеп Национального музея или гвардейцы в медвежьих шляпах. Убегая от грусти, вскакиваю в притормозивший на переходе

красный автобус. «Р-р-располагайтесь...» — петрушкой встречает меня контролер. На его кожаной сумке гроздь разноцветных значков. Я прикалываю еще один. Он польщен, он делает шутливый реверанс, он учтиво кланяется и, уже отойдя, возвращается, волнуясь: «Россия... Неужели?! Позвольте помочь вам подняться на второй этаж... Куда вы держите путь? Ах, куда глаза глядят?! Прекрасно. Я буду опекать вас в дороге... Может быть, лимонаду?» Он тараторит что-то еще, на ходу раздавая билеты пассажирам: карусель центральных улиц мчит за окном, закрывается в спираль сумерек...

Бейкер-стрит

Сильвестр Сталлоне радостно уставился на меня. Со спрятанными под дорогой пиджак мускулами он далеко не так внушителен, как в фильмах о Рэмбо. Какой-то толстый и маленький. Грожу ему пальцем: «Торчишь здесь вместо того, чтобы поддерживать форму!» Ноль внимания.

Объектом всеобщего внимания становится Шер — звезда Голливуда, доказавшая, что некрасивая может быть сексуальной, а недостатки лучше преподносить как достоинства. Не могу долго смотреть на нее! Навязчиво вспоминается Ереван

и то, что я так и не послал туда из Москвы обещанные приятелю Рафику луковичи тюльпанов. Закрутился! Забыл. Но как же все армяне похожи друг на друга! — если даже голливудская звезда, скрывающаяся под звучным псевдонимом, напоминает Рафика Саркисянца! Молодцы!

Протискиваюсь сквозь толпу куда-то в сторону и вглубь. Ба! Опять знакомое лицо. Украдкой щелкаю по пуговице Пола Маккартни. Как он молод! Наверное, младше меня. Думаю, это начало шестидесятых... И Леннон с ним рядом — веселый, раскрасневшийся, и Харрисон, и Стар.

Вот только одна беда — все ребята сделаны из воска. И если быть откровенным до конца, — сделаны калтурно. Напоминающие куклы со стеклянными взглядами.

...Певица Грэйс Джонс, Тимоти Далтон в роли агента 007... А вот и наши! И без всякой охраны. А вокруг!.. Буш, Тэтчер, Дэн Сяопин... Вся королевская семья, министры, полководцы...

Догадались?..

Ну, конечно! Я в музее Маддам Тюссо. Сюда стремится

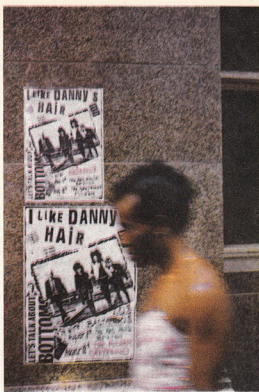
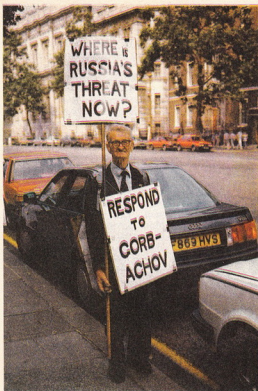
каждый, хоть на денек захвативший в Лондон, не ленится выстоять длинную очередь, не жалеет денег на билеты... и чаще всего обманывается в своих ожиданиях.

Стремление к реалистичности и плохое исполнение вызывают ассоциации с моргом. Коммерция лезет из всех щелей. Музей Тюссо призван удовлетворить страсть обывателя к сплетням и фанатизму перед «великими мира сего».

Коммерция жестока. У Тюссо нет места уходящим в прошлое. Ни Рейгана, ни Брежнева я не увидел, хотя искал. Даже Сталина куда-то закинули. Из «тоталитарников» остались только Наполеон и Гитлер. Да и то последнего выставили на лестницу и спрятали от посетителя антифашистов за толстое стекло у входа в зал ужасов — убийц, электрических стульев и мерзостей. Поделом. Надо было и Иосифа Виссарионовича по другую сторону — чтобы как часовые.

Присел в кресле между фигурами, задумался — и вдруг вижу, присматриваются ко мне посетители, обходят, а одна маленькая девочка даже потрогала за нос и засмеялась. Дальше —

больше. Компания киприотов уже норовит сфотографироваться на моем фоне: кто-то в шутку сказал им, что я — принц Уэльский... Когда встаю, фотограф даже пугается.

Вырываюсь из восковой духоты на ветерок Бейкер-стрит. Улица, будоражащая фантазию. Вот здесь, по этому тротуару, стремительно проходила героиня нашей юности, знаменитый сыщик Холмс, злобно краля профессор Мориарти...

Батмен и 007

В вагоне метро кто-то хорошо поработал пульверизатором. Среди неразборчивых цветных каракулей одна надпись привлекает своей четкостью и величиной. «БАТМЕН» — начертано через всю дверь. Это слово можно прочесть в Лондоне на каждом шагу — американская компания «Ворнер Бразерс» не жалеет денег на рекламу нового фильма, последней версии приключений «Человек — летучая мышь», самой кассовой ленты сезона.

Мальчишки ждут не дождут-

ся начала сеансов и, как видно по пульверизаторной графике, уже начали играть в смелого и бесстрашного защитника обездоленных.

Но главная загвоздка «Батмена» — в актерском составе. На экране — звезды. И во главе команды — сам Джек Николсон (помните Патрика Мак-Мерфи, сыгранного им в фильме «Пролетая над гнездом кукушки?»). В фильме он Джокер, злой гений химической мафии, смертельный враг честного и неподкупного героя. Эта вторая по сюжету роль выведена рекламной на первое место. «Николсон», «Николсон», «Николсон» — пестрят заголовки. «Николсон» — гремит с экрана телевизоров. На выходе из метро покупаю газету «Гардиан» — на первой полосе огромная фотография актера и полемическая статья под названием «Лихой наездник»: как такой серьезный актер мог удариться в коммерческие фокусы-покусы?! Или за шесть миллионов долларов можно купить всякого?

Я выбираю «Лицензию на убийство» — последний фильм

нескончаемого сериала о Джеймсе Бонде, агенте 007, английском разведчике, борце за интересы Ее Величества королевы, Великобритании и демократии. Он идет в соседнем с «Ворнер синема» кинотеатре, прославленном лондонском «Одеоне».

Начало сеанса через полчаса, и я прогуливаюсь по Чайнатауну, китайскому кварталу, сплошь испещренному иероглифами, наполненному галдящими на непонятном языке людьми с узкими глазами, туристами и влюбленными, балдеющими от экзотики. На витринах маленьких рестораничек — копченые куры, на вывесках — толстощекие сердитые драконы. В характере построек — элементы китайского стиля. Прямо посреди улиц — священные арки, бублички.

В парикмахерских делают фантастические прически... Не видел в Лондоне более ярких девиц, чем парикмахерши. Они сами рекламируют свою работу: кудри чуть не до земли, волосы, крашенные в зеленые, фиолетовые, желтые цвета... Через доро-

гу начинается зланный Сохо. «Эй, касатик! — машут мне оттуда веселые женщины в маленьких купальных трусиках, вышедшие за порог своей конторы. — Подгребай сюда!» — «А русские у вас есть?» — кричу я. «Русские?... — замешательство. — Русских нет. Но есть одна чешка... Или хочешь... хочешь, я буду русской?!»

Какая из тебя русская... Я иду к «Одеону» и думаю о Москве. Хочется в чертановскую сякзоту и зиму. Вот она, nostalgia.

...Зрители хрустят воздушной кукурузой, булькают кока-колой, принесенной из фойе в литровых стаканах со льдом и трубочками, покачиваются в мягких «самолетных» креслах, хохочут в голос — в общем, веселятся на свои деньги. На экране приключения с выстрелами и стереофоническими взрывами, с безумной любовью и блистающим океаном. Бонд и наркомафия Латинской Америки борются в воздухе, на земле, под землей и под водой. В ход идут автоматы, ножи, гарпуны, ружья с оптическими прицелами. Трюки изобретательны, ситуации головокружительны. Но в целом фильма нет. Нет, потому что новый исполнитель роли агента 007 (это вторая его картина, первая «Всплохи среди беа дия» — 1987) Тимоти Далтон (я нас известен по телефильму «Джейн Эйр») сильно проигрывает актерам, игравшим Бонда до него, состарившимся и ушедшим на

пенсию «шпионам» Шону Коннери и Роджеру Муру. Проигрывает в остроумии и самоиронии (ведь фильмы о приключениях Джеймса Бонда — сатира и пародия), проигрывает в легкости и обаянии.

Последний щелчок зажигалки, сжигающий облитого бензином мерзавца, последний прыжок (не жалея вечернего смокинга), последний поцелуй — и я шагаю из кинотеатра в расцвеченную огнями рекламную ночь.

Страна чудес

В Лондонском музее кино, расположенном у моста Ватерлоо, можно проводить целые дни. Он недавно открылся и пока единственный в мире. Вся история движущегося образа распространена здесь перед зрителями. От кукол китайского театра теней до «волашебного фонаря», от первого киноаппарата братьев Люмьер до современного голливудского оборудования, электроники, лазеров. Три тысячи квадратных метров выставочного пространства превращены дизайнером Нилом Потером в страну кино- и телечудес.

Чего здесь только нет... Платья Мариали Монро из фильма «В джазе только девушки», трость и котелок Чарли Чаплина... Огромная модель человеческого глаза... Целые куски сюрреалистического мира Сальвадора Дали и Луиса Бунюэля... Голливудский офис сороковых годов.

Роскошный храм Кино, где фигуры звезд, врезанные в колонны, держат потолок. И зеркала, и экраны, и оптические иллюзии, и лабиринты, и мультипликация (здесь же можно попробовать себя в ее создании). А кроме всего прочего, полетать над ночным городом, загримироваться в настоящей гримерной, пообщаться с роботами из космических боевиков, поработать с профессиональной кинокамерой, поруководить телепередатчей. Гиды-актеры в костюмах разных эпох появляются то тут, то там и говорят с публикой от имени своих персонажей. «Статисти! Скорее в кадр!» — кричит голливудский режиссер начала века. Дама в пышном платье делает выговор смущенной шведской девочке в мини-шортах: «Что вы надели на себя, сударыня? Это же

стыдно!» Эдакая игра с публикой. Ну что ж, поиграем и мы.

Вот и знакомая тематика — вагончик передвижного агитпропа. Революционные лозунги. Листовки. Внутри вагончика на экране-простыне — фрагменты из фильмов Эйзенштейна и Дзиги Вертова. А вот и энергичная девушка в кожаной куртке и красной косынке, в сапогах и с маузером на ремне. Идет сквозь толпу, повторяя заученную русскую фразу. Я беру девушку за плечо: «Товарищ!» Кругом все оборачиваются на мой громкий, серьезный голос. Девушка оробела. «Товарищ, где начальник поезда? Мне нужно срочно подписать мандат!» Полуразоблаченная англичанка в красной косынке трясет головой, пытаясь уйти от ответа. «Ты что, русского языка не понимаешь? Я — Вейцлер, из ВЧК от товарища Держинского лично...»

Очень приятно, когда удаются шутки.

Прощальный поклон

На скамейке Трафальгарской площади, наедие с пластиковой бутылкой апельсинового сока я вершу ритуал прощания. Ночная синь приходит на смену оранжевому свету заката. Мне кажется, это я пью его, глоток за глотком.

Знаменитая колонна, символ империи и одиночества, уносит-ся ввысь белой птицей. Адмирал Нельсон гордо провожает с ее вершины пульсирующую огни самолетов. Каменные львы спят у подножия колонны. По ним карабкаются дети, их смешно звенит в приближающейся торжественной тишине. Маленькая чернокожая девочка кружится совсем рядом, ее белое платье развевается...

Я сжимаю в кармане билет. Пора!

Пикетчики скандируют что-то около южноафриканского посольства. О свободе, о честности, о правах человека. Но их голоса уносит ветер.

Иду по улице Белого Холла в сторону Вестминстера, мимо скользящего на посту сувенирного гвардейца в блестящей каске и зачем-то стоящего в темноте продавца воздушных шаров.

Светящийся, затканый паутиной циферблат Большого Бена показывает время старта.

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год и в № 1 за 1990 год.

Орган зрения

Мы недаром говорим: «Он подождал на нее глаз» или: «Любовь с первого взгляда». Зрительные впечатления чаще всего — особенно у молодых — это мотор зарождающегося чувства. Было бы очень грустно, если бы внешняя красота была самым важным и единственным условием любви. Такой подход объясняется прежде всего отсутствием жизненного опыта. Он влюбился в нее, а она влюбилась в него, потому что она такая красивая, симпатичная, а он — мужественный и эlegantный. Именно такие рассуждения характерны

для большинства подростков.

Разумеется, и в более зрелом возрасте красивые черты лица и внешний вид имеют большое значение, но к тому времени мы обычно уже знаем, что нет ничего более непрочного, чем очарование красотой. К счастью для большинства «некрасивых», красота и зрительные впечатления обычно быстро теряют свою привлекательность и уже спустя несколько месяцев или лет мы перестаем видеть в лице близкого человека черты какой-то исключительности, и тогда на первый план выходят другие достоинства и таланты, на которые мы поначалу не обращали внимания. И уввы, вы испытаете тем

большее разочарование, чем больше будете убеждаться, что таковые отсутствуют. Вот в этом-то отношении к красоте и таится шанс для «некрасивых», но интересных в общении, начитанных, остроумных и интеллигентных, которые своей воспитанностью, оптимизмом и неординарным подходом к жизни расцветивают ее повседневные краски и полутона, заставляя увидеть в себе многогранную личность.

Кстати, я хотела бы предостеречь, что люди с красивой, броской внешностью в большинстве своем эгоцентристы и не очень интересные собеседники. Засканные с детства неумеренными восторгами окружающих, они быстро приходят к выводу, что заслуживают особого к себе отношения, и совместная повседневная жизнь с ними достается легкими усилиями.

В области зрительных ощущений возбуждающе действует не только внешний вид партнера, но и другие особенности его личности. Однако существуют различия между реакциями мужчин и женщины на зрительные раздражители. Мужчин возбуждает вид спе-

дифических женских предметов: это могут быть бюстгалтеры, грюски, платочки, ночное белье, а также такие предметы женского туалета, как духи, пудреницы, губная помада, приборы для маникюра. Но наиболее сильно на них действуют, конечно, картины, скульптуры и фотографии, на которых показывается обнаженное женское тело. К этому следует добавить образы кинозвезд в фильмах и телевизионных постановках, звезд балета и встрады и т. п. Часто интерес у мужчин вызывают какие-то отдельные женские качества: например, одних возбуждают женщины с «демоническим» характером, других — так называемые «секс-бомбы» или скромные голубоглазые «тихоня» с конфетной внешностью, третьих — женщины агрессивного склада с обостренной чувственностью и т. д.

У женщин возбуждающие элементы в меньшей степени связаны с воображением и более дифференцированы. Часто в их основе лежат приобретенные рефлекторные реакции, ассоциирующиеся с определенными любовными воспоминаниями.

В отличие от мужчин женщины очень редко возбуждаются, рассматривая скабрзные фотографии или иллюстрированные журналы сомнительного содержания. В то же время они довольно интенсивно переживают сексуальные сцены на кино- и телевизионном экране, напоминающие им когда-то встречавшиеся в их жизни ситуации. Возбуждающее действие оказывает на них также любовная литература, причем в процессе чтения они охотно перевоплощаются в любимых героинь, глубоко переживая вместе с ними их сердечные драмы и хороводы страстей. Подмечено, что интерес у женщин вызывают и отдельные элементы мужской привлекательности, связанные с эротическими эпизодами из биографии партнера. Иногда они наделяют магической силой его черные или зеленые глаза, густые кудри или шелковистый «ежик», а временами — даже намечающуюся или уже отчетливо заметную плешь (ученые, как известно, доказали, что лысина у мужчины — это показатель высокой гормональной активно-

сти, за которой скрыты большие сексуальные возможности). Не менее привлекательны для отдельных женщин красивая гладкая кожа мужчины, тепло, исходящее от прикосновения мужской руки, табачный запах или специфический аромат мужского одеколона. Говоря об арсенале средств воздействия на женщин, нельзя не упомянуть о некоторых музыкальных произведениях или танцевальных ритмах, ассоциирующихся у них с образом любимого человека. Иногда такие ассоциации связаны и с определенным видом физических ласк.

Не секрет, что мужчины в определенном возрасте коллекционируют картинки, фотографии и рисунки порнографического содержания для эротических целей. Женщины, в отличие от них, «накапливают» сексуальные воспоминания о своих любовных переживаниях — нередко придуманных и обязательно распространяющихся в воображении на «героя» своих мечтаний.

Мода в отношении одежды, прически и даже образа жизни была и будет весомым средством для подчеркивания мужских или женских достоинств, а также элементом, визуальным воздействием на сексуальную заинтересованность. В Древнем Египте египтянки тщательной подкрашивали глаза, обнаженную грудь украшали драгоценностями, а их юбки, хотя и были длинными, шились из прозрачных, переливающихся многоцветьем красок, тканей. Мужчины в Египте ходили почти голые, с узкой набедренной повязкой и нательными украшениями. Любопытно, что для представителей обоих полов одним из самых важных элементов одежды были парики, пышные и богато украшенные, тогда как головы брились наголо.

В Древней Греции тоже ходили почти нагими. Их украшала кожа, выхоленная оливковым маслом и гимнастическими упражнениями на свежем воздухе, эластичность движений и физическая сила мускулистых тренированных тел. Греки носили туники — легкий отрезок материи, задрاپированного так искусно, что подчеркивалась гармоничность телосложения.

В середине века костюм слу-

жил для того, чтобы замаскировать всякие телесные соблазны как у женщин, так и мужчин, которым предписывалось одеваться в тяжелые, с преобладанием прямых складок, одежды, под которыми с трудом угадывались очертания наиболее интересных выпуклостей тела. Старательно прятались руки, ноги, плечи и шея, а на голову набрасывали покрывало, но давая задуматься... не возбуждали ли все эти пуританские одеяния больше, чем нагота Древней Греции? Греки ее не стыдились, потому что она составляла естественный элемент их образа жизни.

В эпоху Ренессанса женщины приоткрыли плечи, шею и грудь. Во Франции, во время царствования Людовика XIV, черные мушки, прилепленные на шею, щеке или декольтированной груди, служили ориентиром, куда следует целовать. В то же время мужчины, вырвавшиеся в разноцветные петушинские наряды, носили плотно обтягивающие панталоны, под которыми угадывались рельефно выступившие «свидетельства» их мужского достоинства.

Женские платья во Франции периода Директории были очень простыми и скромными по покрою, но вместе с тем их шили из полупрозрачных тканей, которые создавали только иллюзию, что ими прикрывается нагота. А затем, с течением времени, в ход пошли корсеты, экспонирующие женскую грудь и осиную талию, тюрноры, подчеркивающие линию ягодиц, длинные и короткие юбочки, включая «мини», а также все более декольтированные платья. Потом родились женские брюки, то широкие, то узкие, которые, укорачиваясь, привели к появлению плотно обтягивающих фигуру комбинезонов с полностью открытыми ногами типа «хот-пантес», и если бы, видимо, не климат, то мы бы, несомненно, подобрались и к греческой наготе. И вот тогда нас ожидала бы очередная сюрприз: оказывается, нагота совершенно асексуальна и не дает простора для воображения, которое является мощнейшим мотором секса.

И в наши дни, как и в прошлые века, моду определяет неустанный kaleйдоскоп красок, форм и сопутствующих аксес-

суаров, постоянно пробуждающих взаимный интерес и влечущих на эмоционально-физическую сферу отношений противоположных полов. Как я уже подчеркивала, ни к чему не привыкаешь так быстро, как к красивой внешности, и привычка в совместной жизни сродни равнодушию. Изменения моды имеют еще одно ценное свойство, весьма существенное для женщины: укороченные или удлиненные юбки, мода на прямые или самые замысловатые по рисунку и покрою платья позволяют женщине выбрать для себя такую композицию, которая «прячет» некрасивые ноги, замаскировывает лишние килограммы веса, подчеркивает раскраской ткани цвет глаз, кожи и т. п. Одним словом, изменчивость моды позволяет женщине в течение какого-то времени блистать, демонстрируя наиболее выигрышные линии своей фигуры и элементы внешности, а также подчеркивать красивый цвет лица, шеи, рук и т. д.

До сих пор я говорила о визуальных эффектах, подчеркивающих женскую сексуальность, а как же обстоит дело с мужчинами? Существует, правда, точка зрения, что если мужчина чуть-чуть симпатичнее черта, то он уже красавец, но, во-первых, — я всегда представляла себе черта в образе красивого и страстного мужчины, потому что иначе как же он смог бы обольстить стольких женщин?.. А во-вторых, — наши сегодняшние мужчины не хотят быть похожими на нищенски экипированного «героя» наших сказок с облезлым хвостом. Смеем утверждать, что им больше импонирует такой черт, каким его рисует мое воображение.

Современный мужчина не обязательно должен быть красавцем и даже симпатичным, но мы предъявляем к нему требование, чтобы он был «ухаживаемым» (в мужском, разумеется, понимании этого слова). В одной из песенок Семполинского, известного польского артиста эстрады и кабаре, есть такие слова: «Шелковистый уст блеста и о смысле жизни пел». Сейчас, когда у нас столько замечательных мужчин-бородачей с великолепными усами, не следует забывать, что за ними необходимо ухаживать, что

щеки в местах, отделяющих бороду от усов, должны быть тщательно выбриты (если этого требует форма бороды), а не покрыты зарослями трехдневной щетины, к которой не прикасалось лезвие бритвы. Нельзя не признать, что хорошо подстриженные и ухоженные усы и борода оказывают воздействие на воображение женщины, но их надо носить, как говорится, с умом: они должны быть гармоничными составными частями всей внешности. И здесь мы подходим к сути проблемы — мужчина, который хочет поразить воображение женщины, непременно должен иметь свой стиль.

К сожалению, многие мужчины, в особенности молодые, заворожены царящей модой, подражают, не считаясь с собственной внешностью и физическими данными, своим кумирам — модным актерам и певцам, походя на их неудачные копии. Нельзя без смеха наблюдать, как они мучаются, подделываясь под стереотип поведения своих любимцев.

Существует много разновидностей стилей, которые зависят от возраста, типа красоты и манеры поведения. Мужчина может, например, уметь и стильно преобразиться в этакого современного Робинзона Крузо: длинные волосы, борода, усы, кожаная куртка, джинсы, трикотажная рубашка и сумка мешок на плече. Можно избрать спортивный стиль: гольфы, спортивная куртка, джинсы. Не возбраняется и строгий стиль: элегантный костюм, «бабочка» или галстук, цветной шейный платок и т. п. Мужчина может исповедовать также военный или охотничий стиль, или же следовать так называемому английскому стилю: темный, строгого покроя, костюм, традиционная шляпа и трость-зонтик в руке. Существуют сотни модификаций стиля, недопустим лишь смешанный стиль или, другими словами, отсутствие всякого стиля.

Сексуальная магия наряда кажется в значительной степени нашей верхней одежды, но главным ее инструментом является все же нижнее белье. Верхняя одежда подчеркивает физический и психический облик человека, тогда как белье создает его сексуальный «образ».

. И сегодня, как и в прошлом, ничего в этом отношении не изменилось. Утонченные и изысканные мелочи дамского туалета, умело подобранные к определенному типу красоты, по-прежнему высоко ценятся. Огромную ошибку совершает женщина, которая причешется, прихорашивается и кладет на лицо косметический трим перед тем, как выйти из дома, а затем, по возвращении, едва переступив порог собственной квартиры, надевает старое, потрёпанное платье, в котором «нельзя уже показаться на людях».

Эти замечания, кстати, относятся не только к женщинам. Я уже говорила, что сексуальная заинтересованность неотделима от постоянного сексуального воздействия на органы чувств. Вряд ли кто усомнится в том, что намазанное жирным кремом женское лицо или кололочка, небритая борода мужа, бигуди и сетка на волосах, несезонное постельное, а часто и нательное белье не представляют приятно-зрелища. Мужчина, щеголющий дома в стоптанных шлепанцах и в длинных или в коротких кальсонах, представляет отталкивающее зрелище и наверняка не ассоциируется в женском воображении с образом страстного любовника.

Нижнее белье подчеркивает красоту женщины, когда она раздевается, а ее белье, в которое она облачается перед сном, оказывает такое же возбуждающее действие на партнера, как интимный полумрак, оттеняющий цвет кожи (желтый абжур, свечи и т. п.), разноцветные подушки, одеяла и другие мелочи, которые с течением времени превращаются в символы интимности и секса, в собственный мир условных рефлексов, создающих неповторимый климат любви.

Уединение вдвоем — самое подходящее время для женщины расчесать волосы, заняться косметическим гримом, разобрать очаровательные безделушки женского туалета, а для мужчины это удобный момент надеть красивую домашнюю рубашку или блузу, побриться и слегка смочить одеколоном подстриженную бороду или усы.

*Перевод с польского
Льва Волгина*

Продолжение следует

Свой стиль и своя тема

«Новаторство», «Синтез», «Аскетизм» и «Гротеск» — вот те образные темы, которые сейчас предлагают художники для создания ансамблей одежды. В целом для современной моды характерны крайности — сентиментальность и романтичность, с одной стороны, и лаконичность, спокойствие — с другой.

Тема «Новаторство» предполагает дизайнерский подход к созданию комплекта. Творческим источником служит сюрреалистическое и аналитическое искусство, конструктивизм и футуризм. Темы космоса и фантастики, динамика овала и спирали как бы ломают фигуру. Подходят самые неожиданные сочетания тканей — ситец с болоньевой тканью, парча и клеенка. Ансамбли решаются творчески смело, даже рискованно. «Новаторство» — это эксперимент!

Образная тема «Синтез» отображает моду «улицы». Влияние сентиментализма и романтизма, городского костюма разных эпох делают образ «Синтеза» необычайно изысканным. Легкие многослойные комплекты из мягких ажурных или прозрачных тканей в сочетании со льном и бархатом ассоциируются с историческими персонажами.

Сборки и воланы, шнуровки и бахрома, кисточки и цветы, широкополые шляпы из соломы, кружева и вышивка — вот приметы стиля «Синтез».

Необыкновенно женственный образ создают блузки «крестьянского» кроя, нижние юбки и юбки с подборами из легкодрапирующихся тканей.

Образы темы «Аскетизм» резко противоположны предыдущему стилю и предназначены для интеллектуалов, отказавшихся от экстравагантности.

Обращение к духовным ценностям — вот принцип «Аскетизма». Искусство готики с гос-

подством вертикалей определяют пластику ансамблей.

Большие воротники и капюшоны, накидки и пелерини, рукава, расширенные книзу, обилие вертикальных складок и рельефов, покатые плечи — форма как бы вытягивает фигуру.

Ничего лишнего! Образ цельный и лаконичный. Дополнения в стиле раннего средневековья — сумки четких форм и обувь без каблука, на тонкой подошве.

Если же вы относитесь к моде с юмором, то ваша тема — «Гротеск». Мода — театр и карнавал, шутка и острота.

Костюм — палитра художников-авангардистов начала века. Отделка — аппликация и заплаты.

Принцип контраста — основа темы. Ансамбли «Гротеска» настолько неожиданны, что представить себе их в повседневной жизни трудно. Зато вечер и праздник — их время.

Не будем воспринимать пред-

ложения моды как догму. Каждая тема — это концентрация бесчисленного количества идей. И развивая их, быть может, вы придете к своему стилю не только в одежде, но и в жизни.

Юбка «Аскетизм»

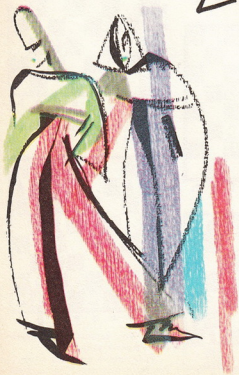
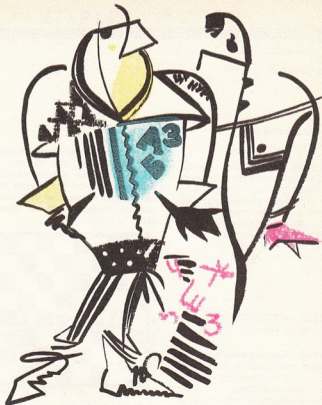
Плиссе нами еще воспринимаются как вчерашний день в моде, а тем временем такая юбка стала днем завтрашним. Правда, на смену жестким тканям, как бы «вломаящимся», пришли мягкие шерстяные крепы. На юбку «плиссе» понадобится две длины ткани при ширине 1 м 40 см. Длина должна доходить до щиколотки, тогда только эта вещь будет остро модной.

Купленную ткань разрежьте на два полотна и соедините по долевой кромке. Шов разутюжьте. В таком виде крой отдайте в ателье, где заложат и запарят складки в плиссе. Вертикальные складки положат начало для создания ансамбля в стиле «Аскетизм» в вашем гардеробе.

Дорогие читатели! Среди ваших писем мне попадались такие, где критикуется моя манера подачи эскизов. Предлагаю, в какой ужас придут эти читатели, увидев мою графику в этом номере. Но, понимаете, я рисую не фасончики, а образ. Образ, каким себе его представляю, — острый, современный. Да, он не всегда красив, но мне кажется, не это главное. Думаю, идеи — тот ход, расшифровав который, читатель сможет создавать свой образ — неповторимый, прекрасный.

Виктория Андреевна

ОФОРМЛЕНИЕ
ВИКТОРИИ АНДРЕЕВНОЙ

Под редакцией

Анатолия Карпова

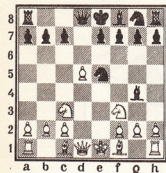
Не расставляя фигур

В самом конце этого месяца, 27 февраля, шахматная общественность отметит 125-летие со дня рождения выдающегося немецкого гроссмейстера и теоретика Якоба Мизеса (1865—1954). Предлагаем вам рассмотреть даже не миниатюру, а «микроминиатюру», выигранную им.

МИЗЕС — ЭКВИСТ Нюрнберг, 1895 г.

1. e4 d5. Уместно заметить, что первую монографию, посвященную этому старинному дебюту (он носит название «Скандинавская защита»), опубликовал в 1918 г. Я. Мизес.

2. ed Ф:d5 3. Кс3 Фd8 4. d4 Кс6
5. Кf3 Сg4 6. d5 Ке5?

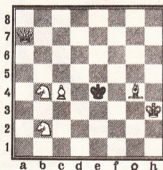

Выясняется, что последний ход черных — ошибка (нужно было 6 ...Кb8). Теперь же следует красивый удар: 7. К:e5! Черные сдались. Почему? Если 7 ...С:d1, то 8. Сb5+ с6 9. de аb 10. с7+, и белые остаются с лишней фигурой.

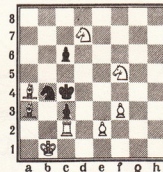
КОНКУРС

Тур второй

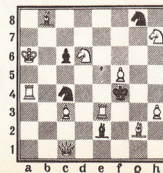
В феврале мы даем вам вдвое больше заданий, чем обычно, — шесть. Все же рассчитываем, что вы уместите все ответы на одной открытке, потому что указать следует только один ход — первый...

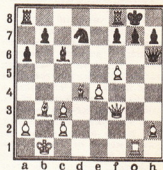
№ 3. Мат в 2 хода.

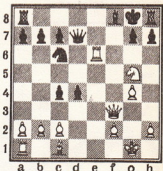
№ 4. Мат в 2 хода.

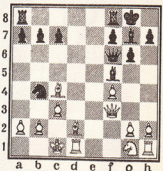
№ 5. Мат в 2 хода.

№ 6. Ход белых. Решающий тактический удар.

№ 7. Ход белых. Решающий тактический удар.

№ 8. Ход черных. Решающий тактический удар.

Итак, шесть «первых ходов». Решения отправьте не позднее 15 марта.

Желаем удачи!

Калифорнийский эксперимент

Калифорния — особый штат. А если вспомнить, что экономическому потенциалу Калифорнии могут позавидовать некоторые великие державы, то становится понятным, почему даже в Соединенных Штатах, стране иммигрантов, штат этот превратился в подлинную Мекку для переселенцев со всех концов света. По официальным данным, здесь оседает примерно треть мирового потока мигрантов.

Естественно, что волны переселения — прежде всего из Азии и стран Центральной и Северной Америки — в значительной степени изменяют этническое лицо Калифорнии, которое становится все более смуглым. И если, по подсчетам всемирно известных экспертов Гудзоновского института, в ближайшие десять лет в Соединенных Штатах лишь 15 процентов лиц, достигших трудоспособного возраста, будут составлять белые мужчины, родившиеся в Америке, то в Калифорнии к наступлению третьего тысячелетия американцы европейского происхождения превратятся, вероятно, в этническое меньшинство.

Такая постоянно изменяющаяся национальная мозаика поставила новые проблемы и перед калифорнийскими университетами, которые всегда стремились путем введения разного рода льгот к более или менее пропорциональному представительству в своих аудиториях «детей разных рас и народов». Смысл основных льгот, названных «статистическими», заключается в том, чтобы облегчить поступление в вузы для молодых выходцев из тех этнических слоев, которые имеют меньшее число университетских дипломов на расчетную тысячу душ.

Льготы эти не превращены в идеологические догмы и постоянно пересматриваются. Так, с 1984 года юноши и девушки азиатского происхождения не считаются более «недостаточно представительной категорией студентов» и должны теперь поступать в университеты на общих основаниях. Против отмены прежней привилегии никто, естественно, возражать не стал, поскольку, например, в известнейшем университете Беркли, что в пригороде Лос-Анджелеса, «азиаты» составляют уже более четверти от общего числа студентов, в то время как испано-американцы — 11 процентов, а негры и вовсе семь.

Кроме того, выяснилось, что в худшем положении по сравнению с представителями этнических меньшинств оказалась белая молодежь из малообеспеченных семей. В результате перед администрациями калифорнийских университетов встал вопрос о необходимости выделения новой льготной категории абитуриентов — выходцев из малоимущих слоев вне зависимости от их национальной или расовой принадлежности.

Весьма характерно, что все усилители калифорнийских попечителей юношества по поддержанию «этнического разнообразия» в стенах высших учебных заведений штата не противоречат поиску светлых голов. Половина первокурсников попадает в университеты благодаря прежде всего отличному успехам в средней школе.

Впрочем, гораздо больше студьев в Калифорнии сломали в пылу полемики вокруг новых университетских программ по истории и культуре Соединенных Штатов. И было из-за чего. Выводы доклада, подготовленного в Стэнфордском университете, были достаточно категоричными: «Отсутствие

взаимопонимания, характерное для контактов между студентами различной этнической принадлежности, объясняется в первую очередь взаимным непониманием культур и традиций».

Самое ценное, что этот выстраданный для Калифорнии вывод не остается благим намерением, ведущим штат в ад этнической напряженности в среде средних классов. С начала прошлого года прежний учебный курс по западной цивилизации подвергся суровой, но конструктивной переработке, для чего, естественно, не потребовалось специальных циркуляров и указаний министерств и ведомств. В США слишком ценят время. Ныне первокурсники Стэнфорда, слушатели лекций по «Культуре, идеям и моральным ценностям», вместо работ пятнадцати классических авторов, прежде обязательных, изучают только Библию, а также сочинения Платона, святого Августина, Макиавелли, Руссо и Маркса. Зато поредевший был список настоятельно рекомендованных к внимательному усвоению работ пополнился именами ученых, представляющих национальные и этнические меньшинства. Что же касается наследий Дарвина, Фрейда, Аристотеля, то их изучение теперь факультативно.

В университете Беркли решили, вероятно, не отставать от своих коллег и «соштатников», и с 1991 года там также вводится углубленное изучение культур различных населяющих Калифорнию этносов. Студентам будет предоставлена возможность выбора для посещения трех из пяти семинаров по истории и культуре основных этнических групп: азиатской, негритянской, индийской, испано-американской и европейской.

Впрочем, сначала даже подоб-

Рубрику ведет

Александр Слюсарев

ное коренное расширение преподавания культур национальных меньшинств США показало многим студентам, представляющим цветное население явно недостаточным. Они потребовали исключения из программы «европейского курса», ссылаясь на сохранение общего наследия «белой» культуры.

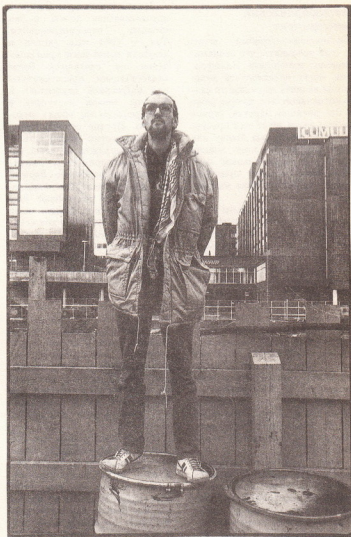
В результате почти год ушел на достижение учебного компромисса, который не ущемлял бы гуманитарные интересы ни одного из этнических студенческих сообществ.

Как и следовало ожидать, «калifornийский эксперимент» вызвал бурные протесты хранителей «чистоты англосаксонской культуры». В их рядах оказался и министр образования США республиканец М. Беннетт, расценивающий политику Станфордского университета как атаку против основ западной цивилизации. Но то ли в США университетские власти равнодушны к указаниям и замечаниям министра, то ли калifornийский пример и впрямь оказался заразительным, только и знаменитый Колумбийский университет, что в Нью-Йорке, решил заменить близкий сердцу Беннетта предмет «Западная цивилизация», введенный сразу после окончания второй мировой войны, на курс «Основные культуры».

И дело, видимо, не в желании университетов в пожарном порядке отреагировать на данные очередной переписи населения, подтвердившей, кстати, что почти для каждого четвертого калifornийца родной язык — испанский и что в Лос-Анджелесе испаноязычная община приближается к четырем миллионам. В США жива память о пожарах негритянских выступлений конца 60-х, из которых Америка вышла обогащенной осознанием гибельности продолжения расовой сегрегации и необходимости скорейшей интеграции всех этнических групп страны.

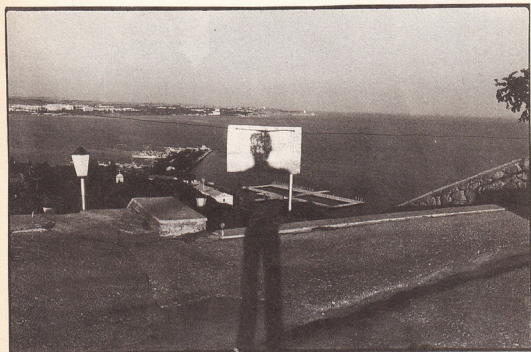
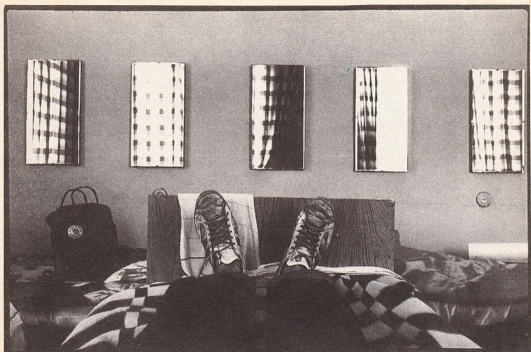
Впрочем, и по прошествии двадцати лет реформы калifornийских университетов остаются все-таки экспериментом.

Михаил Александров

Игорь Мухин приобрел известность в фотографических кругах своими снимками рок-молодежи. Сделанные в течение лет трех, они сталкивают нас с проблемами того бытия,

которое большинству известно мало, а потому вызывает естественный интерес. С тех пор многие все еще ждут от Игоря продолжения снимков этой же серии, а их не будет. Уже есть другие

серии. Весьма любопытны «Фрагменты», точен «Лакокрасочный завод», полна наблюдений подборка

«Париж — Лондон». В данной серии «Автопортрет» присутствие автора

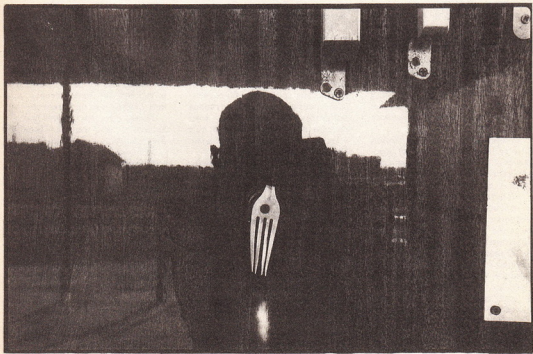
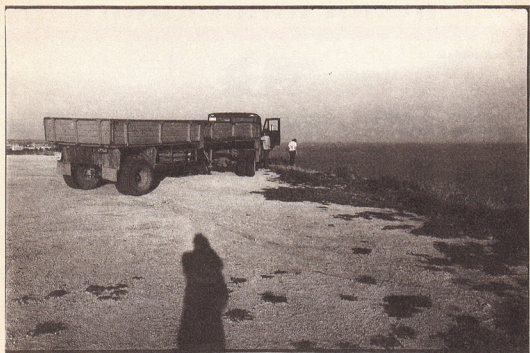
в каждом из снимков позволяет, с одной стороны, преодолеть эффект «замочной скважины»,

свойственной фотографии, а с другой, создать некоторое многомерное исследование пространства,

позволяющее нам по-новому взглянуть на обыденную жизнь. А в юности он был фанатом

«Спартака» и ездил с толпой «красно-белых» на матчи команды.

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Продолжение. Начало в № 2—7, 10, 12 за 1989 год.

Глава 5. Как заинтересовать людей

Те, кому пришлось посетить Теодора Рузвельта в Ойстер Бэй, были изумлены широким кругом и разнообразием его познаний. «Были ли это ковбой или укротитель мустангов, общественный деятель из Нью-Йорка или дипломат, — писал Габриэль Брэдфорд, — Рузвельт всегда знал, о чем говорить с каждым из них. Каким образом ему удавалось это? Очень просто. Накануне того дня, когда Рузвельт ожидал визитера, он усаживался поздно вечером за чтение литературы по тому вопросу, который, по его мнению, должен был особенно заинтересовать гостя.

Ибо Рузвельт знал, как знают это все подлинные руководители, что прямой путь к сердцу человека — это разговор с ним о предметах, наиболее близких его сердцу.

Добрейший Уильям Лайон Фелпс, экстраординарный профессор литературы Йельского университета, рано усвоил этот урок в своей жизни.

«Когда мне было восемь лет, я проводил уик-энд у своей тетушки Либби Линслей в ее доме в Стратфорде на Хаусэтоник, — пишет Уильям Л. Фелпс в своем эссе «Человеческая натура». — Однажды вечером ее навещал господин средних лет. После состязания в любезностях с моей тетей он обратил внимание на меня. Случилось, что я тогда был страстно увлечен лодками, и наш гость направил разговор на эту столь увлекательную для меня тему. После его ухода я восторженно говорил о нем тете. Какой замечательный человек! И как здорово он интересуется лодками! Но тетушка

сообщила мне, что он юрист из Нью-Йорка и никогда не имел дела с лодками, и не проявлял ни малейшего к ним интереса. «Но почему же тогда он все время говорил о лодках?!»

«Потому что он — джентльмен. Он увидел, что ты увлечен лодками, и завел с тобой разговор на эту тему, зная, что это будет тебе интересно и приятно. Он старался понравиться тебе».

«Я никогда не забывал этих слов моей тетки», — заключает У. Л. Фелпс.

Находит ли эта ценнейшая техника человеческих контактов применение в бизнесе? Давайте посмотрим. Возьмем пример Генри Дж. Дювернуа. «Дювернуа и сыновья» — одна из нью-йоркских хлебопекарен высшего класса.

М-р Дювернуа добивался получения заказа на поставку хлеба в один из нью-йоркских отелей. В течение четырех лет каждую неделю он наносил визит директору отеля. Он старался бывать на тех общественных приемах, где присутствовал директор. Он даже снял комнату в этом отеле и жил там в надежде устроить свои дела. Но все было бесполезно.

«После курса изучения человеческих отношений, — рассказывал м-р Дювернуа, — я понял, что надо изменить тактику. Решил выяснить, что интересует этого человека, чем увлекается сильнее всего. Вскоре мне стало известно, что он принадлежит к обществу содержащих отелей, именуемому «Американское гостеприимство». Причем он не только принадлежал к этому обществу, но благодаря своему кипучему энтузиазму стал его президентом, а также и президентом международного общества владельцев отелей. Где бы ни происходили съезды этих обществ, он непременно присутствовал на них, даже если ему для этого надо было перелетать через горы и пересекать моря и пустыни.

Итак, когда я увидел его на следующий день, то завел с ним разговор о деятельности этого общества. Какой отклик это вызвало! Какой отклик! В течение получаса он рассказывал мне о своем обществе голосом, буквально трепещущим от восторга. Я имел возможность с очевидностью убедиться, что общество было его хобби, главной страстью его жизни. Прежде чем покинул его кабинет, он убедил меня вступить в члены его организации. Между тем о хлебе я не сказал в этот раз ни слова. Однако несколькими днями позже мне позвонил служащий его отеля и попросил прийти с образцами продукции и списком цен.

«Не знаю, что вы сделали со стариком, — сказал он, — но только он ни о ком, кроме вас, и слышать не хочет».

Вдумайтесь в это хорошенько! Четыре года я трубил этому человеку в уши о том, что хочу получить от него заказ, и еще протрубил бы столько же, если бы не потрудились узнать, чем он интересуется и о чем любит разговаривать».

Итак, если вы хотите располагать к себе людей, Правило 5-е гласит:

Ведите разговор в круге интересов вашего собеседника.

Глава 6. Как сразу расположить к себе человека

Я стоял в очереди, чтобы отправить заказное письмо, на почтамте, что расположен на углу тридцать третьей улицы и восьмой авеню в Нью-Йорке. И обратил внимание, что сидящему на регистрации клерку явно надоела работа — взвешивать конверты, продавать марки, давать сдачу, выписывать квитанции — одна и та же монотонная скучная работа из года в год. Я подумал про себя: «Надо постараться расположить к себе этого парня. Очевидно, для этого необходимо сказать что-нибудь приятное, только не о себе, а о нем». Итак, спросил я

себя, что же в нем есть тако-го, чем бы можно было искренне воспотиться?

На подобные вопросы иногда весьма нелегко найти ответ, особенно не имея достаточного опыта. Но в данном случае это не представляло труда, так как сразу увидела нечто, вызывающее у меня чувство безграничного восторга.

Как бы хотела иметь такие прекрасные волосы, как у вас! — с чувством произнес я, когда он взвешивал мой конверт.

Чуть издрогнув, он взглянул на меня, его лицо осветлилось улыбкой. «Да что вы, — сказал он скромно, — они уже не так хороши, как раньше». Я заверил его, что хотя, быть может, они и утратили часть своего бывшего великолепия, тем не менее они все еще прекрасны. Он был чрезвычайно польщен. Мы еще немного беседовали, и последнее, что он мне сказал, было: «Мои волосы многим нравятся».

Держу пари, что парень в этот день шел на лекцию, ступая по земле, как по воздуху. Держу пари, что, придя домой вечером, он рассказал об этом жене. Держу пари, что он поглядел на себя в зеркало и сказал: «А у меня действительно красивая шевелюра».

Однажды я рассказал эту историю в обществе, и один из присутствовавших спросил меня: «А что вам от него было нужно?»

Что мне от него было нужно!!! Что я старался от него получить!!!

Если мы столь неизменно эгоистичны, что способны изучать доброту и признательность лишь в том случае, чтобы извлечь для себя какую-нибудь выгоду, если наши души подобны сморщенным прокисшим яблокам, нас неминуемо ожидает банкротство, вполне нами заслуженное.

О да, мне действительно хотелось получить кое-что от этого парня. Но это было нечто бесценное, и я получила его, получила ощущение, что дал ему то, за что он ничего не может дать мне взамен. Подобное чувство долго продолжает светить и петь в нашей памяти после того, как минует случай, породивший его.

Существует один наиважнейший закон человеческого по-

ведения. Если повиноваться ему, мы никогда не попадем в неприятное положение, так как он обеспечит нам бесчисленное количество друзей и постоянное благополучие. Но стоит его нарушить, и мы немедленно попадаем в бесконечные неприятности. Этот закон гласит: всегда поступай так, чтобы у другого создавалось ощущение своей значительности.

Философы размышляли о законах человеческих взаимоотношений в течение тысячелетий, и из всех этих спекуляций выведено только одно важное правило. Оно не ново. Оно старо, как история.

Иисус суммировал его в единой мысли — вероятно, важнейшей в мире:

«Поступайте с людьми так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами».

Вы хотите получить одобрение у тех, с кем вы вступаете в контакт? Вы хотите, чтобы вас оценили по-настоящему? Вы хотите быть значительным человеком в вашем маленьком мире? Вы не хотите слушать дешевую, аживую лесть, но жаждете искреннего признания? Вы хотите, чтобы ваши друзья и сотрудники, подобно Чарльзу Швэбу, были «искренни в своем одобрении и щедры в своих похвалах». Мы все хотим этого.

Итак, будем же повиноваться Золотому правилу и давать людям то, что мы хотели бы получить для себя.

Как? Когда? Где? Ответ один: всегда и везде.

Например, я служащего информации в радиопункте номер кабинета Генри Саулана. Одетый в щеголеватую униформу клерк гордился, по-видимому, своей манерой давать справки. Четко и ясно он произнес: «Генри Саулан (пауза), 18-й этаж (пауза), комната 1816».

Я направился было к лифту, но затем вернулся и сказал: «Хочу поздравить вас с великолепным стилем, в котором вы ответили на мой вопрос. Он ясен и точен, и делаете вы это просто артистически. Такое не часто встретишь».

Присвист от удовольствия, он объяснил мне, почему он делал паузы и почему произнес каждую из фраз именно так, а не иначе. Несколько моих слов

заставили его выше поднять голову, а я, поднимаясь на восемнадцатый этаж, чувствовал, что в этот полдень добавил маленькую крупицу в общую сумму человеческой радости...

Если, например, официантка принесет нам картофельное пюре вместо заказанного картофеля, жаренного по-французски, давайте скажем: «Простите за беспокойство, но я предпочитаю жареный по-французски». Она ответит: «Что вы, никакого беспокойства». И будет рада сделать это для нас, потому что мы проявили к ней уважение.

Коротенькие фразы, такие, как: «Простите за беспокойство», «Не будете ли вы так добры...», «Не угодно ли вам...», «Будьте добры», «Благодарю вас» — эти маленькие любезности, подобно маслу, смазывают шестеренки монотонно работающего механизма ежедневной жизни и, кроме всего прочего, являются признаком хорошего воспитания...

Джордж Истмен, прославивший фирму «Кодак», изобрел прозрачную пленку, которая сделала возможным движение кадров, и сколотил на этом сто миллионов долларов, став одним из самых знаменитых промышленников на земном шаре. Однако, несмотря на все эти колоссальные успехи, он также желал быть признанным и оцененным, как и мы с вами.

Например, много лет назад Истмен предпринял строительство музыкальной школы в Рочестере, а также Килбаурн-холла, театра, который он выстроил в память о своей матери.

Джеймс Адамсон, президент Нью-Йоркской мебельной фирмы «Сьюперьер ситинг компания», хотел получить заказ на поставку стульев и кресел для мебелировки этих зданий. Позвонив архитектору, который вел строительство, м-р Адамсон попросил его устроить встречу с мистером Истменом в Рочестере.

Когда Адамсон прибыл в Рочестер, архитектор сказал ему: «Я знаю, что вы хотите получить этот заказ, но абсолютно точно могу сказать вам, что у вас не будет ни малейших шансов на успех, если вы отнимете у м-ра Истмена более пяти минут времени. Он очень занят и крайне педанти-

чен. Поэтому излагайте свое дело побыстрей и уходите.

Адамсон приготовился действовать соответственно этому указанию. Когда его ввели в кабинет, он увидел мистера Истмена, склоненного над грудой бумаг. По прошествии нескольких минут м-р Истмен поднял голову, снял очки и поднялся из-за стола, приветствуя их: «Доброе утро, джентльмены! Чем могу быть полезен?»

Архитектор представил м-ра Адамсона, изложив в двух словах цель его визита, и тогда м-р Адамсон сказал:

«Пока вы были заняты бумагами, м-р Истмен, я рассматривал ваш кабинет. Вы знаете, моя специальность — внутренняя отделка деревянными покрытиями. Я немало видел интерьеров за свою жизнь, но такого красивого кабинета я не видел никогда».

«Вы напомнили мне то, о чем я почти забыл», — ответил м-р Истмен. — Вы находите, что это красиво? Мне тоже очень нравился этот кабинет в первое время, но теперь за пропущенные дел разных, которыми забита голова, я перестал его замечать. Иногда не вижу его вообще неделями».

Адамсон подошел к стене и провел рукой по панелям: «Это — английский дуб, не правда ли? Он немного отличается текстурой от итальянского».

«Да», — ответил Истмен, — это импортный английский дуб. Его вырубал для меня мой друг, большой специалист по ценным породам дерева». Потом Истмен стал показывать ему кабинет, обращая внимание на пропорции, оттенки цветов, ручную резьбу по дереву и другие эффектные детали, выполненные по его указаниям.

Закончив осмотр кабинета, приведшего Адамсона в совершенный восторг, они остановились у окна, и Истмен с присущей ему скромной и мягкой манерой речи стал рассказывать о видневшихся вдали зданиях, которые были им выстроены и переданы в дар городу с единственной целью — помочь страждущему человечеству. Это были Рочестерский университет, Общегородская больница, Гомеопатическая больница, Детская больница и Дом общества друзей. М-р Адам-

сон горячо поздравил его с благородным идеализмом, руковождаясь которым м-р Истмен использовал свое громадное состояние для облегчения человеческих страданий. Потом Джордж Истмен отпер стеклянную витрину и достал оттуда свое первое детище — фотокамеру, изобретенную одним англичанином и купленную у него Истменом...

Джеймса Адамсона ввели в кабинет Истмена в десять пятнадцать и предупредили, чтобы он не задерживался более пяти минут, но прошел час, прошло два часа, а они все еще продолжали беседовать.

Наконец Джордж Истмен обратился к Адамсону и сказал: «Недавно я был в Японии, купил там несколько стульев и поставил их дома на солнечной веранде. Но со временем от действия солнечных лучей краска на стульях начала облезать. Обнаружив это, на следующий день отправился в город, купил краску и сам покрасил стулья. Хотите посмотреть, как я справился с этой работой? Отлично. Пойдете на лэнч ко мне, и я вам покажу».

После лэнча мистер Истмен показал Адамсону купленные им в Японии стулья. Красная цена им была полтора доллара за штуку, но Джордж Истмен, сколотивший состояние в сто миллионов долларов, гордился ими, потому что сам покрасил их.

Стоимость заказа на стулья достигала 90 тысяч долларов. Как вы полагаете, кто получил заказ — м-р Адамсон или его конкуренты?

С той поры и до самой смерти м-ра Истмена их связывала с м-ром Адамсом большая дружба.

Где же нам с вами следует испытать силу волшебного камня признания прежде всего? А почему бы не начать прямо у себя дома? Не знаю другого такого места, где бы в этом было более нужды и где бы этим более всего пренебрегали. Должна же ваша жена обладать какими-то привлекательными качествами. Во всяком случае, когда-то вы видели их в ней, иначе бы на ней просто не женились. А не скажете ли, как давно вы в последний раз выразили ей свое восхищение? Как давно? Как давно!

Несколько лет назад я ловил рыбку в штаб-квартире племени Мирамичи в Нью-Брансвику. Я находился в полном одиночестве в глубине канадских лесов. Единственное, чем я располагала для чтения, был экземпляр местной газеты. Я прочитал все, что в ней было, включая рекламу, объявления и статью Дороти Дикс. Эта статья так понравилась мне, что я вырезал ее и сохранил. Она писала, что устала слушать бесконечные лекции для невест. Она утверждала, что и женихам со своей стороны не мешает выслушать и усвоить некоторые вещи. И она давала им маленький, но мудрый совет:

Никогда не женились, прежде чем не поцелуете Камень Лести. Хвалить или не хвалить женщину до женитбы — это дело вашего желания. Но хвалить ее после женитбы — это уже необходимость и даже, если хотите, вопрос личного благополучия. Супружеский кров не место для прямолинейности. Это — поле для дипломатии.

Если вы желаете ежедневно иметь роскошный стол, никогда не спыняйте вашу жену за недостатки в ведении домашнего хозяйства и не делайте обидных для нее сравнений между ней и вашей матерью. Наоборот, расхваливайте всегда ее вкус и умение создавать домашний уют, открыто поздравляйте себя с тем, что женились на единственной из женщин, соединившей в себе достоинства Венеры, Минервы и Мэри Энн. Не проявляйте своего недовольства даже тогда, когда хлеб подгорел, а бифштекс напоминает подошву. Просто заметьте, что пища сегодня приготовлена не так изумительно вкусно, как всегда, и она будет готова сама изжариться на кухонной плите, чтобы только соответствовать вашему идеальному представлению о ней.

Не вносите эти перемены в вашу семейную жизнь слишком внезапно — это возбудит в ней подозрение. Но сегодня или завтра, возвращаясь домой, купите ей цветы или коробку конфет. Не говорите себе: «Да-да, надо будет это сделать». Сделайте это. И принесите ей вместе с цветами свою ласковую улыбку и несколько теплых слов...

Однажды Дороти Дикс интервьюировала знаменитого многоженца, который покорила сердца и банковские счета двадцати трех женщин. (Надо, между прочим, заметить, что интервью он давал, уже находясь в тюрьме.) На ее вопрос, каким образом он заставлял женщин влюбляться в себя, он ответил, что для этого не требуется никаких уловок: все, что вы должны делать, — это, разговаривая с женщиной, говорить о ней.

Этот прием отлично действует и на мужчин: «Говорите человеку о нем самом, — сказал Дизраэли, проницательнейший из правителей Британской империи, — говорите человеку о нем самом, и он будет слушать вас часами».

Итак, если вы хотите расположить к себе людей, Правило 6-е гласит:

Давайте людям почувствовать их значительность — и делайте это искренне.

Вы уже достаточно долго читали эту книгу. Закройте ее теперь, выколтите пепел из вашей трубки и начните применять философию признания немедленно на ближайшем к вам человеке.

А затем ожидайте магического действия.

Реюме

Шесть способов располагать к себе людей

Правило 1: Проявляйте искренний интерес к другим людям.

Правило 2: Улыбайтесь!

Правило 3: Помните, что для человека звук его имени является самым сладким и самым важным звуком человеческой речи.

Правило 4: Будьте хорошим слушателем. Поощряйте других рассказывать вам о себе.

Правило 5: Ведите разговор в круге интересов вашего собеседника.

Правило 6: Давайте людям почувствовать их значительность — и делайте это искренне.

Продолжение следует

Сразу хочу предупредить вас о следующем. Если в дальнейшем тексте я не оговариваю число поворотов того или иного упражнения, то это значит, что в самом начале тренировки его следует выполнять в три серии. Причем, каждая включает 8—10 повторений, а в сумме их должно, таким образом, получиться около 30. Эти упражнения надо выполнять в течение часа или хотя бы минут сорока, устраивая между сериями минутную паузу.

Отжим лежа. Это самое важное упражнение для развития массы мышц верхней части вашего тела. И — прежде всего — мышц грудной клетки.

Итак, ложимся на спину на полу, ноги раздвигаем до полуметра, то есть таким образом, чтобы обеспечить себе опору, добиться для тела в момент усилия устойчивого положения. Захватываем штангу относительно широким захватом, опускаем ее на грудь, а затем поднимаем на вытянутые руки. При опускании — вдох, при поднятии — выдох.

Необходимо постепенно использовать принцип увеличения нагрузки. В каждой последующей серии берем чуть больший вес и выполняем во время тренировки пять серий со следующим числом повторений 8—8—6—6—6—6.

Подтягивание широким хватом. Упражнение способствует развитию внешней мус-

кулатуры и мышц спины. Кроме того, оно делает мышцы спины более эластичными.

Подтягиваемся широким «птичьим» хватом до тех пор, пока подбородок не оказывается на уровне перекладины. Затем медленно опускаемся. Обычно я выполняю упражнение 10 раз. Иногда захватываю ногами небольшой груз и уже с ним подтягиваюсь 6—8 раз.

Если кто-нибудь не может сделать это упражнение 10 раз, то выполняйте столько раз, сколько можете. Но в конце концов вы должны дойти до 30 подтягиваний с «птичьим» хватом перекладины.

Подъем и толкание. Подъем тяжестей укрепляет дельтовые мышцы. Захват штанги должен быть на 15 сантиметров шире, чем наши плечи. Садимся. Наши ноги должны быть расставлены на 30 сантиметров. Итак, первый этап — поднимаем штангу с пола к груди. Второй этап — медленный толчок штанги вверх на вытянутые над головой руки.

Это упражнение можно делать и стоя, но я лично предпочитаю в сидячем положении. В таком варианте оно меньше нагружает нижнюю часть спины. При его выполнении желательно также пользоваться защитным поясом. Как и в других случаях, здесь необходимо использовать принцип увеличения нагрузки.

Упражнение по развитию бицепса. Сразу оговорюсь, оно очень важное. Никакое иное не имеет такого влияния на формирование бицепса.

Захват руками штанги ближе к ее середине обеспечивает равномерную нагрузку. Как обычно, необходимо начать работу с таким грузом, который примерно после пятого подъема будет нам казаться, конечно же, все тяжелее, но реальным, то есть посильным.

Это упражнение подает кровь в бицепсы. Кроме того, оно служит для развития силы мышц и их увеличения.

Продолжение следует

Мэрилин Монро

Алексей Вейцлер

Продолжение. Начало в № 10 за 1988 год и в № 4, 11 за 1989 год.

I часть. Гадкий утенок, или Превращение Нормы Джин

Первый мужчина

«Она была девушкой, когда вышла за меня», — повторила потом Джимми Даферти.

Паришка «из дома по соседству», которому посчастливилось стать первым мужем Мэрилин Монро, он был работягой на военном заводе Локхид. Худой, длинный, чуждый романтики и остроумия.

Для Нормы Джимми явился гарантией того, что ее никогда больше не отдадут в приют, и поэтому она радостно бросилась в его объятия, как бросилась бы в объятия другого. «Настоящая любовь приходит с годами» — эту фразу в книге «Подготовка к браку» Норма старательно подчеркнула. Смысл происходящего отнюдь не сводился к выбору мужа хорошей шестнадцатилетней кокеткой — будущая звезда раз и навсегда выбирала для себя Свободу.

19 июля 1942 года сыграли свадьбу. Она закончилась в голливудском ночном кабаре «Флорентийские сады».

«Я была прекраснейшей женщиной! — писала ММ в дневнике. — Опыт первой ночи укрепил мое тогдашнее равнодушие к сексу. Муж либо не понимал этого, либо не замечал. Мы были молоды и часто затрагивали эту мучительную тему. Наш брак имел вид дружбы с сексуальными привилегиями. Позже я убедилась, что многие браки не лучше нашего. Мужья бывают хорошими любовниками, только когда обманывают своих жен. Важным следствием моего замужества было освобождение от комплекса сироты. За это я благодарна Джиму».

Брак не принес будущей актрисе ни счастья, ни боли. Они очень мало разговаривали — говорить было не о чем. Для Джима это было естественно. Досадным недостатком жены первое время он считал лишь неумение готовить еду. Норма давала ему на ужин морковь и горошек (ей нравились их цвета), кофе с солью — для экзотического вкуса, прятала в бутерброды, которые Даферти брал с собой на работу, длинные любовные записки (она играла в любящую жену). Все это он еще мог вытерпеть. Но когда она стала встречать его по вечерам одетая — или, вернее, раздетая а-ля «парижское кабаре», или «восточный гарем», или «африканское племя», — у простого парня стало складываться впечатление, что он пригрез на груди потенциальную девицу для развлечения, а вовсе не дорогую и верную половину, супругу на всю жизнь. Джим все чаще в довольно прямолинейной форме высказывал свои мысли Норме... Даферти не догадывался, что женщина, которую он прижимал к себе как собственность, уже не принадлежит ему и что звание первого мужа суперзвезды — это все, чего он добился в своей обыденной жизни...

Никогда не отказывайте фотोगрафам

Между тем шла вторая мировая война. «Союзники уже открыли второй фронт, и Джимми Даферти был одним из них. Он ушел на флот.

Норма, как и тысячи других американок, заменивших мужчин у станков, работала теперь на военном заводе — она занималась окраской самолетов, которые потом сражались в небе

сах под Брестом, Берлином, Ла-Маншем. Погибали и побеждали.

Работа в красильном цехе стала для Нормы только ступенькой к основному вкладу в Победу. Ей суждено было принять участие в великом действе, стоящем выше самых сложных задач техники.

Душа солдата, его боевой дух, думы о доме, мечты о любви — все это брала под контроль пропаганда. Армейские журналисты-фотографы рыскали по заводам и фабрикам, отыскивая милейших работников, чтобы показать усталым, израненным парням, залегшим где-нибудь на западе Франции, что тыл вместе с ними бьется за победу. И какой тыл!

Французский журналист Сильвен Ренер, исследуя вкусы того времени, писал о том, что одиночество и страх огромной войны вызывали у солдатской толпы желание найти ангел-хранителя, способного противостоять ее силе, что чудовищно гипертрофировало в их представлении женские формы, доводя их до карикатурных размеров. До неприличия выпуклое тело, сочетающееся с чистой и наивностью идеализированного образа жаждущей подружки — такой тип особенно был любим фронтовиками.

«Вас обязательно нужно сфотографировать», — сказала Норме фотограф армейского журнала. Его звали Дэвид Коновер.

Так Норма впервые очутилась перед камерой профессионала, чтобы уже никогда не избавиться от предложений сфотографироваться.

Фотомодель

Друг Коновера Петер Хьюэм, придя в восторг от серии фотографий «заводской девчонки», рекомендовал Норму Джин в агентство Эммелин Сниви для работы фотомоделью. Ей предлагали новые и новые контракты. Она совершенствовала себя: гимнастика с гантелями, движение, позы, походка, улыбка, макияж — на это уходили целые дни.

Окончание на стр. 79

Ответь на вопросы,
отрежь полосу и пришли
в редакцию.

Как известно, Европа, дочь царя Агенора, была похищена Зевсом, обратившимся в быка.

А откуда родом мифическая принцесса?

1. Азия
2. Греция
3. Кипр

Весной 1987 года впервые были выпущены монеты Европейского сообщества достоинством в пять экю. Банк какой страны осуществил их эмиссию?

1. Бельгия
2. Великобритания
3. Италия

Ни один из ныне здравствующих композиторов не удостоился чести сочинить гимн Европейского сообщества. Мелодию какого композитора-классика предпочли сделать музыкальным символом «единой Европы»?

1. Бетховен
2. Вагнер
3. Верди

Эдит Пиаф добилась славы не только как певица, но и как композитор. Какую песню ее сочинения в раннее время исполняли Луи Армстронг, Жозефина Бейкер, Марлен Дитрих и совсем недавно Грейс Джонс?

1. Аккордеонист
2. Милора
3. Жизнь в розовом свете

Все лишнее
вычеркнуть

Фамилия _____

Имя _____

Возраст _____

Адрес _____

Не опаздывайте
с ответами. Последний
срок — 15 марта с. г.

«Имеет ли право человек, получивший высшее образование и проработавший три года по специальности, получить второе высшее образование?»

Ротаенко А. В., г. Тальное.

Правом на поступление во второй вуз пользуются выпускники, имеющие ходатайство с места работы о необходимости получения второй специальности по роду деятельности или имеющее медицинское заключение о невозможности продолжения работы по первой специальности из-за ухудшения состояния здоровья.

Указанное выше касается и тех, кто отработал три года по распределению.

Основание: инструктивное письмо Минвуза СССР от 9 февраля 1961 года № И—11.

«Моя дочь все экзамены зимней сессии сдала на «отлично», но по одному из зачетов имела «хорошо», на экзамене по этому же предмету получила «отлично». Стипендию ей платят как студентке, сдавшей на «хорошо» и «отлично». Правильно ли это?»

Кочанович А. Ф., г. Советск.

Дифференцированные оценки по зачетам учитываются наравне с оценками, полученными на экзаменах, когда по данной специальности в экзаменационной сессии экзамена не сдают.

Если же студенты вначале сдают зачет, а потом экзамен по той же дисциплине, то оценка, полученная при сдаче зачета, не принимается во внимание при назначении стипендии.

«Я был отчислен после третьего семестра, так как не сдал один экзамен из четырех. Прошу ответить, какие существуют правила восстановления и должен ли я сдавать заново эти три предмета или могу продолжить

учебу с четвертого семестра, сдав один экзамен?»

Рамазанов А. А., г. Гробинья.

Студент, отчисленный со второго курса вуза за академическую неуспеваемость, имеет право на восстановление в летний каникулярный период на курс не ниже второго при наличии стажа работы после отчисления не менее 10 месяцев при представлении характеристики-ходатайства с места работы. Указанный порядок применяется при восстановлении как в тот же, так и в другой институт. Восстановление допускается, если со дня отчисления прошло не более 5 лет. Решение о восстановлении находится в компетенции ректора.

Основание: инструктивное письмо Минвуза СССР от 1.07.83 № 26.

Что же касается передачи сданных Вами дисциплин за второй курс, то этот вопрос находится в компетенции декана факультета.

«Я — студентка, жду ребенка. Мой муж призван на срочную военную службу. Расскажите, пожалуйста, на какие льготы и пособия я могу рассчитывать до и после рождения ребенка.»

Мамохина С., г. Тула.

За студентками-стипендиатками на период родового отпуска сохраняется право на получение стипендии. Со дня рождения ребенка студентке, не имеющей академической задолженности, стипендия выплачивается независимо от того, является ли она стипендиаткой.

После окончания послеродового отпуска студентка имеет право оформить отпуск до тех пор, пока ребенку не исполнится год. В этом случае ей назначается пособие в размере 35 рублей в месяц, правом на получение стипендии она в этот период не

пользуется. В связи с рождением ребенка ей выплачивается вузом единовременное пособие в размере 50 рублей. По исполнению ребенку одного года студентка имеет право на отпуск по уходу за ним еще на 6 месяцев.

Если совокупный доход Вашей семьи (он определяется по доходам семьи за календарный год, предшествующий году обращения за назначением пособия) составляет менее 50 рублей в месяц, то со дня рождения ребенка Вам должно быть назначено пособие в размере 12 рублей в месяц по месту учебы.

Основание: постановление Президиума ВЦСПС от 12.11.84 № 13—6 и Положение, утв. постановлением Совета Министров СССР от 25.09.74 № 752.

«Я слышал, что наши советские граждане обучаются в зарубежных странах и что там за 5 лет можно получить несколько специальностей, а у нас это, к сожалению, не практикуется. Не могли бы вы подсказать мне, кто именно может стать студентом зарубежного института и что для этого необходимо делать?»

Толканев Г., г. Краматорск.

На учебу в зарубежные вузы, в основном социалистических стран, направляют тех, кто после успешной сдачи вступительных экзаменов был зачислен в один из советских вузов и проучился там не менее одного года. Направляются на учебу в вузы других стран студенты из числа успешно обучающихся с учетом мнения общественных организаций, с согласия ректора и по направлению министерства (ведомства) по подчиненности учебного заведения.

И еще, направляемые на учебу за рубеж должны владеть соответствующим иностранным языком.

«Хочу заметить, что Ринго уже дедушка...»

«У Майкла Джексона крошится нос», — сообщают из Ростова-на-Дону. «Дитер Болен сидит в тюрьме, он развелся с женой», — пишут из Ленинграда. Да, я сегодня опять дежурный по отделу писем. Что-то новенького принесет нам сегодня читательский телеграф?

«Вы, видимо, и не подозреваете, что слова к песне Сандры «Мария Магдалена» написал я», — уверяет Рустам из города Куляб. «У Ричи Блэкмора мать турчанка, поэтому он использует в своих композициях восточные темы», — пишут из Махачкалы. А вот... В семье Маккартни, кажется, пополнение. «Скоро у меня родится сын, а его отец — Пол Маккартни. Назову я его — Петр, в честь отца», — сообщает нам Вика из Кустаная. Ну и ну?!

«Юра Шатунов будет жить в Сочи из-за болезни», — пишет корреспондент из Магадана. «Группа «Ласковый май» устроила драку в самолете и вовлекла в нее двух пассажиров», — сообщают из Кушки. «Юра и «Ласковый май» — это «звезда», которая все быстрее приближается к Земле», — считает Марина из Вышнего Волочка.

«Кино» и «Наутилус Помпилиус» — сейчас самые популярные группы в Союзе», — констатирует Арон из Краснодара. Следующее сообщение из Донецка. Оказывается, что «... в Юрочку Шатунова влюблены девочки всего нашего города».

«Когда-нибудь я расскажу своим внукам и напишу воспоминания о гастролях на севере дальнем, в Нарьян-Маре, группы «Кайф». Это впечатление на всю оставшуюся жизнь», — делится с нами своими творческими планами студентка Анжела.

А письма все идут и идут. Каждый день новые сенсации. Стоит ли продолжать, читатель???

Дежурил в отделе писем
Дмитрий Должиков

Начало на стр. 76

«Я никогда не встречала такой терпеливой, настойчивой, трудолюбивой девушки, — рассказывала о Норме Эммелин Снивли. — Она была очень уверена в себе. Уверена до такой степени, что без страха оставила завод ради нашей нестабильной профессии. У нее не было тогда ничего, кроме красоты, таланта и этой уверенности. Норма выделяла такое, что было не под силу никакой другой. Часами она изучала каждую свою фотографию, а потом устраивала фотографам настоящий допрос: «Почему эта фотография не получилась лучше?» или «Что я сделала здесь неправильно?» Фотографы отвечали ей, и Норма Джин никогда больше не повторяла своей ошибки. Остальные девочки подходили ко мне и спрашивали: что им нужно делать, чтобы выглядеть так же, как

она?! И знаете, что я им отвечала? Я говорила, что не могу научить их и половине того, что может Норма! Никогда больше не будет модели, хоть отдаленно напоминающей ее...»

Первая любовь

Андрэ де Дьенс был фотографом и романтиком. Эмигрант из Европы, он приехал в Штаты для того, чтобы найти свою мечту — очаровательную блондинку на фоне пейзажей из фильмов-вестернов. Но Америка оказалась такой же прозаической, как Европа, а сказки продолжали появляться только на киноэкране. И молодой фотограф начал разочаровываться в жизни.

И разочаровался бы совсем, если бы однажды случайно не набрал телефонный номер агентства Эммелин Снивли...

Продолжение следует

Хочу в Сорбонну

Редакция «Ст. М.» получает немало писем, авторы которых хотели бы «неформальным образом», минуя официальные квоты Государственного комитета СССР по народному образованию, поехать учиться за границу. С юношеским максимализмом наши корреспонденты обвиняют в нарушении международных пактов по правам человека командно-административную систему, которая якобы никогда не допускает появления советских «вольных» студентов на Западе. Чаще всего этот запрещенный бюрократами плод именуется Сорбонной, являющейся, судя по всему, для многих символом образования «там».

Даем справку

Если в предстоящем сентябре вы собрались занять место под куполом прежней Сорбонны*, то ваш поезд во Францию ушел, 15 января завершился первый этап регистрации претендентов на право стать студентом одного из французских университетов.

Но нет причин для отчаяния. Если вам «снова захочется учиться в Париже», то, дождавшись первого декабря, стоит только постучаться в дверь культурного атташа французского посольства, и вам выдадут подборку анкет и справок, имеющую людьми со вкусом — досье. Собрав бумажки, пардон, составив досье, необходимо отправить его в посольство.

Теперь остается только сдать экзамен-тест на знание французского и набраться терпения, так как ваше досье вместе с листком теста будет до 15 апреля направлено в первый из трех указанных вами университетов. Предпочтительнее провинциальных. После этого ваше досье пускают по цепочке. Не сочтут вас достойным быть студентом Гренобльского университета — передадут документы в Марсельский, если, конечно, заранее не оговорено, что вам

вреден средиземноморский климат. Пока суть да дело, ваши бумаги могут и затеряться в пути. В этом случае необходимо послать письмо-уведомление, сохранив его копию.

Предположим, что вам все-таки не повезло и вы отвергнуты по всему списку. При условии, что ваша оценка за тест не ниже 10 баллов, остается еще одна возможность прямо апеллировать к французскому министерству просвещения с просьбой направить вас в любой университет, готовый приютить на своей скамье иностранца-неудачника.

Если же вам повезло и вы получили положительный ответ хотя бы одного из намеченных университетов, то до 31 августа подтвердите письмом неизменность своих планов, пройдите медицинскую комиссию, получите иностранный паспорт с визой «лонг сежур». И адье.

Впрочем, минутку: присядем на дорожку и послушаем еще об одной особенности «их образа и подобия жизни». Обучение во Франции бесплатно, но никто еще не жил «науками и свежей водой». А ведь пить, есть надо, за комнату в общежитии платить, да и издержки по вашему мучительному производству во французские студенты возместить придется. Так что, пока еще есть время, пересчитайте конвертируемую наличность. Или найдите спонсоров...

Отдел международной жизни

«Мальчик Зима» возник передо мной тогда, в феврале 1984 года, в общем-то случайно. Я не искал встречи со Славой Бутусовым, хотя давно уже слышал об «арховецкой» группе «Наутилус», еще без приставки «Помпидуус». Просто группа стаяла «кантри-музик» Свердловского архитектурного института «Саквож» и недавно обретший название «Нау...» релетировали в одном клубе САИ.

Я увидел смуглого, чуть флегматичного и немного смущающегося «арховца»-выпускника, совсем не похожего на эпатажных, энергичных, эмоциональных и насмешливых собратьев по альма-матер... В ту первую встречу я запомнил его как «человека в черном». В следующие случайные столкновения Слава представлял передо мной неизменно в черных тонах. Песню же «Мальчик Зима» на стихи Димы Умецкого, неизменного друга Славы и второго после него «отца» «Наутилуса», мне довелось услышать гораздо позже.

И все-таки уверен, что лучше всего о Славе Бутусове может рассказать сам «Мальчик Зима»: «Насколько мне известно, родился я в Сибири, в Красноярске, на Бугаче, куда мои родители, будучи комсомольцами-энтузиастами, уехали строить Красноярский ГЭС. По моему представлению Бугач — нечто вроде нынешнего люберского средоточия, рос я там до пятнадцати лет, после чего родители переехали в Свердловск, потом — в Сургут. Там, на Севере, я окончил школу. Поступил в Свердловский архитектурный институт и закончил его в 1984 году. Три года работал в проектной организации с ужасным названием «Уралгипротранс», проектировала интерьеры метрополитена. У Корбюзье есть формулировка, что архитектура — это застывшая музыка, поэтому нет ничего удивительного, что я от одного перешел к другому».

Андрей Лысьвенский

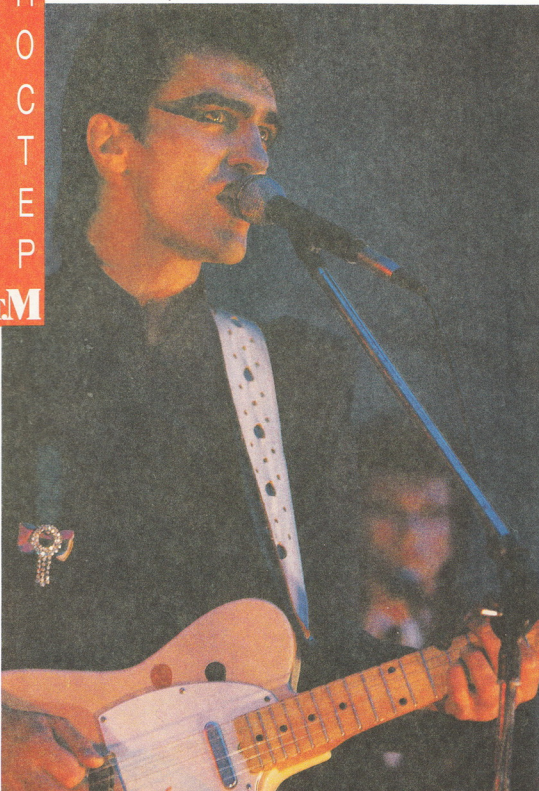
* После студенческих выступлений 1968 года Сорбонна разделена на ряд самостоятельных университетов: Париж I, Париж II...

ФОТО СЕРГЕЯ КУЗНЕЦОВА

П
О
С
Т
Е
Р

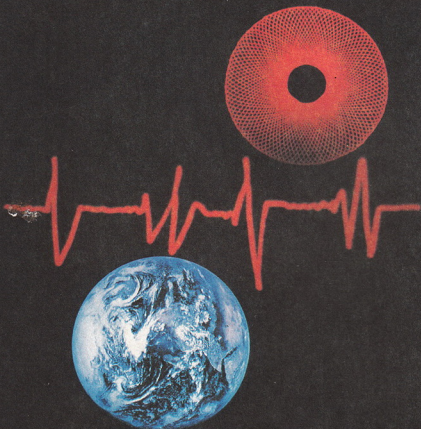
СТМ

Вячеслав Бутусов

«Ритм» готов на все

ФОТО ВЛАДИМИРА ПЧЕЛКИНА

Молодежный центр «Ритм» ЦШ СО ЦК ВЛКСМ — многопрофильное хозрасчетное объединение. А значит, занимается распространением и внедрением научно-технических достижений, прежде всего электронно-вычислительной техники. Выполняет дизайнерские, проектные, монтажно-строительные работы. «Ритм» — это и видеослужбы, и ритм современной

музыкальной жизни. «Ритм» — это и помощь в налаживании внешнеэкономических связей. Но, впрочем, всего не перечить, что может «Ритм».

Адрес «Ритма»: 107078, Москва, ул. Садово-Спасская, 19/2. Телефоны: 262-13-11, 975-44-08. Расчетный счет № 608454 в I ОПЕРУ МГУ ЖСЕ.